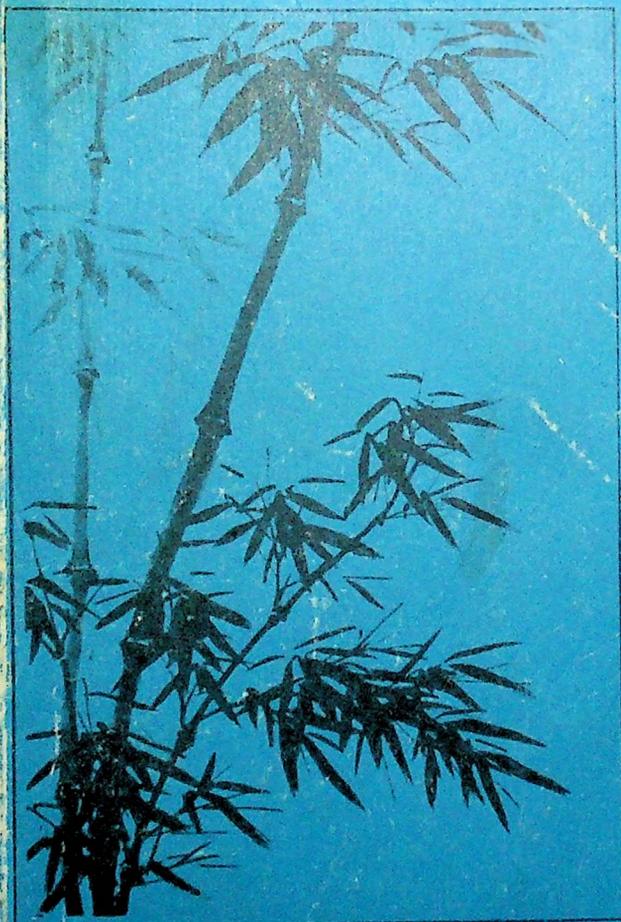

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/95

ISSN 0131 - 2812

Мир в США и южнокорейско-
российские отношения

Ресурсы и экономика
Дальнего Востока России

Окончание второй мировой
войны и Корея

Секретная операция
в заливе Кольд-Бей

Теория конфуцианской личности:
современная трактовка

1996 год - Год Мыши

2011 2013

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

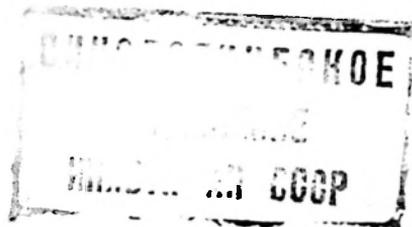
6/95

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

РЕГИОН

- Ким Сок Кю.* Мир в Северо-Восточной Азии и южнокорейско-
российские отношения..... 3
А.Марков. Что же дальше? (О развитии российско-японских
отношений)..... 10

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- В.Андреанов.* Ресурсный потенциал и структура экономики
Дальнего Востока России..... 19
А.Сергеев. Проблемы и перспективы интеграции морских
портов российского Дальнего Востока в АТР..... 28

ЭКОНОМИКА

- А.Борисов.* Торгово-экономические связи между Россией и
Тайванем в 1994 году..... 33
В.Хлынов. Система стимулирования труда на крупных
предприятиях Японии..... 38
И.Азовский. Китайский порт Ляньюньган - будущий "новый
Гонконг"..... 47

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- С.Лузянин.* Ялтинская конференция и проблемы междуна-
родно-правового оформления МНР накануне и в годы второй
мировой войны..... 52
Ю.Ванин. Окончание второй мировой войны и Корея..... 61

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Р.Рассел. "Мертвый театр был живым" (Секретная советско-американская морская операция по ленд-лизу в заливе Колд-Бей)..... 72

МЕМУАРЫ

Начало заграничного этапа работы. Из воспоминаний посла СССР в Китае А.С.Панюшкина (Публикация А.С.Титова)..... 81

ВОСТОК-ЗАПАД

С.Белоусов. Китайские либералы XX века: поиски синтеза культур Востока и Запада..... 93

КЛУБ КОНФУЦИЯ

Чэн Чжунзин. Теория конфуцианской личности: самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии..... 105

ТРАДИЦИИ

В.Сидихменов. 1996 год - Год Мыши (Крысы)..... 107

РУССКИЕ В КИТАЕ

Е.Таскина. Культурное наследие дальневосточного Русского Зарубежья. Краткий библиографический обзор. 1990-1995..... 108

КУЛЬТУРА

С.Торопцев. Это молодое девяностолетнее китайское кино..... 112

Т.Пострелова. Мчашиеся кони Сюй Бэйхуна (К 100-летию художника)..... 123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вручение дипломов "Почетный доктор ИДВ РАН"..... 130

Е.Фадеева. Китай, китайская цивилизация и мир. VI Международная научная конференция..... 131

З.Муромцева. Социальные проблемы Китая на современном этапе..... 138

РЕЦЕНЗИИ

Н.Федоренко. Россия и страны Азии: поиск путей обновления..... 143

Н.Тебин. А.И.Сенаторов. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности..... 147

Е.Фадеева. Китайская культура 20-40-х годов и современность..... 152

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1995 год..... 155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Я.М. Бергер (зам.главного редактора), Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Н. Кашин, В.В. Малявин, С.А. Манежев, П.А. Минакир, В.С. Мясников, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, Б.Л. Рифтин, Б.Н. Славинский (зам.главного редактора), Н.Н. Соловьев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, Г.Д. Сухарчук, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Мир в Северо-Восточной Азии и южнокорейско-российские отношения*

© 1995

Ким Сок Кю

Прошло два года и четыре месяца с того момента, как я 13 марта 1993 г. вручил Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину верительные грамоты посла Республики Корея в России. За последние годы отношения между Республикой Корея и Россией достигли заметного развития во всех областях, достигнув уровня конструктивного взаимодействия партнеров. В политическом плане Республика Корея и Россия разделяют идеи и ценности либеральной демократии, а в экономическом плане - укрепляют и развивают сотрудничество в условиях системы рыночной экономики.

Республика Корея и Россия разделяют мнение о том, что до установления на Корейском полуострове новой системы мира ныне действующая система перемирия должна сохраняться. Россия активно и неуклонно сотрудничает в деле укрепления мира на Корейском полуострове и в деле мира и стабильности в Северо-Восточной Азии.

Что касается экономической сферы, то предполагается, что торговый оборот между двумя странами достигнет в нынешнем году 3-х млрд. долл. Найдено решение проблемы возвращения кредита, выделенного Республикой Корея России, достигнута договоренность о выплате кредита сырьем и оружием. Практически решен вопрос о строительстве в Москве Торгового Центра Республики Корея. Большой прогресс наблюдается и в реализации таких крупных проектов, как расширение южнокорейских инвестиций в развитие свободной экономической зоны в Находке, освоение месторождений природного газа в Республике Саха и Иркутске.

Из года в год растет и взаимный обмен поездками граждан двух стран: сейчас более 100 тыс. южнокорейцев посещают Россию и 100 тыс. россиян приезжают в Республику Корея. Расширяется обмен в области культуры, науки и спорта. В настоящее время более 1500 студентов проходят обучение в вузах России. Но все эти факты имеют большое значение не потому, что свидетельствуют об удовлетворенности нынешним уровнем развития от-

Ким Сок Кю, Посол Республики Корея в Российской Федерации

* Выступление на Ученом Совете ИДВ РАН 15 сентября 1995 г. посвященном присвоению звания почетного доктора ИДВ РАН.

ношений между Республикой Корея и Россией, а потому что являются залогом их еще более успешного развития в будущем.

Россия является и европейским государством, и азиатской страной. И если раньше политика России ориентировалась в основном на Европу, то в настоящее время российская политика в отношении Азии, устремленная в новую азиатско-тихоокеанскую эру, приобретает все больший вес. В политике России в отношении Азиатско-тихоокеанского региона сотрудничество с Республикой Корея является очень важным элементом.

Новые условия безопасности в Северо-Восточной Азии

В Северо-Восточной Азии существуют факторы, взаимно противоречащие друг другу, одни - положительные, вносящие вклад в укрепление мира в этом регионе, другие - отрицательные, выраженные в росте неопределенности, вызванной крушением миропорядка, обусловленного "холодной войной".

Распад бывшего СССР способствовал разрушению структуры противостояния сверхдержав, основанного на идеологии. В регионе Северо-Восточной Азии это можно назвать положительным обстоятельством, которое высвечивает возможность для укрепления мира в этом регионе. Другим, способствующим этому фактором, является ставка большинства стран Северо-Восточной Азии на экономическое развитие, для реализации чего необходимы стабильные условия безопасности.

Отрицательные факторы также налицо. Во-первых, это тенденция к уменьшению роли США в регионе. "Мирные дивиденды", которые получают США в результате окончания "холодной войны", используются ими в решении внутренних проблем, в то время как основным направлением их внешней политики стала экономика, а не безопасность, в связи с чем роль США в Азиатско-тихоокеанском регионе сокращается и характер ее меняется. Следовательно, можно говорить о том, что в Северо-Восточной Азии возникает "вакуум силы" и усиливается неопределенность, вызванная этим.

Во-вторых, отчетливая тенденция к гонке вооружений в регионе. В частности, явное стремление к гонке вооружений и взаимному сдерживанию между Китаем и Японией, что дестабилизирует ситуацию в регионе. Существует и много других нерешенных проблем, таких как напряженность между Тайванем и Китаем, проблема о.Спратли, проблема Южных Курил.

В таких условиях для установления подлинного мира и стабильности в Северо-Восточной Азии необходимы многосторонний диалог на тему безопасности и поиск системы сотрудничества между странами региона.

В связи с изменениями состояния безопасности в Северо-Восточной Азии ученые и политики предлагают для установления мира и стабильности в регионе следующие варианты и способы их достижения:

Первое. Реалисты придерживаются мнения о том, что отношения между странами в основном решаются методами силы, поэтому, они считают, что США должны сохранять равновесие сил в регионе, опираясь на поддержание двусторонних союзнических отношений со странами региона, которые установлены к настоящему времени.

Однако такая позиция имеет и слабые стороны. Дело в том, что после окончания "холодной войны" понятие безопасности расширилось и значение военной безопасности, которое оно имело в прошлом, превратилось во всеобъемлющее понятие, включающее политические и экономические условия, проблемы беженцев, наркотиков и др., поэтому, на наш взгляд, недостаточно опираться лишь на существующие военные союзы.

Второе. Ведется обсуждение вопроса о создании системы коллективной безопасности по типу ОБСЕ (организации по безопасности и сотрудничеству в Европе). Однако в силу ряда обстоятельств создание такой системы в регионе на нынешнем этапе представляется нереалистичной.

Поэтому в нынешних условиях наилучшим планом действий, который мог бы внести вклад в дело мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, я бы назвал программу многостороннего диалога по проблемам безопасности и расширение сотрудничества. Этот план является как бы компромиссом между указанными выше двумя программами, и он позволит не только избежать разрушения равновесия сил между странами региона, но и на основе сохранения существующих двусторонних отношений, которые установили США с азиатскими странами, подготовить почву для создания новой системы безопасности.

Такая программа многостороннего диалога и сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии, непривычном к диалогу, на первом этапе должна ставить основной целью обсуждение вопросов, представляющих общий интерес для стран региона, и добиваясь ясности во взаимоотношениях, прийти в конечном итоге к осознанию всеми необходимости общей безопасности.

Попытки создания системы многосторонней безопасности и сотрудничества

К настоящему времени уже выдвинуто немало проектов многостороннего диалога по проблемам безопасности в Северо-Восточной Азии. Среди них выделяется Азиатский региональный форум (АРФ).

АРФ был создан согласно решению проведения на регулярной основе, начиная с 1994 г. Азиатского национального форума для конкретного обсуждения вопросов безопасности АТР. Оно было принято на расширенном совещании министров иностранных дел стран АСЕАН в июле 1993 г. Республика Корея и Россия стали полноправными членами этого форума.

АРФ обсуждал вопросы безопасности Азиатско-тихоокеанского региона на рабочих совещаниях на высшем уровне и на совещаниях министров иностранных дел стран АСЕАН, а также на семинарах по вопросам безопасности. Основной вывод, сделанный до настоящего времени, заключается в том, что для стабильности и мира в этом регионе необходимы меры по укреплению доверия между странами региона и вместе с тем необходимо прилагать усилия для превентивной дипломатии.

Республика Корея активно поддерживает подобный многосторонний диалог по проблемам безопасности в АТР. Более того, необходимо установление многостороннего диалога по вопросам безопасности и на субрегиональном уровне, в регионе Северо-Восточной Азии.

Министр иностранных дел Хан Сын Чжу, выступая 31 мая 1993 г. в Южнокорейской дипломатической ассоциации, отметил: "Правительство Республики Корея активно участвует в многостороннем диалоге по проблемам безопасности АТР и внесет свой вклад в развитие этого диалога, но вместе с тем считает, что необходимо подумать о создании системы безопасности и сотрудничества по типу ОБСЕ, но меньшего масштаба - для Северо-Восточной Азии."

Кроме того, Хан Сын Чжу, выступая 25 июля 1994 г. в Бангкоке на общем учредительном совещании АРФ, предложил создать многосторонний диалог по вопросам безопасности Северо-Восточной Азии, основное внимание которого будет сосредоточено на обсуждении проблем безопасности. Как видно из речи министра иностранных дел, такое предложение Республики Корея вызвано необходимостью в условиях перемен состояния безопасности в Севе-

ро-Восточной Азии, происходящих после окончания "холодной войны", активно реагировать на изменения в политике окружающих государств, включая США. Поэтому Республика Корея одновременно с активным участием в общем диалоге по вопросам безопасности АТР ведет работу по установлению диалога на субрегиональном уровне через создание консультативного органа по безопасности Северо-Восточной Азии и стремится к тому, чтобы эффективно управлять ситуацией раскола Корейского полуострова.

Россия выдвигала различные предложения установления диалога на тему безопасности в АТР, начиная с брежневских времен бывшего Советского Союза и, особенно, во времена президента Горбачева. Президент Ельцин во время визита в Республику Корея (ноябрь 1992 г.), выступая в парламенте, выдвинул предложение о "создании механизма многостороннего диалога на каждом субрегиональном уровне АТР, открытии центра по предотвращению конфликтов и споров в АТР для регулирования кризисных ситуаций, создания исследовательского центра стратегических проблем".

Кроме того, в связи с северокорейскими ядерными разработками Россия 24 марта 1994 г. предложила созвать так называемую конференцию восьми, в которой бы приняли участие шесть стран, включая Южную и Северную Корею, США, Россию, Китай и Японию, а также были приглашены представители ООН и МАГАТЭ. Это предложение России о созыве международной конференции должно быть расценено как выдвижение программы многостороннего сближения во вопросах безопасности Северо-Восточной Азии, хотя имеются проблемы и неясности в целях и намерениях обсудить не только северокорейский ядерный вопрос, который и явился мотивом российской инициативы, но весь спектр проблем Корейского полуострова, и эта идея не смогла быть реализована по причине отсутствия активной реакции со стороны заинтересованных государств в тот период.

Рассмотрим, какую же позицию занимает Северная Корея в вопросе о многостороннем диалоге на тему безопасности в Северо-Восточной Азии, к установлению которого стремятся Республика Корея и Россия. В ходе рассмотрения северокорейского ядерного вопроса Северная Корея игнорировала принципы МАГАТЭ, членом которой она сама является, и стремилась разрешить эту проблему лишь на основе диалога с США. Нет необходимости говорить о том, что Северная Корея продемонстрировала прохладную реакцию на российское предложение о созыве международной конференции.

Проблема северокорейских ядерных разработок и отношения между Югом и Севером Кореи

Северокорейская ядерная проблема возникла после того, как МАГАТЭ, исследовавшее ядерные возможности Северной Кореи, пришло к выводу о том, что Север имел возможность извлечь значительное количество плутония и потребовало 15 февраля 1993 г. специальной инспекции ядерных объектов в Северной Кореи, после чего 12 марта Северная Корея объявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). МАГАТЭ и ООН неоднократно призывали Северную Корею не выходить из ДНЯО и допустить инспекцию МАГАТЭ в страну. Последующие события развивались таким образом, что достигли кризисного состояния, когда Северная Корея в конце концов вышла из МАГАТЭ 13 июня 1994 г. и создалась реальная угроза проявления в отношении нее санкций ООН.

В этот момент бывший президент США Дж.Картер посетил Северную Корею и заручился обещанием Ким Ир Сена заморозить ядерные разработки. После

смерти Ким Ир Сена 8 июля 1994 г. переговоры между США и Северной Кореей начались вновь и, наконец, 21 октября 1994 г. в Женеве было подписано соглашение между США и Северной Кореей. В этом соглашении Северная Корея дала обещание заморозить ядерные разработки, демонтировать соответствующие объекты, а также не производить работ по обогащению отработанного топлива. В качестве компенсации за замораживание Севером ядерных разработок США решили предоставить альтернативные источники энергии и установить в Северной Корее два легководных реактора мощностью по 1000 мегаватт. Для практической реализации обещаний, данных Северной Корее, 9 марта 1995 г. была создана организация по развитию энергетики Кореи (КЕДО).

В этом процессе одной из самых больших проблем стал вопрос о том, кто же возьмет на себя финансирование работ по строительству легководных реакторов, общая стоимость которых превышает 4 млрд. долл. Республика Корея, исходя из того, что решение северокорейского ядерного вопроса является проблемой для всей нации и проблемой Корейского полуострова, приняла на себя большую часть финансовых обязательств. При этом Республика Корея потребовала, чтобы были поставлены легководные реакторы южнокорейского образца и Южная Корея играла бы центральную роль в реализации данного проекта. Продолжавшая отказываться от южнокорейских реакторов Северная Корея 12 июня 1995 г. в Куала-Лумпуре пошла по существу на принятие легководных реакторов южнокорейского типа, и на сегодняшний день этот вопрос находится в состоянии, когда завершены первые исследования площадки (Сингхо, Северная Корея).

Но при этом Северная Корея продолжает отказываться от диалога с Южной Кореей, которая является основным поставщиком легководных реакторов. Правительство Республики Корея, убежденное в том, что мир и стабильность на Корейском полуострове могут быть достигнуты лишь путем примирения и сотрудничества через диалог, постоянно предлагает Северной Корее проведение диалога. Оказание помощи Северной Корее в виде поставок риса, являясь гуманитарной акцией, также свидетельствует о стремлении правительства Республики Корея к установлению более широкого диалога с Северной Кореей.

15 августа Президент Республики Корея Ким Ен Сам изложил три основных принципа создания системы мира на Корейском полуострове и призвал Северную Корею принять их:

Первое. Вопрос создания системы мира на Корейском полуострове должен быть решен непременно путем консультаций между Югом и Севером Кореи. Потому что ответственность за сохранение мира на Корейском полуострове в конечном итоге лежит на Южной и Северной Корее.

Второе. Президент подчеркнул, что для создания системы мира на Корейском полуострове необходимы сотрудничество и поддержка со стороны государств, имеющих отношение к данному вопросу. Таким образом мир на Корейском полуострове сможет внести вклад в укрепление стабильности не только нашей нации, но и Северо-Восточной Азии, и в дело мира во всем мире.

Третье. Должны уважаться все договоренности, достигнутые между Югом и Севером, включая Основное соглашение и Совместную декларацию о превращении Корейского полуострова в безъядерную зону. Первым шагом к миру является укрепление доверия, а доверие означает взаимное выполнение и реализацию данных обещаний.

Президент Ким Ен Сам призвал также Северную Корею к последовательному выполнению нынешнего Соглашения о перемирии и совместной выработке конкретных мер, направленных на создание новой системы мира.

Я считаю, что подлинный мир и стабильность в Северо-Восточной Азии могут быть достигнуты лишь тогда, когда Северная Корея согласится с

указанными принципами и совместно будет прилагать усилия к установлению мира и стабильности на Корейском полуострове.

Россия согласна с тем, что проблемы Корейского полуострова в основном должны быть решены между Югом и Севером Кореи. Россия также считает, что хотя ныне действующая система перемирия и устарела, она должна сохраняться до тех пор, пока не будет установлена новая система мира.

Многосторонний диалог по проблемам безопасности с участием неправительственных организаций

Несмотря на усилия Республики Корея и России не сняты напряженность и противостояние между Югом и Севером Кореи. Северная Корея продолжает придерживаться позиции изоляционизма и отказа от диалога, поэтому мне кажется, что мир и стабильность на Корейском полуострове в ближайшее время будут трудно достижимы, а значит, что и многосторонний диалог по вопросам безопасности в Северо-Восточной Азии будет трудным.

Но нельзя сидеть сложа руки и терять шансы на закрепление мира, с таким трудом завоеванного после окончания "холодной войны". В нынешних условиях, когда прерван официальный межправительственный диалог с Северной Кореей, необходимо, используя общественные структуры, прилагать все силы к тому, чтобы привести Север к диалогу.

Институт мировых проблем и вопросов сотрудничества при филиале Калифорнийского университета в Сан-Диего, начиная с 1993 г. проводит Конференцию по вопросам безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии, к работе которой привлечены правительственные чиновники и ученые. Первая конференция прошла в американском городе Сан-Диего, вторая - в Токио, третья состоялась в минувшем апреле в Москве и четвертую конференцию планируется провести в 1996 г. в Пекине. На эту конференцию были приглашены Южная и Северная Корея, США, Япония, Китай и Россия. Северная Корея после участия на раннем этапе в подготовительной конференции, которая состоялась в Сан-Диего, не принимала участия в последующих конференциях, но мы надеемся, что она будет участвовать в работе четвертой конференции, которая состоится в будущем году в Пекине. Думаю, что достижение мира в Северо-Восточной Азии намного приблизится, когда, одновременно с усилиями, направленными на установление межправительственного диалога, будет укрепляться сотрудничество через неправительственные организации.

Роль России как азиатского государства

Россия является как европейским государством, так и азиатской страной. Поднимая свою экономику и осваивая районы Дальнего Востока и Сибири, Россия должна создать новую международную модель сотрудничества с АТР. Рассмотрим потенциал России как государства Азиатско-тихоокеанского региона.

Россия занимает 1-е место в мире по наличию природных богатств, 3-е место после Китая и АСЕАН по людским ресурсам и 3-е место по технологиям после США и Японии. Российский Дальний Восток имеет огромные лесные ресурсы, равные 21 млрд. 300 млн. куб. м, причем 50% из них уже готовы для лесозаготовок. Имеются залежи и производятся цветные металлы, строительные материалы, алмазы - всего свыше 70 видов важнейших минералов.

В недрах российской земли находятся 308 млн. т нефти, 18 млрд. 100 млн. т каменного угля, 1 трлн. 500 млрд. куб. м природного газа. Рыбные ресурсы в прибрежных районах составляют 26 млн. т. Район Дальнего Востока

обладает огромными водными ресурсами, способными вырабатывать 1 трлн. кВт. В настоящее время используется лишь 6% этой мощности.

Торговля России с азиатскими странами составляет 25% (1994) всего объема российской торговли и растет более быстрыми темпами по сравнению с торговлей с другими регионами. Торговый оборот России с США составляет 5 млрд. долл., с Китаем - 5 млрд. долл., с Японией - 4,5 млрд. долл., с Республикой Корея - 2,3 млрд. долл., с Тайванем - 1,2 млрд. долл., с Таиландом - 1 млрд. и по 800 млн. долл. с Гонконгом и Сингапуром.

Россия уже участвует в многостороннем сотрудничестве со странами региона и является членом таких организаций по многостороннему экономическому сотрудничеству АТР, как ЭСКАП и ПЕКК. Россия стремится также стать членом АПЕК (Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), самой важной из подобных структур, чтобы занять достойное место в экономике АТР.

Как я подчеркнул выше, исходя из возможностей и потенциала России, ее участие в АПЕК представляется вполне обоснованным. При этом Россия разделяет дух и цели АПЕК. И хотя вступление России в АПЕК откладывается по причине моратория, который будет действовать до конца 1996 г., она уже заручилась твердой поддержкой Республики Корея и Китая. В частности, Республика Корея является страной, которая первой четко заявила о поддержке вступления России в АПЕК в совместном заявлении президентов двух стран.

Будущее отношений между Республикой Корея и Россией

Республика Корея и Россия разделяют идеи либеральной демократии, а в экономическом плане стремятся к дальнейшему развитию в условиях системы рыночной экономики. В отношениях между двумя странами не может быть конфликтов и противоречий. Поэтому я думаю, что отношения между двумя странами могут беспрепятственно и успешно развиваться и стать примером взаимодополняющего, а не соперничающего сотрудничества.

Россия является цивилизованным государством с обширной, богатой природными ресурсами, территорией, солидной научной базой, передовыми современными технологиями, грамотными специалистами в области литературы и искусства мирового уровня. Нет сомнения в том, что скоро Россия преодолет нынешние трудности и вновь станет одним из ведущих государств мира.

Россия сможет сыграть большую роль и как страна, поддерживающая идеи мирного объединения корейского полуострова, а Республика Корея сможет внести свой вклад в развитие России и ее сближение со странами АТР.

Пока не удалось добиться установления прочного мира в Северо-Восточной Азии и все еще действуют многочисленные отрицательные факторы, но мы должны стремиться к дальнейшему экономическому развитию и укреплять систему безопасности.

30 сентября исполняется 5 лет со дня восстановления дипломатических отношений между Республикой Корея и Российской Федерацией. За минувшие годы отношения наших двух стран достигли поистине удивительного развития во многих областях. И теперь южнокорейско-российские отношения углубляют свои корни. Республика Корея и Россия должны встретить наступающий XXI век как конструктивные партнеры, тесно сотрудничая друг с другом на благо совместного процветания.

Что же дальше?

(О развитии российско-японских отношений)

© 1995

А.Марков

Исполнилось 50 лет после окончания войны СССР с Японией. Однако отношения между двумя странами не урегулированы, и Россия остается единственной страной, принимавшей участие в войне с Японией, с которой Токио отказывается подписать мирный договор. Главная причина тому - претензии Японии на Южные Курилы. И эта, и другие сложные нерешенные проблемы во многом порождены противостоянием "восток-запад" в годы "холодной войны" и продолжают негативно влиять на политику и дипломатию двух стран. Уходя в прошлое, "холодная война" оставила после себя немало сложных проблем, которые, следуя ее логике, создавались Токио и Вашингтоном, чтобы не допустить полной нормализации отношений Японии с "коммунистическим Советским Союзом". Москва, в свою очередь, столь же настойчиво проводила политику противостояния "агрессивному империализму". Теперь нет "холодной" войны, нет и Советского Союза. Однако, рожденные прошлым противостоянием проблемы по-прежнему остаются "камнем преткновения" в отношениях России и Японии.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что за последние годы ничего не изменилось. В обеих странах растет желание понять друг друга, отказаться от застарелого чувства недоверия, положить конец затянувшимся на многие годы и десятилетия бесплодным спорам и взаимным претензиям. Влиятельная газета "Иомиури" писала 4 ноября 1992 г., что правительству Японии давно пора занять более гибкую позицию и не выдвигать территориальных претензий к России. Опрос общественного мнения, проведенный газетой "Хоккайдо симбун" в сентябре того же года показал, что более 60 процентов опрошенных считают, что правительство могло бы быть более гибким в этом вопросе, а 11% полагают, что "России не нужно ничего отдавать Японии". Ежемесячник "Хосэки" в ноябре 1992 г. опубликовал высказывания 20 известных японских бизнесменов, которые выступают против искусственного нагнетания антирусских настроений в стране "в связи с территориальной проблемой". "Самое главное, - подчеркивали они, - это добрососедство, устремленное в будущее, а не спор о Курилах. К сожалению, мы привыкли видеть в соседней стране только плохое, но это неверно: в России есть немало добрых, вежливых людей, которые поражают силой духа, интеллекта и подлинного патриотизма". Число критиков "негибкой политики" правительства в отношении России, по сообщению газеты "Иомиури" возросло до 74%. Уходит в прошлое "образ врага", слабеет восприятие Японии, как потенциального

противника и в России. Если в 1988 г. 35 процентов опрошенных россиян заявляли, что не считают Японию миролюбивой страной, то в 1990 г. - только 18, а в 1994 г. - лишь 7,1 процентов респондентов заявили, что по-прежнему не доверяют Японии и считают ее потенциально опасным соседом³.

Указывая на неэффективность и непоследовательность политики своего правительства в отношении России, некоторые видные деятели Японии обращались к президенту России Б.Н.Ельцину с петициями, в которых советовали ему не связываться с консервативными правительствами и подождать, когда к власти в Японии придут новые люди⁴.

За последние годы в Японии сменилось несколько кабинетов. И все они в своих программах провозглашали твердую решимость нормализовать отношения с Россией, но ни один из них не смог отступить от политики "жесткого курса" в отношении "Северного соседа". В Токио все еще сильно влияние тех, кто стремится утверждать и в политике, и в общественном мнении страны негативный образ России, "с которой нельзя найти общий язык". С немалыми трудностями сталкивается и правительство России, где также десятилетиями насаждалось чувство неприязни и недоверия к Японии, к ее политике.

Важно однако отметить, что ни Россия, ни Япония не могут теперь без ущерба для себя игнорировать коренные изменения в мире, покончившие с "холодной войной". Россия проявляет твердую решимость в нормализации отношений с Японией, расширении с ней торгово-экономических связей и контактов, усматривая в этом возможность ускорения экономических реформ. Со своей стороны и Япония не может не учитывать "новых реалий" в мире, ухудшающейся для нее конъюнктуры на мировых рынках, особенно трудностей на рынках США и Западной Европы, где сосредоточены ее главные торгово-экономические интересы. И все это на фоне крайне сложного положения в ее собственной экономике. Она не может также игнорировать очевидного факта улучшения отношений России с США, с Китаем, с Южной Кореей, с другими странами азиатско-тихоокеанского региона, которые не видят более угрозы со стороны "Северного гиганта" и стремятся развивать с ним отношения.

В этом быстро меняющемся мире Япония как бы задержалась в эпохе "холодной войны". Сейчас ясно, что поддержка территориальных претензий Японии к России со стороны США и других стран Запада во многом была обусловлена противостоянием времен "холодной войны" и в последнее время заметно ослабела. Многие считают, что Японии пора прекратить спор из-за островов и активно включиться в дело стабилизации в России, в других странах СНГ в целях облегчения их движения к демократии, к свободному рынку. Китай же прямо заявил о пересмотре в пользу России своей прежней позиции в отношении территориальных претензий Японии⁵.

Все это - причины для размышлений и тревог японского руководства, заставляющие его искать выход из создавшегося положения. И особую роль в нормализации российско-японских отношений, по мнению многих японских и российских специалистов, могут после улучшения внутривнутриполитического положения в России сыграть близко расположенные к Японии, богатые сырьевыми и энергетическими ресурсами районы Российского Дальнего Востока и Сибири. Однако, подчеркивают они, для этого совершенно необходимо создать надежную правовую основу.

Касаясь этого вопроса, представитель правительства Японии, посол по особым поручениям Н.Мацунага в январе 1993 г. заявил на встрече с прессой, что улучшение японо-российских отношений имеет для Японии, для всего мирового сообщества чрезвычайно важное значение. Переговоры же по территориальному вопросу потребуют еще много времени. В свою очередь прези-

дент Ассоциации содействия торговле с Россией Т.Яхиро говорил: "Японских предпринимателей, занимающихся торговлей с Россией, мало заботит территориальная проблема. Нас волнует коммерческая выгода и безопасность бизнеса, о чем трудно говорить в современных условиях, когда, к примеру, замораживаются валютные счета российско-японских СП, неожиданно вводятся баснословные налоги на российский экспорт"⁶.

Сибирь: сотрудничество в целях развития

В российско-японских отношениях сотрудничество в освоении Сибири всегда играло важную роль. При этом следует учитывать евроазиатское положение России, масштабы Сибири, ее потенциальные возможности и природные богатства. Сама проблема успешного развития сотрудничества наших государств, полной нормализации их отношений имеет не локальное, а общемировое значение, поскольку прямо или косвенно затрагивает интересы многих стран. Сибирь всегда вызывала большой интерес не только в Японии, но и в США, в Китае и в других странах Азии. А подходы к реализации этого интереса, к Сибири носят порой своеобразный характер. Кое-кто и теперь не прочь развивать "сотрудничество" в Сибири, укреплять там свое влияние, уповая то на силу, то на возникающие межнациональные трения, то на местные сепаратистские настроения. При этом речь идет не о каких-то четырех островах Курильской гряды, а о неизмеримо большем.

В декабре 1992 г. газета "Нью-Йорк Таймс" опубликовала статью профессора Уолтера Мида, который полагает, что, учитывая кризисное положение экономики и финансовые трудности России, США просто могли бы купить у нее Сибирь "по справедливой цене, возможно, примерно, за 2-3 триллиона долларов". По мнению автора, "продажа Сибири Соединенным Штатам является наилучшим способом решения и российских проблем". Это сделало бы "Россию не просто более богатой, но и более сильной страной", а благодаря значительному вливанию капитала "Россия может начать переход в первый мир вместо того, чтобы скатываться в третий"⁷. Разумеется, это бредовое предложение, оскорбительное для россиян, для сибиряков, столетиями живущих на этой земле и корнями своими связанных с Россией. Не верит в его реализацию, вероятно, и автор статьи. Однако, заложенную в нем идею нельзя игнорировать. Она отражает определенные настроения в кругах крупного американского и японского бизнеса. Не случайно автор его концентрирует внимание на том, что Сибирь сейчас в трудном положении. Она нуждается в финансовой и экономической помощи, ею плохо управляют, а в отношениях некоторых ее регионов с Центром возникают серьезные трения.

Конечно, Сибирь теперь открыта и доступна для активной деятельности иностранного капитала, для различных форм сотрудничества. И это может способствовать ее развитию, расширению ее связей и контактов с зарубежьем, но может и усиливать тенденции к дезинтеграции огромного края, к отходу и отрыву ее частей от Центральной России, сделав возможной их колонизацию.

Уолтер Мид доводит свою идею до абсурда: ни о продаже, ни о покупке Сибири, разумеется, никто не думает. Это невозможно, да в этом и нет необходимости. В сущности, автор статьи предлагает свою идею развития "сотрудничества". Ее цель - "освоение" Сибири, ее отдельных районов и постепенный отрыв их от Центральной России. Эта цель, намекает он, может быть достигнута путем мощного финансового и экономического вторжения, путем установления прямых деловых и политических связей с властями этих

регионов. "Мы должны предложить России, - писал Мид в феврале 1994 г., - наивысшую цену за наиболее крупные уступки". Среди них аренда предприятий по добыче полезных ископаемых в обмен на погашение иностранных долгов России, или "гонконизации" района Владивостока⁸.

Разумеется, подобные формы "сотрудничества" не могут быть приняты правительством и народом России и, конечно, Сибири. Однако они имеют явных и скрытых приверженцев не только в Америке, где многие привыкли мыслить глобальными категориями, опираясь на военную силу или финансовую мощь, но и в Японии. При этом все они надеются заручиться поддержкой со стороны активизировавшихся за последние годы в Сибири местных "областников" и "районщиков", которые добиваются не только права самим распоряжаться имеющимися на их территории природными богатствами, но и возможности напрямую, без вмешательства Центра реализовывать свои экономические и торговые программы, включая и выбор партнеров из-за рубежа. Однако, они при этом требуют помощи, различных дотаций и привилегий для себя со стороны федеральных властей.

Факты свидетельствуют о том, что деятельность сибирских сепаратистов активизируется всякий раз, когда Россия испытывает серьезные трудности. Так, в начале 20-х годов была создана т.н. "Дальневосточная республика" (ДВР). И хотя возникновение ее фактически явилось результатом усилий Москвы, это стало возможным только благодаря тому, что самое активное участие в создании ДВР приняли сибирские сепаратисты. Республика просуществовала недолго, но идеи сепаратизма живы до сих пор. Они, как и прежде, пользуются поддержкой определенных кругов других стран.

Пока это находит свое выражение главным образом в деятельности зарубежных средств массовой информации (радио, телевидения, прессы), рассказывающих о том, как неумело Сибирь управляется Москвой, об американском опыте управления Аляской, якобы превращенной в "процветающий край", о сепаратистских тенденциях, получивших распространение в кругах сибирской интеллигенции, о причинах их возникновения...

Бесспорно, тенденции эти усиливаются вследствие непродуманной политики Централных и местных властей, тяжелым настоящим и прошлым местного населения, бесхозяйственностью, злоупотреблениями, расхищением природных богатств края. Бесспорно и то, что работа американских и других специалистов по Сибири, хорошо осведомленных о ее нуждах и выражающих свое "сочувствие" сибирякам, достигает цели. Тем более, что испльзуются факты, которые действительно имеют или имели место, а авторами "разоблачительных статей" нередко являются местные сибирские ученые, журналисты, политики. Все это лишь усиливает напряженное положение в "сибирской глубинке".

Очевидно, для того, чтобы ослабить, ликвидировать влияние сепаратистов на население, Центр должен отказаться от прежнего подхода к Сибири, как к колонии. Сепаратисты просто сыпят соль на раны, наносимые политикой Центра. Например, в 1993 г. горняки изумрудных Малышевских шахт на Урале объявили забастовку протеста против продолжающейся скупки Гохра-ном страны за бесценнок минералов, которые затем "уходили" в Израиль. Недовольство местного населения было велико. Появились печатные органы, пропагандирующие идею создания Уральской федерации в составе Тюменской, Екатеринбургской, Курганской областей. Подобные факты имели место также в Красноярском крае, в Иркутской области и в других районах страны.

Призывы сепаратистов к полной самостоятельности, даже к отделению от России, подогреваемые хозяйственными трудностями и неурядицами пере-

ходного периода, в действительности не пользуются поддержкой среди местного населения. Такие призывы можно объяснить или полным невежеством, или, скорее всего, эгоистическими расчетами местных властолюбивых политиков, действующих по принципу: "после нас хоть потоп". Ибо ни один регион Сибири, Дальнего Востока не в состоянии обеспечить свое отдельное от России независимое, жизнеспособное существование. Теперь очевидно, что даже многие бывшие советские республики, обладающие несравненно большими возможностями для решения связанных с этим трудных проблем, оказались в крайне тяжелом положении. Отложив в сторону лозунги времен "парада суверенитетов" и подсчитав огромный ущерб, нанесенный их республикам политикой разделения и сепаратизма, их наиболее разумные, реалистически мыслящие лидеры ищут теперь пути для консолидации и объединения с Россией, но уже на новой, демократической основе.

Российское руководство сейчас также лучше сознает, что от него требуется особенно мудрая, гибкая политика, способная уравновесить интересы Российской Федерации, как единого целого, и интересы субъектов Федерации, а также местного населения. Такая политика сейчас вырабатывается парламентом и правительством страны. И лишь удивление может вызвать то, что идеи развития прямого "сотрудничества" регионов Сибири с зарубежными странами, преследующие фактически цели ослабления там позиций России и появления новых Дудаевых, имеет своих сторонников не только в некоторых регионах страны, но и в Центре, особенно среди журналистов. Характерно, что в поддержку таких идей выступила газета "Москоу Таймс" (17.12.1992 г.), повторив те же аргументы, с которыми выступали сторонники передачи Южных Курил Японии. Эта газета писала, что в случае отделения "все жители Сибири смогут стать полноправными гражданами США, получить все права и привилегии, право пользоваться национальными языками в официальном бизнесе на этих новых территориях. Желаящие же остаться под властью России смогут уехать, получив гарантированную, справедливую компенсацию за любую оставленную ими собственность".

Нетрудно представить, сколь решительной и однозначной была бы реакция федеральных властей США, если бы, скажем, власти Гавайских островов или какого-либо другого штата заявили бы, что отныне они решили самостоятельно, не учитывая интересов страны, даже в ущерб им, распоряжаться всем, что находится на территории их штата, действуя, как абсолютно суверенный субъект международного права.

Следует признать, что как раз отсутствие экономической и политической стабильности в районах Сибири и российского Дальнего Востока, в которых проявляются тенденции сепаратизма, а также неэффективность, недовольство проводимой Центром политики, больше всего вызывают озабоченность в Японии, усматривающей в этом серьезное препятствие на пути развития торгово-экономического и иных форм сотрудничества с Российской Федерацией. Дело в том, что идея "финансовой экспансии" в Сибири с опорой на местные сепаратистские элементы не встречает поддержки ни в правительстве, ни в деловых кругах Японии. В Токио учитывают, что попытки реализации этой идеи могли бы лишь в еще большей степени дестабилизировать обстановку в Сибири, в России в целом, сделав невозможным вообще развитие какого-либо сотрудничества, создав к тому же опасную для самой Японии ситуацию.

В Японии считают, что россиянам не мешало бы изучить японский опыт разделения экономических функций между центральной властью и региональными правительствами. Важно отметить, что подобный совет, - писал в связи с этим журнал "Япония сегодня", - может быть обращен не только к

федеральным правительственным структурам, но и к дальневосточным руководителям, значительная часть которых предпочитает деловому подходу к решению местных проблем обострение конфронтации с Центром под популярными лозунгами⁹.

Новые реалии

Усилия российского правительства, направленные на стабилизацию положения в стране, с пониманием встречены в зарубежных деловых кругах, став побудительным мотивом для предоставления России Международным Валютным Фондом в марте 1995 г. кредита в 6 млрд. долл. для поддержки реформ. Что касается Японии, то, продолжая занимать, в общем, сдержанную позицию в вопросах инвестиций в российскую экономику, она также проявляет готовность изменить ее к лучшему, и этому есть свидетельства.

Так, в 1994 г. японские компании "Мицуи" и "Мицубиси" вошли в состав Консорциума "Макдермот-Марафон-Мицуи-Шелл", который займется разработкой нефтяных месторождений на шельфе Сахалина. Чистая прибыль России за время эксплуатации этих месторождений может составить от 6 до 14 млрд. долл.¹⁰. Японские компании, совместно с американскими, примут также участие в осуществлении другой крупной программы разработки залежей нефти на сахалинском шельфе стоимостью 12 млрд. долл.¹¹

Ранее, в сентябре 1993 г. в Москве была достигнута договоренность о предоставлении России банком "Мицуи" кредитов в сумме 700 млн. долл.¹². А в конце января 1993 г. четыре сталелитейных гиганта Японии во главе с "Ниппон стил" и девять ведущих торговых фирм заключили взаимовыгодный контракт с российским "Газпромом". По этому контракту в Россию должно быть поставлено 200 тыс. т бесшовных труб и буровое оборудование общей стоимостью 400 млн. долл. Японское правительство согласилось гарантировать эти суммы из своего страхового фонда.

Японские фирмы проявляют также интерес к известному проекту создания Зоны свободной торговли ("Золотой зоны") в устье р.Туманная - на стыке границ трех государств: России, Китая, КНДР. Переговоры по этому проекту, для реализации которого потребуется от 30 до 40 млрд. долл., ведутся под эгидой ООН.

В конце марта 1994 г. между соответствующими научными центрами России, Японии, США была достигнута договоренность о проведении совместных исследований флоры и фауны Курильских островов, что будет иметь не только научное, но и большое политическое значение. Вторая совместная экспедиция направилась на о-в Кунашир в июле 1995 г. В августе 1994 г. компания "Мицуи" согласилась предоставить 240 млн. долл. на реконструкцию комбината "Ярославнефтеоргсинтез" и 140 млн. долл. на реконструкцию главного конвейера АЗЛК.

Около 700 млн. долл. предполагают выделить японские компании на закупку оборудования для восстановления нефтяных скважин компании "Лукойл" и еще 400 млн. долл. РАО "Газпром" для оборудования Ямпольского газопровода компрессорными станциями "Мицуи".

Конечно, достижение договоренности, даже подписание соответствующих документов еще не означает, что японские кредиты поступят вовремя, если поступят вообще. Это зависит от состояния политических отношений с Японией, которая продолжает следовать принципу "неотделения экономики от политики". В результате порой проходят месяцы, даже годы, прежде чем стороны смогут приступить к реализации достигнутых соглашений.

И все же, хоть и медленно, в Японии развивается процесс осознания необходимости пересмотра "жесткого курса" в политике в отношении России, отказа от выдвижения территориальных требований в качестве неперемного условия для расширения с ней деловых связей и контактов. В японской прессе высказывается мнение, что, даже если допустить, что Токио в конце концов удалось бы заставить Россию отказаться от Южных Курил в пользу Японии, то политический и экономический эффект от такой "победы" был бы для нее весьма сомнительным. Такое мнение, писала газета "Нихон Кэйдзай", абсолютно преобладает в японских деловых кругах, которые крайне скептически смотрят на рентабельность Кунашира, Итуруп, Шикотана и Хабомаи, ставших камнем преткновения в отношениях между двумя странами. По мнению президента Ассоциации японо-российской торговли Тацуо Сато, только на создание необходимой инфраструктуры на островах потребуется не менее 2-х трлн. иен, тогда как добыча морепродуктов в этой зоне ежегодно будет давать не более 30 млрд. иен¹³.

Интерес представляет визит в Японию в декабре 1992 г. видного российского экономиста, лидера фракции "Яблоко" в парламенте Г.Явлинского, прием и встречи его с представителями крупного японского капитала. В интервью газете "Известия" Явлинский подчеркнул, что "японцы действительно хотят серьезно разобраться, наконец, в причинах неблагоприятного положения в отношениях с Россией. О "северных территориях" в беседах с нами японцы даже не упоминали", - говорил он. - "Их больше тревожит ненадежность России как партнера, нестабильность в стране, несбалансированность российских подходов к внешним делам и к делам с Японией"... В конце визита японское министерство внешней торговли и промышленности выразило прямую заинтересованность в проведении комплексного экономического исследования в России по изучению условий сотрудничества¹⁴. Касаясь этого вопроса, один из влиятельных японских экономистов г-н Ямасита, находясь в Москве, заявил: "Политическая нестабильность в России вызывает ненадежность любых экономических гарантий. Наши предприниматели не могут понять, кто за что у вас отвечает. Мы ждем того времени, когда станет возможным настоящее партнерство"¹⁵.

Под влиянием известных событий в Москве в октябре 1993 г. и, особенно, начала боевых операций в Чечне, сторонники "жесткого курса" в Японии заметно активизировались, указывая на то, что обстановка в России крайне нестабильна, а развитие с ней широких экономических связей невозможно. Тем не менее, одновременно активизируется и деятельность сторонников японо-российского сближения, что свидетельствует о наличии серьезной заинтересованности в деловых кругах Японии в экономическом сотрудничестве с "северным соседом", "оставляя в тени" вопрос о Южных Курилах. Сложившееся положение отражает известное противостояние двух главных течений в стране: ЗА и ПРОТИВ сближения с Россией.

Пока сторонники "жесткой линии" берут верх. Однако японцы отвергают крайности. Они отнюдь не хотят противостояния с Россией, ставшей на путь демократизации, проводящей политику сокращения своих вооруженных сил и вооружений. Стремление к улучшению отношений, к расширению с ней торгово-экономических связей, особенно с регионами Сибири и российского Дальнего Востока, близко расположенными к Японии, хоть и медленно, но набирает силу. И для развития этого процесса есть немалые возможности: доля этих регионов в добыче и производстве различных видов продукции в общем объеме производства в России весьма внушительна - нефти - 73%, газа - 90%,

угля - 63%, деловой древесины и пиломатериалов - 48%, в производстве холодильников - 20%, радиоприемных устройств - 17% и т.д.¹⁶

Правда, японские фирмы в инвестировании капиталов пока уступают здесь китайским, американским и южнокорейским компаниям. Застойное состояние в российско-японских отношениях объясняется, таким образом, не столько нерешенностью проблемы Южных Курил, хотя этой проблеме в Японии по-прежнему придается большое значение, сколько кризисным состоянием российской экономики, ущербностью законодательства России, непредсказуемостью рыночной ситуации, коррумпированностью чиновников, ненадежностью партнеров, что делает нормальное, взаимовыгодное сотрудничество в сфере экономики и торговли трудным, а порой невозможным. Однако со временем трудности эти будут преодолены, и деловые связи между двумя странами будут развиваться более успешно.

Это не означает, что наступит процветание. Очевидно, что заключить взаимовыгодное соглашение по торговле, подписать контракты на разработку месторождений нефти и газа или каменного угля где-нибудь на территории Сибири значительно проще, чем выработать принципиально новый политический курс, основанный на взаимном доверии и добрососедстве и ставящий целью создание принципиально новой атмосферы в отношениях двух стран. Иными словами, для подлинной нормализации должны быть созданы условия, когда в правительствах и в парламентах России и Японии возобладает взвешенный, благоразумный подход к проблеме нормализации российско-японских отношений, а в общественном мнении обеих стран будет ликвидирован "образ врага", десятилетиями искусственно внедрявшийся в сознание их народов. Для этого требуется отказ от "зашоренности" в политике на проблеме Южных Курил, которую Токио выдвигает на первый план всякий раз, когда в отношениях Японии с Россией намечается улучшение.

"Зашоренность" в политике всегда бесплодна, даже опасна и в большом, и в малом. Для Японии затянувшаяся на многие годы и десятилетия "зашоренность" на политике силы, на идеологии милитаризма и национализма закончилась в 1945 г. трагедией, национальной катастрофой. Для СССР "зашоренность" на догмах коммунизма, чему были подчинены материальные и человеческие ресурсы страны, завершилась крахом экономики, распадом государства.

Нынешнее положение в отношениях Японии с Россией, когда все - и политика, и экономика, даже сама возможность свободного общения граждан двух соседних государств ставится в зависимость от решения проблемы Южных Курил, следует рассматривать как анахронизм, унаследованный от недоброго прошлого. К сожалению, правительство Японии оказалось как бы "заложником" своей собственной политики, когда в былые годы оно мобилизовало общественное мнение страны в целях получения поддержки своего требования "возвращения Южных Курил", в качестве главного условия полной нормализации отношений с Россией. Отойти от этого требования японское правительство теперь не решается, опасаясь лишиться поддержки значительной части избирателей. В результате пересмотр политики времен "холодной войны" и в этом, и в других вопросах происходит очень медленно, а его конечный результат зависит от исхода борьбы за власть в Японии.

Однако Токио, как подчеркивалось выше, не может не учитывать новых реалий, сложившихся в мире после окончания "холодной войны", глубинных внутривнутриполитических процессов, происходящих в самой Японии и в России. В немалой степени пересмотр прежних застойных концепций в политике Японии зависит также и от позиции ее ближайших союзников, прежде

всего США, которые и теперь оказывают большое влияние на формирование внешнеполитического курса страны. Это зависит и от того, сможет ли российское руководство обеспечить подлинный правопорядок и стабильность в стране, сумеет ли оно найти нужные средства и подходы для обеспечения притока в ее экономику российских и иностранных капиталов, обеспечить нормально функционирование "свободных зон" на Курилах, Сахалине, в Находке, для стимулирования деятельности российских, японских, других компаний в Сибири и в регионах российского Дальнего Востока на основе федеральных законов.

Наконец, это станет возможно, когда границы между Россией и Японией перестанут служить "железным занавесом", как это было прежде. Но теперь иные времена. "Если увеличение государственной мощи, - справедливо отмечал в связи с этим бывший советник японского посольства в Москве г-н Ковато, - будет направлено не на рост военного потенциала, а на повышение уровня жизни и образования народа, то в процессе глобализации экономики, торгово-финансовых операций смысл государственных границ будет ослабевать, что постепенно сделает национализм с его замкнутостью в узких рамках страны атрибутом прошлого и покажет всему миру направление движения, подобающего XXI веку"¹⁷.

Нынешнее положение в российско-японских отношениях не отвечает интересам ни Японии, ни России, ни других государств. Сохранение его бессмысленно. Более того, оно содержит потенциальную угрозу безопасности и стабильности в Азии. Осознание этого руководством Японии, России, США, стран СВА, открывает, несмотря на имеющиеся трудности, реальные перспективы для достижения согласия между Россией и Японией. Использовать имеющиеся возможности в целях полной нормализации отношений между ними - дело дипломатов и политиков. Важную роль в этом могут и должны сыграть средства массовой информации.

1. Известия. - 1992. - 20 октября.
2. Иомиури. - 1992. - 4 ноября.
3. Знакомьтесь - Япония. - 1994. - № 6. - С. 42-49.
4. Известия. - 1992. - 21 ноября.
5. Проблемы Дальнего Востока. - 1992. - № 6. - С. 11.
6. Промышленная газета. (Приложение к "Московским новостям"). - 1993. - 13 октября. - № 1.
7. New-York Times. - 1992. - Desember, 22; См. также: Советская Россия. - 1992. - 24, 31 декабря.
8. Известия. - 1994. - 26 февраля.
9. Япония сегодня. - 1995. - Март. - С. 3.
10. Восток России. - 1992. - № 50/72; Московские новости. - 1992., декабрь, №5.
11. Коммерсантъ Daily. - 1995. - 1 июля.
12. Российская газета. - 1993. - 9 сентября.
13. ИТАР-ТАСС. - 1994. - 16 февраля.
14. Известия. - 1992. - 15 декабря.
15. Там же. - 1983. - 10 июня.
16. Деловая Сибирь. - 1992, ноябрь. - № 44.
17. Известия. - 1993. - 27 февраля.

Российский Дальний Восток

Ресурсный потенциал и структура экономики Дальнего Востока России*

© 1995

В. Андрианов

Дальний Восток занимает особое место среди других регионов России, главным образом за счет богатого природно-ресурсного потенциала и выгодного географического положения, что обусловило формирование весьма своеобразной структуры экономики региона.

Высокая экономическая эффективность разработки сырьевых ресурсов способствовала преимущественному развитию добывающих отраслей. Если в целом по России удельный вес добывающих отраслей в общем объеме промышленного производства в 1994 г. составлял 22,5%, то для дальневосточного региона этот показатель достигал 30%.

Однoboкoe развитие сырьевого комплекса не могло не сказаться на других отраслях экономики Дальнего Востока, поэтому спецификой Дальневосточного региона является слабое развитие обрабатывающей промышленности, средств связи и телекоммуникации, банковской сферы и сферы услуг.

Важной особенностью структуры экономики Дальнего Востока является сильная зависимость от оборонных отраслей, обслуживания военных и военно-морских баз и гарнизонов.

Добывающая промышленность. Основу экономики Дальневосточного региона составляют сырьевые отрасли, которые получили свое развитие на базе богатого ресурсного потенциала региона.

В Дальневосточном регионе сосредоточены большая часть российских запасов алмазов, золота, серебра, олова, плавикового шпата, борного сырья, велики запасы вольфрама, сурьмы, свинца, цинка, редких металлов.

На Дальний Восток приходится 30% общероссийских запасов древесины, 7,3% природного газа (14 трлн.куб.м), 5,5% железной руды (из них 4,4 млрд.т - разведанные запасы), 5,2% разведанных запасов угля (15 млрд.т), 3,7% прогнозных запасов нефти (9,6 млрд.т).

Андрианов Владимир Дмитриевич, доктор экономических наук, профессор МГУ, академик МАК

* К Дальневосточному району России относятся: Амурская область, Еврейская автономная область, Камчатская область, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Хабаровский край

Кроме того, по прогнозам, недра шельфов дальневосточных морей содержат в себе 29 млрд. т углеводородов. Разведанные запасы нефти и газа в регионе составляют соответственно 302 млн.т и 1,7 трлн.куб.м. На Дальний Восток приходится более 20% гидроэнергетических ресурсов России. Биологические морские запасы исчисляются в 26 млн.т.

Однако, специализируясь преимущественно на сырьевых отраслях, регион теряет потенциальные доходы в виде добавленной стоимости, которая создается на других территориях.

Существенный урон экономике региона наносит низкая комплексность в использовании добытых полезных ископаемых. Наиболее значительные потери имеют место на стадии переработки добываемого сырья. В отвалах горнодобывающих предприятий безвозвратно теряются многие ценные компоненты, содержащиеся в рудах.

Несмотря на весьма острые проблемы в добывающей промышленности Дальнего Востока, именно эта отрасль обеспечивает до 90% валютных поступлений региона.

Развитие отдельных отраслей добывающей промышленности Дальнего Востока вносит значительный вклад в экономику России. В частности, удельный вес Дальневосточного района в добыче алмазов составляет 98, борного сырья - 90, олова - 80, золота - 50, вольфрама - 14, угля - 13, свинца и цинка - 10, газа - 0,5, нефти, включая газовый конденсат, - 0,4%.

Однако модель экономического развития, ориентированная на приоритетное развитие сырьевых отраслей, имеет тупиковый характер и не способна вывести регион из глубочайшего экономического кризиса.

Путь на одностороннюю интеграцию Дальнего Востока России в мировую экономику через развитие сырьевых отраслей может способствовать консервации региона в качестве сырьевого придатка стран Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и субрегиона Северо-Восточной Азии в частности.

Характерной особенностью Дальневосточного региона является слабое развитие обрабатывающей промышленности. Практически отсутствует металлургическая переработка руд цветных металлов, незначительны объемы переработки рыбы и рыбопродуктов, слабо развиты отрасли по переработке древесного и сельскохозяйственного сырья.

В целом на долю обрабатывающих отраслей приходится около 12% от общего объема производства товарной продукции. Наиболее развиты отрасли по производству строительных материалов, легкая промышленность, производство продуктов питания, металлообрабатывающая и электротехническая.

В начале 90-х годов удельный вес Дальнего Востока в общероссийском производстве деловой древесины составлял 8,8, пиломатериалов - 6,9, цемента - 6,4, мебели - 5,7, оконного стекла - 5,5, шифера - 5,5, радиоприемников - 4,7, бумаги - 4,4, сахара-песка - 4,3, холодильников и морозильников - 4,0, чулочно-носочных изделий - 4,0, трикотажных - 3,9, стиральных машин - 3,6, строительного кирпича - 3,3, кузнечно-прессового оборудования - 3,1, проката черных металлов - 1,8, металлообрабатывающего оборудования - 1,3%.

Для обрабатывающей промышленности Дальнего Востока, как и в целом по России, в последние годы характерно снижение темпов и абсолютных размеров промышленного производства. В частности, в 1994 г. по сравнению с 1993 г. индекс физического объема промышленного производства на Дальнем Востоке в целом сократился на 28%, в том числе в Еврейской автономной области - на 54, Чукотском автономном округе - на 40, Хабаровском крае - на 30, в Амурской и Магаданской областях - на 27, в Приморском крае, Камчатской и Сахалинской областях - на 26, в Республике Саха (Якутия) - на 5%.

Следует подчеркнуть, что значительная часть промышленных предприятий Дальнего Востока убыточна. Если в целом по России удельный вес нерентабельных предприятий в 1994 г. составлял 21%, то в Дальневосточном районе этот показатель равнялся 28,5%, в том числе в Республике Саха (Якутия) - 28, Приморском крае - 26, Хабаровском крае - 22%. В Приморском крае каждое девятое предприятие убыточно.

Большинство промышленных предприятий Дальнего Востока имеет огромные задолженности, устаревшую технику, высокие издержки производства, низкую конкурентоспособность и требует санации.

Еще одной характерной особенностью обрабатывающей промышленности Дальнего Востока является высокая степень милитаризации. На выпуск военной продукции работала почти половина промышленных предприятий региона, большая часть энергетики, транспорта. Около половины всех научно-исследовательских институтов, лучших научных и научно-технических кадров обслуживали интересы военно-промышленного комплекса Дальневосточного региона.

В этой связи именно на промышленных предприятиях военно-промышленного комплекса Дальнего Востока сосредоточена наиболее современная техника, используются наиболее передовые технологии, работают наиболее квалифицированные специалисты.

Важными отраслями экономической специализации Дальнего Востока является рыбное, сельское и лесное хозяйство. В середине 90-х годов на долю Дальневосточного региона приходилось 86% от общероссийского сбора соевых культур, 58-улова рыбы и заготовки морепродуктов, 13-вывоза круглого леса, 13% сбора меда.

Рыбное и лесное хозяйство являются одними из приоритетных на Дальнем Востоке, поскольку имеют экспортную направленность и являются важным источником получения иностранной валюты.

Сельскохозяйственное производство на Дальнем Востоке развито слабо и не обеспечивает потребности населения в основных видах продовольствия. Более 40% потребностей в продуктах питания удовлетворяется за счет импорта, преимущественно из стран Северо-Восточной Азии.

Из-за низкого уровня технического оснащения сельского хозяйства региона велик удельный вес потерь произведенной продукции на этапах перевозки, хранения, переработки и использования, который достигает 30-40% от выращенного урожая.

Дальний Восток, по сравнению с другими экономическими регионами России, всегда отличался высокими темпами прироста трудовых ресурсов как за счет естественного движения, так и за счет интенсивных миграционных процессов. За период с 1986 г. по 1992 г. население Дальнего Востока увеличилось на 0,2% и составило 8,1 млн. человек, из которых трудоспособное население составляло 4,9 млн. человек.

Однако процесс воспроизводства населения в регионе претерпел существенные изменения. Темпы прироста численности населения начали заметно снижаться с середины 80-х годов, а в 1991 г. впервые на Дальнем Востоке зарегистрирован отрицательный показатель прироста.

По состоянию на начало 1995 г. население Дальнего Востока сократилось до 7,8 млн. человек.

Характер развития демографических процессов в регионе оказывает значительное влияние на половозрастную структуру населения, которая в значительной мере сформировалась под влиянием миграции.

Государственное стимулирование миграции способствовало созданию молодой возрастной структуры населения, сохранившейся до настоящего времени. Доля лиц моложе трудоспособного возраста в общем населении Дальнего Востока составляет 27,6%, что значительно выше, чем в целом по России - 24,3% и уступает лишь Восточно-Сибирскому экономическому району - 28,8%.

В Магаданской, Амурской и Камчатской областях указанный показатель составляет соответственно 29,4, 29,0 и 28,2%, что свидетельствует о потенциальных возможностях роста трудовых ресурсов этих районов.

Дальневосточный регион характеризуется высоким удельным весом трудоспособного населения, который составляет 61,4 против 56,7% в целом по России. В Магаданской и Камчатской областях доля населения в трудоспособном возрасте достигает соответственно 67,1 и 66,8%.

Кроме того, Дальний Восток - фактически единственный регион России с низким удельным весом в структуре населения лиц старше трудоспособного возраста - 11,0 против 19% в целом по России. В Камчатской и Магаданской областях этот показатель составляет соответственно 6,0 и 4,4%.

Согласно классификации демографических организаций ООН, старение населения начинается, если в его составе лица старше трудоспособного возраста превышают 10%. Таким образом, Дальневосточный регион перешагнул этот рубеж, в результате идет быстрый рост числа пенсионеров, что в свою очередь увеличивает рост социальной нагрузки на работающее население.

В целом темпы прироста трудовых ресурсов на Дальнем Востоке в 80-е годы были в 2 раза ниже, чем в 70-е. В перспективе, в связи с сокращением рождаемости и отрицательной миграцией, будет продолжаться процесс старения населения.

Долгое время миграционные процессы на Дальнем Востоке регулировались государственной политикой, суть которой сводилась к привлечению рабочей силы из центральных районов России главным образом финансовыми надбавками и социальными льготами.

Радикальная экономическая реформа фактически свела на нет существовавшие ранее льготы, и Дальний Восток утратил демографические характеристики территории интенсивного хозяйственного освоения и заселения, а отток трудовых ресурсов стал превышать их приток.

Предполагалось, что с началом радикальной экономической реформы одной из наиболее острых социальных проблем будет проблема безработицы. Однако после либерализации цен не произошло автоматической коррекции финансового состояния предприятий за счет сокращения объема производства и численности занятости.

Большинство предприятий Дальневосточного региона не пошли по пути резкого сокращения числа работающих; при этом сохранялось не только номинальное количество занятых, но и существенно не уменьшалось количество вакантных рабочих мест. Поэтому кризисная ситуация в экономике Дальнего Востока практически не нашла отражения на рынке труда.

Однако в начале 1993 г. ситуация начала постепенно меняться. Кризис неплатежей и ограничение государственных кредитов, разгосударствление собственности вынудили руководителей предприятий и организаций пойти на массовые увольнения. В частности, только в Приморском крае общее число незанятых выросло до 9721 человек, а количество имеющих официальный статус безработного увеличилось в 3 с лишним раза и составило 6711 человек, или около 0,8% общего количества рабочих и служащих края.

Наряду с либерализацией цен приватизация является одним из основных элементов радикальной экономической реформы. Частная собственность,

свободное предпринимательство и конкуренция должны заложить основу рыночной экономики на Дальнем Востоке.

Процесс изменения форм собственности в России в целом, и на Дальнем Востоке в частности, происходит достаточно стремительными темпами. Однако реальное влияние на структуру собственности процесс приватизации начал оказывать лишь с начала текущего года.

В целом по региону удельный вес приватизированных предприятий на середину текущего года превысил 50%. Наиболее высокий показатель приватизированных предприятий имел Хабаровский и Приморский края, Сахалинская и Магаданская области, а наиболее низкий показатель был зафиксирован в Республике Саха (Якутия).

Эффективность процессов приватизации на Дальнем Востоке можно рассматривать с точки зрения прямого и косвенного эффекта.

Прежде всего непосредственный эффект от приватизации - это поступления от продажи государственной собственности, которые пополняют как федеральный бюджет, так и местные бюджеты регионов.

Однако чистый экономический эффект от приватизации мог бы быть значительно выше, если бы рыночная цена приватизированных предприятий соответствовала их реальной стоимости. В соответствии с действующим законодательством начальная цена предприятия, величина уставного капитала создаваемого акционерного общества определялась без учета результатов переоценки основных фондов.

Одним из наиболее важных эффектов, ожидаемых от приватизации, является освобождение федерального бюджета России от огромных дотаций, субвенций и кредитов, направляемых на поддержку работы в большинстве своем нерентабельных предприятий. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать радикального сокращения финансирования регионов, в том числе и Дальнего Востока.

Одним из косвенных эффектов от приватизации является становление регионального фондового рынка, который имеет важное значение с точки зрения формирования рыночной инфраструктуры.

Приватизацию в России в целом, и на Дальнем Востоке в частности, можно рассматривать как составную часть общего процесса первоначального накопления капитала, который в России идет преимущественно за счет перераспределения накопленного национального богатства. Причем реальный доступ к государственной собственности имеет достаточно узкий круг нуворишей, представителей властных структур и директорского корпуса, а также криминальных структур.

В целом процесс разгосударствления экономики на Дальнем Востоке, как и по всей стране, происходит достаточно бурно. Однако в ближайшее время не следует ожидать существенных изменений как на микроуровне отдельных акционированных предприятий, так и на макроуровне всей экономики региона.

В перспективе возникновение большого количества негосударственных акционерных компаний, появление элементов свободной конкуренции, создание рыночной инфраструктуры должно привести к изменению социально-экономической обстановки в Дальневосточном регионе.

Внешнеэкономические связи. Внешнеэкономические связи играют важную роль в развитии экономики Дальнего Востока и являются основным инструментом его интеграции в Азиатско-Тихоокеанский регион и субрегион Северо-Восточной Азии.

Основной формой внешнеэкономических связей Дальнего Востока остается внешняя торговля. После периода спада во внешней торговле, который наблюдался в 1990-1992 гг., наметилась тенденция к росту товарооборота.

Объем внешней торговли Дальнего Востока увеличился с 2,7 млрд.долл. в 1992 г. до 3,0 млрд. в 1993 г. и до 3,4 млрд.долл. в 1994 г., главным образом за счет роста стоимости экспорта товаров.

Рост импорта привел к уменьшению положительного сальдо торгового баланса Дальнего Востока с 1,0 млрд. долл. в 1991 г. до 0,6 млрд. долл. в 1994 г.

Объем вывоза товаров с Дальнего Востока возрос с 1,5 млрд. долл. в 1992 г., 1,8 млрд. долл. в 1993 г. и до 2,0 млрд. долл. в 1994 г. Существенных изменений в структуре экспорта Дальнего Востока в последние годы не произошло. В номенклатуру дальневосточного экспорта входит более 100 товарных позиций, однако по-прежнему до 85% вывоза приходится на сырьевые товары. На долю Дальнего Востока приходится 40% всего российского экспорта круглого леса, 30% рыбных консервов, 28% рыбы и рыбопродуктов и 20% угля.

Для дальневосточного экспорта, также как и для всего сырьевого экспорта России, характерна тенденция к сокращению эффективности. При увеличении физических объемов поставок валютные поступления сокращаются.

Среди основных причин сокращения эффективности экспорта Дальнего Востока можно выделить рост внутренних затрат на производство экспортных товаров, увеличение транспортных расходов и неоправданная конкуренция между отдельными экспортерами.

В отличие от экспорта, который переживал период спада и стагнации, импорт Дальнего Востока с начала 90-х годов имеет устойчивую тенденцию к росту. В 1992 г. импорт возрос на 20, в 1993 г. на 2,3 и в 1994 г. на 15%, достигнув 1,4 млрд. долл.

В структуре дальневосточного импорта преобладают продовольственные товары и товары массового потребительского спроса, на которые в 1994 г. приходилось до 60% всего ввоза.

Обращает на себя внимание низкая доля машин и оборудования в общем импорте, которая составляет 10-15%, что почти в 2 раза ниже, чем в целом по России.

Таким образом, анализ структуры экспортно-импортных операций Дальнего Востока позволяет сделать вывод, что структура внешней торговли региона носит ярко выраженный колониальный характер и не соответствует потенциальным возможностям как Дальнего Востока, так и странам субрегиона.

В географическом распределении внешнеторговых операций Дальнего Востока прослеживается устойчивая тенденция к росту торговли со странами Северо-Восточной Азии, которые являются основными контрагентами как в экспортных, так и в импортных операциях.

В 1994 г. около 90% товарооборота Дальнего Востока приходилось на страны Северо-Восточной Азии, в том числе на Китай - 39, Японию - 34 и Южную Корею - 16%. При этом почти половина всего дальневосточного импорта приходится на Китай, который, опередив Японию, превратился в крупнейшего торгового партнера Дальнего Востока России.

Важной формой внешнеэкономических связей Дальнего Востока становится инвестиционное сотрудничество. Политика либерализации внешнеэкономических связей России способствовала активизации инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке.

Первое совместное предприятие (СП) с иностранными инвестициями на Дальнем Востоке официально было зарегистрировано в 1988 г. В 1989 г. в регионе действовало 7 совместных предприятий, в 1990 г. их число возросло до 54, в 1991 г. - до 128, в 1992 г. - до 600.

В 1992 г. Дальневосточные регионы России получили право самим регистрировать совместные предприятия с объемом уставного капитала до 100

млн. руб., что дало дополнительный импульс росту числа СП. По состоянию на середину 1995 г. на Дальнем Востоке было зарегистрировано около 2 тыс. совместных предприятий.

Удельный вес совместных предприятий Дальнего Востока в их общем количестве, зарегистрированном на территории России, возрос с 2 в 1989 г. до 7% в 1995 г.

По нашим оценкам, общий объем иностранных вложений в уставные фонды СП, созданных на территории Дальнего Востока, составляет около 600 млн. долл. Однако, учитывая возросшие в последние годы иностранные вложения в развитие инфраструктурных отраслей, покупку акций приватизированных предприятий, общий объем накопленных зарубежных инвестиций на середину 1995 г. можно оценить в 1-1,2 млрд. долл.

Анализ организационных форм деятельности иностранного капитала в экономике Дальнего Востока показал, что большинство СП создано в форме акционерных компаний, где на одного иностранного партнера приходится 4 российских учредителя.

С российской стороны учредителями совместных предприятий являются преимущественно государственные предприятия и объединения. Как правило, местные предприниматели вносят в уставной фонд СП недвижимость, производственные фонды и др. Доля иностранного капитала в таких СП колеблется от 3 до 50% и составляет в среднем от 400 до 500 тыс. долл.

Примерно четвертая часть всех СП на территории Дальнего Востока полностью принадлежит иностранному вкладчику и зарегистрирована как частные фирмы с ограниченной ответственностью.

Около 9% от общего количества СП являются филиалами и отделениями иностранных фирм.

Зарубежные инвесторы предпочитают вкладывать деньги в отрасли, не требующие значительных первоначальных затрат или связанные с экспортом валютных товаров.

Отраслевая структура иностранных инвестиций на Дальнем Востоке имеет свои особенности. Большая часть всех вложений концентрируется в сфере услуг и в рыбной промышленности, другая часть приходится на строительство, лесную промышленность и другие отрасли.

В сфере услуг наибольшие вложения приходится на связь, транспорт, гостиничное хозяйство, общественное питание, маркетинг и консалтинг.

На региональное распределение иностранных инвестиций основное влияние оказывает степень развития промышленной и транспортной инфраструктуры, а также наличие свободных экономических зон. Поэтому 75% всех совместных предприятий сосредоточено в южной прибрежной части Дальнего Востока, из них третья часть зарегистрирована в СЭЗ Находка и Сахалин.

По состоянию на середину 1995 г. совместные предприятия по территориям Дальнего Востока распределялись следующим образом: Приморский край - 38,0, Хабаровский край - 23,0, Сахалинская область - 14, Камчатская область - 8,0, Амурская область - 7,0, Республика Саха-Якутия и Магаданская область - по 5%.

Основными инвесторами капитала в Дальневосточный регион являются компании Китая, США, Японии, Южной Кореи, на их долю приходилось в середине 1995 г. соответственно 40, 16, 17 и 10% от общего количество созданных СП.

Кроме того, на Дальнем Востоке совместные предприятия имеют Сингапур, Гонконг и Вьетнам, Австрия и Тайвань, Канада, Великобритания, Австралия, Швейцария, Финляндия, Израиль и КНДР.

Подавляющее большинство совместных предприятий на территории Дальнего Востока создано с участием капитала из стран Северо-Восточной Азии.

Как и на всей территории России заметной отдачи от деятельности иностранного капитала на Дальнем Востоке пока нет. Это объясняется тем, что большинство СП с иностранным участием представляет собой мелкие компании, связанные с торговлей и посреднической деятельностью. Предприятия в производственной сфере, как правило, создаются на базе устаревшей импортной технологии и заняты в основном первичной переработкой сырьевых товаров. В 1994 г. доля продукции, поставляемой совместными предприятиями на внутренний рынок региона, не превышала 0,8% от общего предложения продукции.

Более весомый вклад СП вносят в развитие внешней торговли Дальнего Востока. В частности, в 1994 г. на долю СП приходилось около 24% от общей стоимости вывоза региона по сравнению с 1,6% в 1991 г. На Сахалине на долю СП приходится 80% экспорта рыбы и морепродуктов. По оценкам специалистов, экспортная эффективность СП Дальнего Востока на 20% выше, чем в целом по России, однако это относится лишь к валютным товарам, таким, как рыба, лес, уголь и др.

Важную роль в привлечении зарубежных инвестиций играют свободные экономические зоны (СЭЗ).

В настоящее время на территории Дальнего Востока официально зарегистрированы 3 СЭЗ - Находка, Сахалин с субзоной "Курилы" и Еврейский автономный округ.

Из всех СЭЗ, созданных в России, на сегодняшний день наиболее эффективно развивается СЭЗ Находка. По состоянию на середину 1995 г. здесь создано и успешно функционировало более 470 предприятий. Из общего числа зарегистрированных предприятий 50% приходится на акционерные компании, полностью принадлежащие иностранному капиталу, 42% - совместные компании и 8% - филиалы иностранных фирм.

Общий объем иностранных инвестиций в СЭЗ Находка по состоянию на середину 1995 г. составлял 380 млн. долл., из них на прямые инвестиции приходилось 80 млн. долл. и 300 млн. было привлечено в форме займов и кредитов. В настоящее время основными инвесторами в зону являются американские, южнокорейские, японские и китайские компании. В 1994 г. в развитие зоны 80 млрд. руб. (1,6 млн. долл.) вложили российские предприниматели.

Кроме того, для создания промышленной инфраструктуры, в частности для развития морских незамерзающих портов привлечено инвестиций на 220 млн. долл. В стадии рассмотрения находится еще пакет проектов на сумму 300 млн. долл.

Проведенный анализ современного состояния развития СЭЗ на Дальнем Востоке позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день именно СЭЗ Находка является наиболее благоприятной территорией для инвестирования капитала, причем не только иностранного, но и российского.

По подсчетам специалистов, на каждый российский рубль, инвестированный в 1994 г., как правило, в основные средства, получено 16 привлеченных зарубежных капиталовложений. В 1994 г. СЭЗ Находка принята в Международную ассоциацию зон свободного предпринимательства.

Однако анализ деятельности всех СЭЗ Дальнего Востока позволяет сделать вывод, что пока они не выполняют своей основной роли - очагов динамичного экономического роста, дающих импульс для развития других территорий.

Следует подчеркнуть, что пока иностранный капитал не стал катализатором экономического роста Дальнего Востока России, даже в тех регионах и областях, где его концентрация особенно велика.

В настоящее время более активному притоку и эффективному использованию иностранного капитала препятствует ряд факторов, в совокупности формирующих инвестиционный климат.

Основным сдерживающим фактором является отсутствие стабильной, учитывающей международную практику, правовой базы, регулирующей деятельность иностранного капитала. Постоянные изменения в законодательстве по внешнеэкономической деятельности и подзаконные акты, в сочетании с правовым нигилизмом в значительной степени затрудняют деятельность иностранных предпринимателей на территории России, в том числе и на Дальнем Востоке.

Определенную тревогу у иностранных инвесторов вызывает рост социальной напряженности в связи с ухудшением материального положения значительной части населения Дальнего Востока. Социальная стабильность является обязательным условием проведения любых радикальных экономических преобразований, а также важным фактором инвестиционного климата.

На динамику роста инвестиций в Дальневосточный регион отрицательное влияние оказывает неразвитая инфраструктура, в том числе связь, система телекоммуникаций, транспорт и гостиничное хозяйство. То есть, нет тех условий, в которых привыкли работать большинство цивилизованных бизнесменов.

Большинство крупных инвесторов отрицательно относятся к сепаратистским настроениям, которые присущи многим руководителям краев и областей Дальнего Востока, реально сознавая все отрицательные последствия региональной дезинтеграции России.

Весьма негативным фактором, влияющим на инвестиционный климат, является коррупция, которая фактически поразила все звенья внешнеэкономических связей. Для Дальневосточного региона это явление имеет свою специфику, прежде всего связанную с наличием портового хозяйства, через которое осуществляется большая часть экспортно-импортных операций России. Кроме того, для Дальнего Востока характерно сращивание коррумпированной верхушки с уголовными элементами.

В целом, оценивая инвестиционный климат на Дальнем Востоке по международным стандартам, используя такие критерии, как политическая и социальная стабильность, динамизм экономического роста, степень либерализации внешнеэкономической сферы, наличие развитой промышленной инфраструктуры, банковской системы и системы телекоммуникаций, наличия рынка относительно дешевой квалифицированной рабочей силы и др., можно констатировать, что практически по всем этим параметрам Дальний Восток уступает большинству соседних стран Юго-Восточной Азии и отдельным государствам Северо-Восточной Азии.

По существующей в мировой практике оценке стран по отсутствию риска для иностранных капиталовложений, Япония, Китай, Южная Корея входят в первую десятку стран, а Россия занимает лишь 129-ое место.

Поэтому в настоящее время для многих иностранных инвесторов наиболее привлекательными странами в Северо-Восточной Азии являются Китай, Южная Корея и Япония. Кроме того, в своей долгосрочной стратегии южнокорейские фирмы переориентируются на КНР, японские фирмы также стали крупными инвесторами в экономику Китая.

Проблемы и перспективы интеграции морских портов российского Дальнего Востока в АТР

© 1995

А.Сергеев

Морские порты Дальнего Востока во взаимодействии с Транссибом занимают одно из ключевых положений во внешнеэкономических связях России, так как в основном через них обеспечивается непосредственный выход массовых экспортно-импортных грузов на страны АТР.

Открытые в настоящее время для внешнеторговых операций и обслуживания иностранных судов главные порты региона (Владивосток, Находка, Восточный, Посыет, Зарубино и Ванино) обеспечивают в основном (на 80%) перевалку транзитных грузов, которые следуют из центральной части России и Сибири в страны АТР. Кроме того, через порт Восточный проходит самая короткая контейнерная линия (TSCS) между странами АТР и Западной Европой. В 1996 г. после завершения строительства участка железной дороги Краскино-Хуньчунь планируется открыть еще один транзитный грузопоток на Китай, Монголию и Ближний Восток через Хасанский коммерческий порт в Зарубино.

В целом за 1994 г. через данные порты прошло 26 млн. т внешнеторговых грузов, что составило 85% от общего грузооборота. В том числе объем экспортных грузов составил почти 20 млн. т, а импортных около 2 млн. т. При этом грузопоток экспорта через порты Дальнего Востока с 1991 г. постоянно увеличивается в среднем на 3 млн. т или 14% в год, а доля импорта в общем грузообороте сокращается ежегодно в среднем на 1,5 млн. т. или на 35%. Даже порт Владивосток, который в регионе более других специализируется на перевалке импортных грузов, с 1991 г. уже в три раза увеличил объем перевалки экспорта (в основном за счет металла) при относительном сокращении перевалки импорта почти в пять раз.

В связи с этим в настоящее время значительно изменилась структура и баланс железнодорожного грузопотока на транзитные порты, объемное соотношение которого в прямом и обратном направлениях составляет уже почти 4:1 тогда, как ранее еще до 1992 г. при значительных объемах вывоза рыбопродукции и импортных грузов общий баланс грузопотока не превышал 2,5:1, что естественно негативно отразилось на эффективности перевозок железнодорожным транспортом в регионе. В значительной степени этот фактор оказал влияние на более высокие темпы удорожания доставки экспортных грузов в порты по отношению к росту морского фрахта и тарифных ставок на перевалку этих грузов в самих портах. Например, только за 1994 г. железно-

дорожные тарифы на перевозку экспортного леса и металла увеличились в 2,4 раза, а стивидорные ставки в портах на перевалку этих грузов увеличились в среднем в 1,2 раза, а в начале 1995 г. стивидорные ставки в портах Владивосток, Находка и Восточный были даже снижены, в среднем на 10%. Морской фрахт на отечественных судах не изменился, однако введение НДС и спецналога в общей сложности подняло затраты на морскую перевозку так же в 1,2 раза, что естественно отразилось на снижении спроса на перевозки экспортных грузов отечественным флотом.

В то же время Российский торговый флот на Дальнем Востоке уже заметно устарел. Средний возраст судов составляет 17 лет. Пополнение новыми судами идет пока медленнее относительно выбывания старых. При этом новые суда отечественные судовладельцы стараются использовать в основном на перевозках грузов иностранных фрахтователей, где на фрахт не устанавливаются дополнительные налоги и флот является более конкурентоспособным. В результате следует ожидать увеличения доли внешнеторговых перевозок на порты Российского Дальнего Востока иностранным флотом. Если в 1990 г. доля иностранного тоннажа в перевозках на данные порты составляла 39%, то в 1993 г. она выросла уже до 45%. Вероятно, если положение не изменится, то к 2000 г. уже более 50% внешнеторговых морских перевозок через порты Российского Дальнего Востока будет осуществляться флотом иностранных судовладельческих компаний.

Для приватизированных стивидорных компаний в самих портах и Государственного морского департамента Минтранса России, который получает в настоящее время основную долю портовых сборов, увеличение доли иностранного флота гарантирует дополнительный источник валютных доходов и привлечение иностранных инвестиций. Однако для отечественного флота этот фактор создает дополнительную конкуренцию в его обслуживании в базовых портах. Поэтому для того чтобы обеспечить в достаточной степени отечественный флот и привлечь иностранный тоннаж, порты Дальнего Востока постоянно должны иметь дополнительные резервы мощности, и не только для удовлетворения потребностей в обслуживании уже сложившихся грузопотоков, а в зависимости от долгосрочной перспективы развития мирового рынка в АТР.

В настоящее время в АТР насчитывается уже более 3000 морских портов. В этом регионе находятся 7 из 12 самых крупных портов мира - Сингапур, Гонконг, Токио, Йокогама, Кобе, Нагоя и Тиба. Ежегодный грузооборот каждого из них составляет более 50 млн. т различных грузов.

По количественной оценке отечественные порты на Дальнем Востоке, которых 39, можно сравнить только с портами на о. Хоккайдо в Японии, где функционирует 37 портов. Однако при этом фактическая мощность (грузооборот) портов на Хоккайдо почти в 10 раз превышает общий грузооборот отечественных портов. Это говорит о том, что главной проблемой развития отечественных портов на Дальнем Востоке является их техническая реконструкция и модернизация перегрузочных терминалов с целью повышения пропускной способности причалов.

В рамках государственной Программы возрождения торгового флота России ведется работа по широкому привлечению иностранных инвесторов, получению кредитов, техническому содействию. В частности, проводятся переговоры с Европейским и Мировым банками реконструкции и развития по финансированию строительства и модернизации перегрузочных комплексов в нефтеналивных портах Находка и Советская Гавань. За счет привлеченных средств частных иностранных инвесторов из Республики Корея, Японии, Гон-

конга, США, Германии и Италии производится реконструкция причалов в торговых портах Находка, Восточный, Ванино, Корсаков, Магадан и в Хасанском коммерческом порту. Общая планируемая сумма иностранных инвестиций в развитие данных портов на период до 2000 г. составит около 500 млн. ам.долл., что позволит довести их суммарную мощность по грузообороту до 75 млн. т в год, в том числе в Находке и Восточном до млн. т в год.

В связи с приватизацией стивидорных компаний в портах появилась необходимость в более широком привлечении тоннажа иностранных судоходных компаний, создании СП и иностранных представительств по агентированию флота и обслуживанию грузовладельцев. В этом плане продолжается работа по открытию портов для захода иностранных судов. В результате в 1994 г. были получены постановления правительства об открытии портов Магадан, Корсаков, Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре и Советской Гавани. Решается вопрос об открытии арктических портов Певека и Тикси.

В настоящее время морские порты Находка и Восточный формируют основную сеть совместных предприятий СЭЗ, в число которых входят широко известные в АТР стивидорные компании "Sea Land" из США и "P & O" из Австралии. В частности, эти компании обслуживают транзитный грузопоток контейнеров через порты Владивосток, Находку и Восточный, осуществляя не только перевалку и хранение контейнеров в портах, но и обеспечивают контроль за прохождением груза и доставкой до конечного пункта назначения.

Перспектива развития Хасанского коммерческого порта на границе с Китаем связана с организацией совместной российско-китайской компании "Российско-Азиатский сервис" (РАС), которая уже объединяет более 20-ти различных совместных акционерных предприятий промышленности, транспорта и строительства, включая АО "Золотое звено" по строительству железной дороги от порта до китайского города Хуньчунь, АО "РОДОК" по строительству автомагистрали с выходом на Китай, АО "Хасанский автоинтертранс" по доставке и вывозу сырья и товаров из порта на автотранспорте и другие. За счет РАС предусмотрено также строительство припортовой железнодорожной станции "Зарубино" и дополнительных причалов под тяжеловесные грузы, экспортного леса и под химические удобрения в пакетах. Кроме российских и китайских инвесторов, большой интерес к данному порту проявляют южно-корейские инвесторы, в частности фирма "Rohab" и японская фирма "Itochu". Всего на первом этапе до 1996 г. в реконструкцию порта планируется вложить 6.6 млрд. руб. и 50 млн. ам.долл. При этом мощность порта по грузообороту должна увеличиться почти в три раза - до 3,5 млн. т в год.

Большое значение на развитие внешнеэкономических связей между портами АТР оказывает организация международных линейных сообщений, по которым осуществляются наиболее интенсивные прямые перевозки внешнеторговых грузов и пассажиров.

При этом наибольший объем перевозок осуществляется на японском направлении, где только отечественные суда самой крупной в регионе компании "Дальневосточное морское пароходство" (FESCO) ежегодно совершают до 2000 судозаходов, перевозя свыше 4 млн. т грузов российско-японской торговли и транзитные грузы по линии TSCS. Главным портом на японском направлении является порт Восточный. Вторым по грузообороту с Японией является порт Находка, который связан прямой линией "JAPAN-NAKHODKA LINE" с основными портами западного и восточного побережья Японии.

Кроме этих портов, прямые связи с Японией имеют почти все ведущие порты региона, а так же ряд портпунктов Приморского, Хабаровского краев и

о.Сахалин. Через них в основном идет прямая отправка круглого леса и технологической щепы.

Объемы обратного (импортного) грузопотока металлоизделий, оборудования, строительной техники и других генгрузов пока незначительны (в пределах 1 млн. т в год). За последние годы с развитием прибрежной торговли с Японией заметно увеличился импорт автомобилей, радиоэлектронного оборудования и компьютерной техники.

Из порта Владивосток на японские порты Ниигата и Тояма в летний период осуществляются регулярные пассажирские перевозки на самом крупном лайнере FESCO "Михаил Шолохов", который за сезон перевозит около 4 тыс. пассажиров. В мае месяце 1995 г. сезон перевозит около 4 тыс. пассажиров. В мае месяце 1995 г. планируется открыть еще одну регулярную прибрежную паромную линию между портами Корсаков на о.Сахалин и Отару на о.Хоккайдо, по которой будут осуществляться перевозки грузов и пассажиров с мая по сентябрь до 20-ти рейсов за сезон.

В последние годы интенсивно развиваются торговые связи с портами Южной Кореи. Правительство Южной Кореи приняло обширную программу ускорения развития своих портов на 90-е годы. На этот период в реконструкцию 18-ти портов страны уже вложено около 4 млрд. ам. долл. Специально через порты Пусан и Кунсан предусмотрено установление прямых связей с портами Дальнего Востока.

В настоящее время на данные порты Южной Кореи из портов Владивосток, Находка, Восточный и Ванино идет основной грузопоток угля, химикатов, металла, леса и лесоматериалов, а в обратном направлении в основном контейнеры на порт Восточный и Владивосток. Наиболее интенсивные перевозки осуществляются на регулярной линии Восточный - Пусан, которая принадлежит совместной судоходной компании KSSC (учредители FESCO и Hyundai Merchant Marine Co, Ltd.). Каждая сторона на этой линии обеспечивает работу одного судна грузоместимостью до 400 TEU, что позволяет делать из каждого порта по два рейса каждую неделю. Анализ перевозок контейнеров за 1991-1994 гг. показывает их устойчивый рост, хотя в 1992 г. был относительный спад, связанный с временной задержкой соглашения о кредитах между Россией и Кореей. Основные грузы, перевозимые на этой линии по импорту, - рис, мука и другие продукты питания, холодильники и телеаппаратура, одежда, обувь и мебель, а по экспорту, - лесоматериалы, цветные металлы, хлопок и рыба.

Тесная связь установлена с портами Китая (КНР). Особенно в направлении самых крупных портов КНР - Шанхай, Тяньцзинь и Далянь. Из всех транзитных портов региона на порты КНР осуществляются регулярные отправки экспортного металла, удобрений и лесоматериалов, а из портов Восточный и Посыет наиболее крупные партии автомобилей отечественного производства. В структуре обратного грузопотока на порты Владивосток, Находка и Ванино преобладают фуражные зерновые грузы, овощи и фрукты, соль и грузы легкой промышленности.

Однако если доставка зерновых и других продовольственных грузов из портов Австралии, Новой Зеландии, Канады и США не вызывает особой проблемы в отношении ритмичности подхода судов в отечественные порты региона, то доставка этих грузов из портов КНР далека от совершенства. Это связано прежде всего с большой перегруженностью китайских портов, низкопроизводительным технологическим оснащением и недостатками в организации погрузочно-разгрузочных работ. В связи с этим в портах КНР часто наблюдаются сверхнормативные стоянки судов. По этой причине убытки, свя-

занные с простоями судов под фумигацией в портах Дальнего Востока составляют ежегодно до 5 млн. ам. долл.

С развитием свободных экономических зон в северо-восточных провинциях КНР значительно возросли потребности выхода их товаров на внешний рынок АТР. Поэтому китайские деловые круги проявляют в последнее время повышенную заинтересованность в развитии портов юга Дальнего Востока и транспортных подходах к ним. В частности по проекту "Туманган" предлагается включить Хасанский коммерческий порт вместе с портом Раджин в Северной Корее в качестве международных транзитных портов СЭЗ, обеспечивая тем самым наиболее удобный выход в Японское море северо-восточных провинций КНР и Монголии.

За последние годы на порты региона значительно сократился импортный грузопоток рефрижераторных скоропортящихся грузов из Вьетнама и Северной Кореи, которые ранее были традиционными поставщиками этих товаров на Дальний Восток. Однако в рыночных условиях мировой торговли в АТР, на который вышла Россия, этот товар уже не конкурирует по своему качеству и транспортным характеристикам с подобным товаром из других стран АТР - традиционных экспортеров на мировом рынке.

В настоящее время наиболее тесная связь среди портов КНДР сохраняется с портом Раджин, которая осуществляется на основе договора о совместной эксплуатации одного из причалов порта между правительством КНДР (Министерство транспорта) и акционерной компанией "Дальсо" из Владивостока. При участии "Дальсо" через порт Раджин и приграничную Хасанскую железную дорогу проходит основной объем импортного глинозема из портов Австралии на Братский металлургический комбинат в Сибири. В обратном направлении отгружается лес и металл.

Из портов Австралии, Канады и США, в основном Мельбурна, Ванкувера и Такомы на Владивосток, Находку и Ванино поступают зерновые грузы и другие продовольственные товары для потребителей Дальнего Востока так и других регионов России. Кроме этого, в 1994 г. была открыта прямая контейнерная линия между портами Восточный и Сиэтл (США).

Несмотря на то, что морские порты других стран АТР имеют менее устойчивые связи с портами Дальневосточного региона, их заинтересованность в развитии интеграционных связей не вызывает сомнения. Однако большинство портов Российского Дальнего Востока пока еще очень слабо развиты, отстают в техническом оснащении, обслуживание клиентов находится на низком уровне, поэтому пока не в состоянии конкурировать с ведущими портами АТР.

Экономика

Торгово-экономические связи между Россией и Тайванем в 1994 г.

© 1995

А.Борисов

1. Анализ двусторонних торгово-экономических связей на современном этапе.

Сегодня Тайвань - один из наиболее динамично развивающихся финансовых и торговых центров Азиатско-Тихоокеанского региона (прирост ВВП в 1994 г. составил 6,4%¹) - играет важную роль как в экономике Азии, так и всего мира в целом. По объему ВВП (220 млрд. долл. США в 1993 г.) Тайвань занимает 20 место в мире, а по объему внешней торговли (162 млрд. долл.) - 13 место, лишь с недавних пор ненамного отставая от КНР². С точки зрения потенциальных возможностей для развертывания делового и научно-технического сотрудничества, Тайвань является в настоящее время, пожалуй, одним из наиболее перспективных партнеров для российских бизнесменов в регионе Юго-Восточной Азии. Возможности для внешней торговли с Тайванем определяется высокой степенью импортной зависимости Тайваня по большинству видов минерального сырья и лидирующей ролью Тайваня в мировом производстве ряда товаров обрабатывающей промышленности. Данные анализа внешнеторговой статистики за 1994 г. подтверждают тенденцию к расширению деловых связей между Россией и Тайванем.

Товарооборот между двумя странами растет стремительными темпами. По данным тайваньской таможенной статистики, в 1994 г. объем двусторонней торговли достиг 1259,6 млн. долл. США, увеличившись на 78% по сравнению с прошлым годом. (См. табл. 1 и диаграмму 1) В том числе экспорт России на Тайвань составил 1096,3 млн. долл. США (+72%), а импорт из Тайваня в Россию - 163 млн. долл. США (+129%). Начиная с 1990 г. внешняя торговля между двумя странами (не включая другие республики бывшего СССР) в среднем росла на 83% в год, в том числе экспорт - на 101, а импорт - на 67%. В 1994 г. Тайвань стал четвертым крупнейшим торговым партнером России среди стран Азиатско-Тихоокеанского региона (после КНР, Японии и Южной Кореи). По данным на апрель 1995 г., динамика роста товарооборота сохраняется. Следует ожидать, что в текущем году объем двусторонней торговли пре-
взойдет рубеж в два миллиарда долларов³. По информации из МВЭС России,

Борисов Аркадий Алексеевич, корреспондент газеты "Чжунго шибao"

в 1994 г. объем двусторонней торговли составил 1150 млн. долл. США, в том числе импорт - 140 млн. и экспорт - 1010 млн.

Торговля с Тайванем является одним из источников положительного торгового баланса России. В 1994 г. положительное сальдо России составило 933 млн. долл. США. По его размеру Тайвань занимает третье место среди стран — торговых партнеров России после Японии и КНР.

Таблица 1

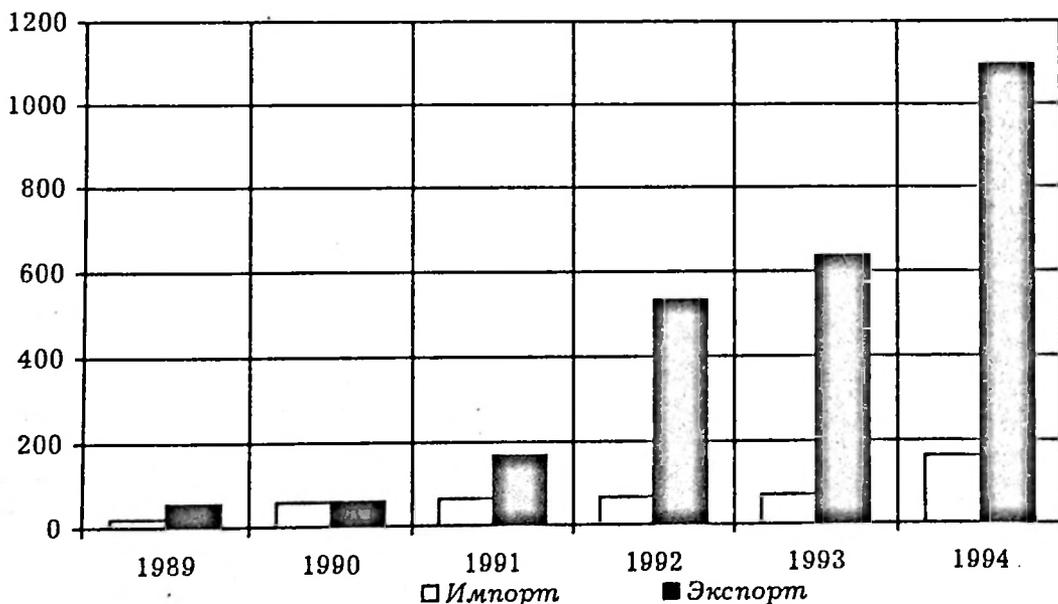
Динамика товарооборота между Россией и Тайванем в 1989-1994 гг.
(млн. долл. США)

Годы	Импорт в Россию		Экспорт из России		Общий объем товарооборота		Сальдо
	Объем	Рост (%)	Объем	Рост (%)	Объем	Рост (%)	
1989	20,640	—	54,787	603	—	869	(-)34,147
1990	59,028	186	60,585	11	119,613	59	(-)1,557
1991	63,272	7	164,507	172	227,779	90	(-)101,235
1992	65,400	3	553,600	237	619,000	172	(-)488,200
1993	71,300	9	637,500	15	708,800	15	(-)566,200
1994	163,300	129	1096,300	72	1259,600	73	(-)933,000

Источник: данные таможенной статистики предоставлены Тайбэйско-московской комиссией по экономическому и культурному сотрудничеству. (Правительство Тайваня отменило запрет на прямые экономические контакты с СССР с 1 марта 1990 г.)

Диаграмма 1.

Рост двусторонней торговли в 1989-1994 гг.

Столь быстрый рост торговли с Россией связан прежде всего со спросом Тайваня на российские сырьевые ресурсы и их относительной дешевизной. Вторым фактором является заинтересованность тайваньских фирм в рынках сбыта для продукции обрабатывающей промышленности. Российские и тайваньские бизнесмены в последние годы стали гораздо активнее устанавливать прямые связи друг с другом. Ранее большая часть тайваньских товаров попадала в Россию через цепь посредников (американские, японские и европейские фирмы), в последние годы прямые закупки на Тайване становятся устойчивой тенденцией.

Следует отметить недостатки приводимой в статье таможенной статистики, поскольку она не учитывает торговлю через третьи страны, товары, произведенные на тайваньских предприятиях за рубежом (в КНР, Малайзии и т.д.) и ряд других факторов. В связи с этим показатели экспорта Тайваня в Россию вполне могут быть занижены. В частности, по подсчетам тайваньских ученых, продукция, произведенная тайваньскими фирмами в континентальном Китае, составляла в 1991 г. 11% общего объема экспорта промышленных товаров КНР. В том числе 43% экспорта продукции из пластмассы и резины, 42% экспорта транспортных средств (главным образом, велосипедов), 37% экспорта электроники и электронных товаров и 24% экспорта прочих промышленных товаров⁴.

Что касается товарной структуры, то в российском экспорте преобладает сырье, в особенности черные и цветные металлы. В частности, товары, входящие в главу 72 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (первичные материалы) составляют более 63%. В последние годы Россия становится для Тайваня важным источником сырья (в первую очередь полуфабрикатов черных и цветных металлов). Импорт черных металлов из России будет расти и дальше. По сведениям автора, крупнейшее тайваньское государственное предприятие China Steel Corp. заключило с Магнитогорским металлургическим комбинатом долгосрочный контракт на поставку стальных слэбов и намерено кредитовать техническую реконструкцию завода.

Говоря о структуре импорта, необходимо отметить, что российские предприниматели в основном импортируют из Тайваня продукцию электроники - компьютеры и периферию. Это вполне естественно: Тайвань занимает 4 место в мире по производству продукции для информатики, дает 28% мирового производства компьютеров типа notebook, 56% видеомониторов, 80% материнских плат, 80% манипуляторов типа "мышь", 61% сканнеров⁵. Крупнейшие мировые фирмы - IBM, Apple, Compaq, Hitachi, Matsushita, Sharp, NEC, HP, Toshiba и другие в последние годы увеличили закупки на Тайване. По мнению специалистов, до 80% парка персональных компьютеров в России - тайваньского происхождения. Пользующиеся широким спросом на российском рынке телевизионные электронные игровые приставки Dendy также производятся на Тайване.

Сегодня Тайвань занимает 7 место в мире по размерам инвестиций за рубежом. Большая часть этих инвестиций сконцентрирована в странах Юго-Восточной Азии: Малайзии, Таиланде, Индонезии, Филиппинах, Сингапуре и Вьетнаме, а также в США, Канаде, Мексике и Панаме, в Европе - прежде всего в Великобритании, Германии и Нидерландах, а также в Южно-Африканской Республике. Однако вследствие нестабильной социально-экономической ситуации в России и отсутствия законодательных гарантий для тайваньских инвесторов (в частности, отсутствия соглашения о взаимной защите инвестиций) в настоящее время, несмотря на имеющиеся потенциальные возможности, инвестиции в российскую промышленность со стороны тай-

ванских фирм не зафиксированы⁶. В случае улучшения инвестиционного климата в России, отрасли, в которые возможны тайваньские инвестиции - это прежде всего текстильная, электронная, электротехническая, химическая, бумажная и полиграфическая промышленность, металлургия, высокие технологии.

В нашей стране открыты представительства 20 с лишним торговых фирм, большинство из которых имеют собственные оптовые склады, что также можно рассматривать как инвестиции в широком смысле. Большая часть тайваньских фирм торгуют в России одеждой и обувью. Однако есть и заметные исключения. Например, крупнейшая тайваньская компьютерная фирма Асег, открывшая представительство в России в 1994 г., в короткое время стала второй по объему продаж иностранной компьютерной фирмой на российском рынке после Hewlett-Packard. В прошлом году, по данным московского представительства, в страны СНГ ввезено продукции на 24 млн. долл. (цены FOB Тайвань). В 1995 г. оборот увеличится более чем в два раза и достигнет 60 млн. долл. По оценкам, число тайваньских фирм, зарегистрированных в России, будет расти на 7-10 предприятий в год.

2. Ликвидация тарифных и нетарифных ограничений.

В торговле между двумя странами постепенно устраняются тарифные и нетарифные ограничения. Еще 3-4 года назад между Россией и Тайванем отсутствовала телефонная и факсимильная связь (с российской стороны), взимались повышенные пошлины, деловым людям для получения визы нужно было выезжать в третью страну, тайваньские фирмы испытывали затруднения с регистрацией своих фирм в России, то теперь эти трудности или уже сняты или снимаются, создаются механизмы двусторонних торгово-экономических отношений.

Одним из важнейших шагов было открытие в июле 1993 г. в Москве представительства Тайбэйско-московской комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству, в составе которой действует экономический отдел, в чью основную задачу входит поддержание контактов с государственными органами России. В том числе одной из основных задач является устранение тарифных и нетарифных ограничений в двусторонней торговле. С 1994 г. в торговле между Россией и Тайванем действуют льготные ставки импортной пошлины с обеих сторон. Россия распространила на Тайвань режим, действующий в отношении КНР еще в 1992 г. Тайваньская сторона распространила аналогичный режим на российские товары с 1 января 1994 г. В настоящее время российские деловые люди могут получить визы для поездки на Тайвань в течение недели в Москве.

В текущем году намечается открытие неофициального российского представительства на Тайване под названием "Московско-Тайбэйская комиссия по экономическому и культурному сотрудничеству." Ее открытие решит вопрос получения российских виз на Тайване, она возьмет на себя также информационно-справочное обслуживание.

С 1991 г. в Москве функционирует представительство Совета по развитию внешней торговли Китая (China External Trade Development Council - CETRA), под названием Центр международной торговли Тайбэя (Taipei World Trade Center) - некоммерческая организация, предоставляющая деловые услуги (в частности, информационное и консультационное обслуживание) и тайваньским и российским бизнесменам. Другой важнейшей функцией CETRA

является организация международных выставок на Тайване и участие в выставках за рубежом.

В последние годы тайваньская экспозиция регулярно организуется на выставке Консумэкспо, устраиваемой АО Экспоцентр в начале года. В марте 1994 г. в Москве прошла первая национальная выставка тайваньских товаров Taiwan Products Show '94, организованная CETRA и Тайбэйско-московской комиссией.

3. Основные проблемы развития торгово-экономических отношений между Россией и Тайванем.

Основные проблемы, сдерживающие дальнейшее поступательное развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Тайванем вытекают из нерешенных вопросов, связанных с отсутствием официальных дипломатических отношений и нестабильностью политико-экономической ситуации в России.

Пока нельзя говорить о налаженном механизме внешнеэкономических связей с Тайванем. В частности, отстает организация транспортировки экспортно-импортных грузов Тайваня и банковское обслуживание двусторонней торговли. Отсутствие прямого воздушного и морского сообщения между двумя государствами значительно замедляет сроки поставки товаров из Тайваня в Россию. Морские контейнерные перевозки занимают 1,5-2 месяца. В текущем году возможно открытие прямого рейса Москва - Гонконг - Тайбэй (компания Трансаэро и China Airlines), однако открытие прямого морского сообщения откладывается на более далекую перспективу.

К числу факторов, сдерживающих развитие более глубокого двустороннего торгово-экономического сотрудничества и инвестиционных связей, относится и сложная криминогенная ситуация в России. В начале 1995 г. тайваньские бизнесмены были потрясены вестью об убийстве в Москве двух тайваньских предпринимателей⁷. По сведениям, полученным из первых рук, многие тайваньские предприниматели платят дань местным мафиозным структурам (до 20% прибыли).

В настоящее время между Россией и Тайванем существует хороший потенциал для развития двусторонней торговли, инвестиций и научно-технического сотрудничества, однако реализация этих возможностей будет прежде всего зависеть от решения Россией проблем социально-политической и экономической стабилизации.

1. Маои Куйсюнь. (Traders' Express). - 1995. - 1 марта.
2. The Republic of China at a Glance // Government Information Office. - May 1994. - 1st edition. - P. 14-15.
3. По данным МВЭС России, в 1994 г. объем двусторонней торговли составил 1150 млн. долл. США, в том числе импорт - 140 млн. и экспорт - 1010 млн.
4. Sinorama. - August 1994. - Vol. 19. - No 8. - P. 8-9.
5. Шанье чжоукань. (Business Weekly). - 1995. - 13-19 февраля. - Pp. 32-33.
6. Единственным заметным исключением является деятельность фирмы Pacific Technique Development, вложившей значительные средства в производство по российской технологии летательного аппарата на динамической воздушной подушке - экраноплана - и создавшей в Нижнем Новгороде совместное предприятие.
7. Прокуратура официально обвинила в убийстве гражданина КНР Юй Миньцзе, находящегося в розыске.

Система стимулирования труда на крупных предприятиях Японии

© 1995

В.Хлынов

Одним из важнейших факторов стабильного развития японской экономики является существующая в Японии эффективная система стимулирования труда. В сочетании с традиционным трудолюбием японцев и присущим им коллективизмом она побуждает как каждого отдельного работника, так и трудовой коллектив в целом к самоотверженной отдаче своих профессиональных знаний, опыта и навыков в работе во имя процветания "своего" предприятия, а следовательно, и улучшения собственного социально-экономического положения. Не будет большим преувеличением сказать, что без этой системы, возможно, не было бы и "японского экономического чуда". Она интегрирует в себе целый ряд хорошо продуманных и неукоснительно осуществляемых, особенно на крупных и крупнейших предприятиях страны, форм и методов стимулирования труда. При этом они включают в себя как специфически японские, так и "японизированные", т.е. приспособленные к японским условиям, американские формы и методы. По своему характеру все эти стимулы можно разделить на экономические и психологические.

Основные экономические стимулы включают в себя ежегодное повышение заработной платы, регулярные выплаты бонусов (премий), предоставление различных единовременных пособий на поддержание благосостояния работников, заранее оговоренная выплата довольно крупных выходных пособий.

Говоря о ежегодном повышении заработной платы, необходимо особо отметить, что именно благодаря этому Япония еще во второй половине 80-х годов опередила все высокоразвитые капиталистические страны по уровню почасовой заработной платы в обрабатывающей промышленности (табл. 1). Основой столь серьезного социально-экономического сдвига явилось успешное развитие экономики страны. Определенную роль сыграла и многолетняя упорная борьба японских профсоюзов за улучшение условий труда, одним из главных лозунгов которой был - "Зарплату - на уровень стран Запада!"

На фоне значительного общего повышения заработной платы в Японии за последние годы особенно заметен ее рост на крупных предприятиях (табл. 2). Как видно из таблицы, в 1970-1990 гг. среднемесячная зарплата на крупных предприятиях обрабатывающей промышленности (500 и более занятых) выросла в 1,5 раза и к началу 90-х годов достигла довольно внушительной суммы, равной почти 450 тыс. иен, что соответственно в 1,3 и 1,8 раза больше, чем на средних и мелких предприятиях. Для того чтобы представить себе "возможности" этой суммы, приведем примерные средние цены на некоторые продукты питания и предметы первой необходимости в Токио, который является одним из самых "дорогих" городов мира. Так (цены 1990 г. за 1 кг), рис стоил 536 иен, белый хлеб - 385 иен, тунец - 4580 иен, говядина - 3830 иен, свинина -

1530 иен, куры - 1080 иен, сливочное масло - 1400 иен и т.д. Цена пылесоса - 23550 иен, стиральной машины - 39260 иен, комнатного кондиционера - 205500 иен, цветного телевизора - 88140 иен, шерстяного мужского костюма - 57450 иен, женского шерстяного костюма - 39760 иен, мужских ботинок - 10280 иен, женских туфель - 9134 иен и т.д.¹ Простое сопоставление уровня приведенных розничных цен с величиной заработной платы красноречиво свидетельствует о ее весомости. И хотя цены неуклонно растут, повышение номинальной заработной платы, как правило, несколько опережает их рост. Иными словами, налицо устойчивый рост реальной заработной платы. Согласно официальным данным с 1970 по 1990 г. во всех отраслях хозяйства (предприятия с числом занятых более 30 чел.) она выросла в среднем почти на 12%².

Таблица 1

Почасовая заработная плата в обрабатывающей промышленности развитых стран* (в амер. долл. по официальному курсу)

Годы	1986 г.		1987 г.		1990 г.	
	ам. долл.	Индекс	ам. долл.	Индекс	ам. долл.	Индекс
Страна						
Япония	8,78	100	10,41	100	13,76	100,0
США	9,73	111	9,91	95	10,83	78,7
Канада	8,60	98	9,23	89	12,26	88,9
Швеция	7,34	84	8,90	85	12,37	89,9
ФРГ	7,74	88	9,75	94	12,42	90,2
Италия	4,86	55	5,38	52	4,95	35,9
Англия	5,81	66	6,93	67	9,61	69,8
Франция	5,67	65	6,82	66	6,81	49,5

* *Japan 1989. An International Comparison, Tokyo, 1988, p. 68;*
Japan 1990. An International Comparison, Tokyo, 1989, p. 68;
Japan 1993. An International Comparison, Tokyo, 1993, p. 67.

Таблица 2

Среднемесячная номинальная заработная плата в обрабатывающей промышленности Японии в зависимости от размера предприятия*

(тыс. иен)

Годы	Предприятия с числом занятых		
	Более 500 чел.	100-499 чел.	5-29 чел.
1970	296,1	238,3	171,7
1985	369,8	285,0	203,0
1986	371,7	288,8	212,8
1987	397,2	296,7	214,3
1988	401,4	307,3	224,2
1989	423,1	324,8	232,8
1990	444,1	342,1	245,1

* *Кэйдзай сран. 1990. - Токио, 1990. - С. 134; Кэйдзай сран 1991. -Токио, 1991.- С.134.*

Весьма эффективным экономическим стимулом являются также бонусы(премии),которые выплачиваются практически всем работникам дважды в год (летом и зимой). Очень важно, что размер банусов прямо связан с результатами деятельности предприятия. Система бонусов широко практикуется не

только крупными, но и многими средними и даже мелкими предприятиями. Разница лишь в том, что их размеры на крупных предприятиях значительно выше, чем на средних и мелких. Общая картина динамики размеров бонусов представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Средние размеры бонусов на всех японских предприятиях
с числом занятых более 30 чел.* (все отрасли хозяйства)**

Годы	Летние бонусы		Зимние бонусы	
	тыс. иен	количество месячных зарплат	тыс. иен	количество месячных зарплат
1975	239,7	1,54	287,5	1,84
1980	348,7	1,56	416,2	1,85
1985	411,0	1,47	490,6	1,75
1987	440,0	1,48	495,2**	1,72**
1990	501,7	1,51	563,1***	1,78***

* Родо токэй еран 1988. - Токио, 1988. - С. 100; 1991.- С. 106.

** 1986 г.

*** 1989 г.

Как видно из таблицы, размеры бонусов увеличиваются из года в год. При этом летние бонусы равны примерно полутора, а зимние - почти двум месячным зарплатам. Таким образом, помимо основной заработной платы работники ежегодно получают в виде единовременных выплат еще в среднем по три с половиной месячной зарплаты. На эту сумму можно приобрести, например, новую, вполне приличную автомашину. Что касается крупных предприятий, то общая сумма летних и зимних бонусов на некоторых, наиболее конкурентоспособных из них, в отдельные годы достигает четырех и даже шести месячных зарплат.

Повышению трудовой активности персонала в значительной степени способствует и предоставление работникам различных ежемесячных и единовременных пособий на поддержание благосостояния. К числу наиболее распространенных из них относятся пособия на жилье, некоторые виды коммунальных услуг, питание, одежду, транспорт, а также на культурные и медицинские нужды. Регулярной статистики размеров этих пособий не существует. Однако в большинстве случаев они достаточно велики. Особенно привлекательны для работников различные виды пособий на жилье. Это связано с тем, что в результате непрекращающегося в Японии роста цен на землю непрерывно увеличиваются цены на строительство жилья и его аренду. Поэтому практически все крупные японские компании уже имеют и продолжают строить свои собственные жилые дома. Довольно значительная часть квартир в таких домах предоставляется работникам предприятия бесплатно или за минимальную плату.

Действенным экономическим стимулом для работников крупных японских предприятий является также заранее оговоренная выплата им весьма существенных выходных пособий. Система таких пособий предусматривает выплату работнику, уходящему с работы по достижении пенсионного возраста, особой согласованной суммы, или суммы, эквивалентной заработной им пенсии. На практике подавляющее большинство крупных предприятий включает в трудовое соглашение и выплачивает обе эти суммы одновременно. При

этом такие выплаты не требуют каких-либо предварительных страховых взносов со стороны работников, т.е. осуществляются на безвозмездной основе из прибылей предприятия. Общий размер выходного пособия (особая согласованная сумма плюс сумма, эквивалентная заработанной пенсии) зависит от стажа работы (не менее двадцати лет), уровня образования работника и некоторых других условий. Данные о средних размерах выходных пособий, выплачиваемых работникам крупных предприятий, приводятся в табл. 4.

Как показывают эти данные, средний размер выходных пособий работников крупных предприятий выражается десятками миллионов иен и из года в год растет. Многие после ухода на пенсию используют столь внушительные суммы для организации собственного дела, на покупку жилья, вкладывают их в пенсионные фонды.

Психологические стимулы включают в себя непосредственное психологическое воздействие на работников, вовлечение их в различные производственные движения, установление "человеческих отношений в промышленности" и т.п.

Широко распространенным методом непосредственного психологического воздействия на работников крупных предприятий является, например, ежедневное исполнение перед началом работы всем персоналом предприятия патристического по своему содержанию "гимна компании". Это обязательная торжественная церемония призвана поднять трудовой дух работников и настроить их на самоотверженный труд в течение всего рабочего дня. Прямое психологическое воздействие осуществляется и посредством направленной на максимальную отдачу труда пропаганды с помощью стенных газет, пропагандистских памфлетов, листовок, брошюр и других печатных изданий, а также мобилизующих передач по внутрифирменной радиотрансляционной сети.

Таблица 4

**Средний размер выходных пособий на крупных предприятиях Японии
(1 тыс. и более человек)**

Стаж работы и уровень образов.	Размер пособия (млн. иен)		К-во ежемесячных зарплат	
	1985 г.	1989 г.	1985 г.	1989 г.
Университетское образование				
Стаж работы:				
20-24 года	12,9	16,4	27,6	33,5
25-29 лет	18,3	19,3	35,6	35,7
30-34 года	22,7	24,9	42,3	42,1
Более 35 лет	24,8	26,7	46,5	45,5
Полная средняя школа				
Стаж работы:				
20-24 года	9,6	10,3	26,6	29,0
25-29 лет	13,4	14,0	36,5	34,6
30-34 года	16,5	19,6	42,2	45,6
Более 35 лет	20,1	24,1	49,0	50,6

Источники: Ministry of Labour "Survey of Retirement Pay Systems 1985" // "Japanese Working Life Profile, Statistical aspect 1988". - Tokyo, 1988. - P. 81; Ministry of Labor "General Survey of Retirement Allowance Schemes, 1989" // "Japanese Working Life Profile. Labor statistics 1991-1992". - Tokyo, 1991. - P. 79.

К числу наиболее известных производственных движений, в которые вовлекаются работники, относятся: "движение за повышение производительности труда", "движение за работу без брака", "движение контроля за качеством продукции".

Организационно все эти движения осуществляются "малыми группами" или "специальными кружками". Типичным примером в данном случае могут служить "кружки контроля за качеством продукции". Они представляют собой добровольные объединения 10-12 работников во главе с неформальным лидером, часто это высококвалифицированный и опытный ветеран. Формально такие группы в большинстве случаев создаются не администрацией предприятия, а по инициативе самих работников. Это, однако, не исключает права администрации предприятия направлять и контролировать их деятельность. В сферу деятельности этих кружков входит минимизация брака, совершенствование технологических процессов, рационализация оборудования и инструмента, снижение издержек производства, повышение квалификации и обучение персонала, техника безопасности, улучшение организации труда, повышение трудовой и производственной дисциплины, т.е. оптимизация производства. Для решения этих задач члены указанных кружков обычно собираются в нерабочее время, в том числе и в выходные дни. Работа кружков дает весьма ощутимые результаты как в экономическом, так и в психологическом отношении. Вносимые их членами рационализаторские предложения экономят предприятиям огромные средства. Члены же кружков в большинстве случаев получают за свои предложения чисто символические денежные вознаграждения. Более существенной наградой для них является рост личного престижа среди коллектива.

Особое место в общей системе психологического воздействия на наемный персонал крупных предприятий занимает приспособленная к японским условиям американская система "человеческих отношений в промышленности". Родившаяся в США еще в конце 30-х годов, как комплекс морально-психологических мероприятий, направленных на стимулирование трудовой активности работников в условиях конвейеризации производства, в Японии эта система стала внедряться с середины 50-х годов с учетом японской специфики трудовых отношений с главной целью - продемонстрировать рядовым работникам их производственное равноправие с руководящим персоналом предприятия.

Наиболее распространенными методами установления и развития "человеческих отношений в промышленности", практикуемыми ныне на крупных японских предприятиях, являются следующие:

Неформальное деловое общение руководителей предприятия с подчиненными им работниками, или так называемый "метод дружеского похлопывания по плечу". Он широко применяется на всех без исключения крупных предприятиях и без материальных затрат позволяет добиваться дающих экономический эффект "человеческих отношений" руководителей с рядовыми работниками. На практике он осуществляется следующим образом. Руководители предприятия, вплоть до президента компании, несмотря на свою занятость, ежедневно обходят те или иные участки производства и обмениваются с работниками короткими приветствиями непосредственно на их рабочих местах. При удобном случае они дружески похлопывают кого-либо из них по плечу, демонстрируя тем самым всему коллективу цеха свое дружеское расположение к рядовому персоналу в целом. Это заметно улучшает настроение всех работников, что, в свою очередь, способствует общему повышению производительности труда.

“Поздравления работника с днем рождения” в специфических условиях Японии дают заметный психологический эффект, что объясняется как чертами национального характера японцев, так и спецификой этого метода на японской почве. Последняя проявляется в том, что, торжественно поздравляя работника с днем рождения в присутствии всего трудового коллектива, администрация предприятия чаще всего вручает либо определенную денежную сумму, либо какой-нибудь памятный подарок не только юбиляру, но и членам его семьи. Это, естественно, воспринимается работником как проявление особого внимания со стороны администрации, что оказывает положительное влияние на сознание работников и их желание внести еще больший вклад в процветание предприятия.

“Откровенные беседы в цехах”, так же, как и “дружеское похлопывание по плечу”, преследуют цель усилить у рядового персонала чувство человеческого достоинства и равноправия с руководителями предприятия. Периодически посещая цеха, они во время бесед с работниками внимательно выслушивают их замечания и предложения по улучшению работы. Даже если эти замечания не будут учтены, сама возможность откровенного общения с руководителями, как равных с равными, вызывает у рядовых работников чувство сопричастности к делам предприятия и побуждает их трудиться с еще большей отдачей сил.

“Метод внесения предложений”, известный также как “система ящиков для предложений”, преследует ту же цель - усилить в сознании рядовых работников чувство своей принадлежности к предприятию и на этой основе добиться от них максимального повышения производительности труда. Для этого администрация всячески поощряет работников на активное внесение любых предложений по улучшению деятельности предприятия в письменной форме. Эти предложения опускаются работниками в специальные ящики и внимательно изучаются соответствующими подразделениями предприятия. Даже незначительные предложения обычно поощряются небольшими денежными вознаграждениями.

“Специальные органы для урегулирования взаимных претензий”, которые создаются, чтобы укрепить в сознании рядовых работников веру в то, что на “своем” предприятии они располагают такими же правами, как и администрация. Это могут быть арбитражные комиссии, комитеты и тому подобные специальные органы. В некоторых случаях, как это ни парадоксально, инициатором формирования органов, фактически защищающих интересы работников, является сама администрация предприятия.

“Организации консультаций по личным вопросам для работников предприятия.” Этот метод требует от администрации довольно значительных материальных затрат, но его конечный эффект с лихвой оправдывает расходы. Бесплатные для всех без исключения работников консультации по самому широкому кругу вопросов проводят специалисты-профессионалы, состоящие в штате предприятия или привлекаемые к работе на договорных началах. Администрация многих предприятий организует такие консультации не только на территории предприятия, но и в общежитиях и домах, принадлежащих компании, где необходимую и бесплатную консультацию могут получить помимо работников и члены их семей. При этом руководство предприятий не скрывает, что идет на значительные расходы не только из желания помочь своим работникам получить высококвалифицированные консультации по интересующим их вопросам, но и с целью иметь представление о настроениях среди работников, и при необходимости заблаговременно предотвратить возможные вспышки недовольства.

“Практика совместного проведения досуга всех членов трудового коллектива” независимо от занимаемой должности также представляет собой эффективный метод культивирования “человеческих отношений в промышленности”. Она включает разработку и претворение в жизнь каждым крупным предприятием специальных программ использования свободного времени занятыми на нем работниками. Это, естественно, рассматривается последними как проявление заботы со стороны администрации. Такие программы предусматривают, в частности, строительство специальных рекреационных сооружений (лекционные залы, библиотеки, помещения для занятий различных кружков, спортзалы, стадионы, площадки для игры в бейсбол, теннисные корты, бассейны, дома отдыха, профилактории и т.п.) и организацию различных культурных мероприятий (лекции, концерты, выставки, конкурсы, различные курсы, показ кинофильмов, проведение спортивных состязаний, совместных выездов за город, вечеров молодежи, коллективных дней рождений, совместных проводов старого года и т.п.).

К числу прочих психологических методов стимулирования персонала, наиболее широко применяемых на крупных предприятиях Японии, относятся следующие.

Метод “ринги”, или особый метод принятия решений, суть которого заключается в следующем: официальному решению по кардинальным вопросам функционирования предприятия предшествует довольно длительная процедура неформального согласования мнений всех заинтересованных работников, групп и подразделений предприятия по этим вопросам. После достижения общего консенсуса инициатор обсуждения (в большинстве случаев им является один из управляющих) составляет формальный документ с подробным описанием проблемы и предлагаемого способа ее решения и рассылает его всем тем, с кем этот способ согласовывался. Адресаты должны поставить под документом свою подпись, подтверждающую поддержку намеченного курса действий. В том случае, если формулировки, содержащиеся в документе, кого-нибудь из них не удовлетворяют, процесс согласования возобновляется и продолжается до тех пор, пока единство мнений не закрепляется в отношении всех деталей. Длительность подготовки решения компенсируется быстротой его исполнения, что в немалой мере объясняется “мертвой” привязкой к нему всех одобренных предложенный способ действий и тем самым практически обязавшихся неукоснительно придерживаться этого общего решения. Такой метод принятия решений дает весьма значительный стимулирующий эффект. Несмотря на то что проекты решений все-таки спускаются “сверху”, “низы”, безусловно, вдохновляются оказанным им доверием, не жалеют усилий для творческой оценки вариантов решения и для претворения в жизнь того из них, который оказался утвержденным с их участием.

Метод так называемого “духовного самоусовершенствования”. Как атрибут буддизма, он известен в Японии еще с XII века, когда учение известной буддийской секты “дзэн” было перенесено из Китая на японскую почву. Эта секта проповедует необходимость духовного самоусовершенствования, под которым понимается ограничение потребностей, поклонение упорному труду и т.п., а важным средством достижения этого служит медитация (“дзадзэн”).

В качестве психологического стимула повышения трудовой активности персонала метод “духовного самоусовершенствования” начал широко применяться на многих крупных японских предприятиях в начале 70-х годов. Ежегодно, в период набора молодежи, оканчивающей средние и высшие учебные заведения, администрация фирмы с помощью служителей буддийских

храмов проводит массовые “дзадзэн” для новичков. Завершаются они курсом лекций о “вреде чрезмерных желаний” и “радости каждодневного труда”.

Метод “самоконтроля” имеет целью снять с работника накопившуюся в течение рабочего дня усталость прежде всего от монотонной, напряженной работы и заставить почувствовать в себе новый прилив трудовой энергии. Для этого практически на всех крупных предприятиях созданы и функционируют так называемые “центры самоконтроля”. Комната смеха с причудливо искажающими отражение зеркалами; удобные массажные кресла для снятия раздражения и усталости; чучело президента компании в натуральную величину, которое можно ударить лежащей рядом дубинкой; уголок путешествий, где каждый может помечтать об увлекательной поездке за границу; наконец, уютно обставленная комната для откровенной беседы с психологом - все это к услугам работников предприятия. Каждый из них в обеденный перерыв или после работы может свободно воспользоваться всеми этими средствами восстановления трудовой энергии и душевного равновесия. По признанию самих работников, такая система самоконтроля оказывает на них благотворное влияние, помогая снять отрицательные психологические стрессы и нагрузки, мешающие нормальной работе.

Приспособленный к японским условиям американский метод “назначения старшей сестры” применяется практически на всех крупных предприятиях, где преобладает женская рабочая сила и живущие в общежитии молодые работницы - выходцы из сельской местности. Суть метода сводится к тому, что администрация предприятия назначает так называемую “старшую сестру” - наиболее опытную работницу, которая несет ответственность как за работу, так и за поведение 20-30 подопечных ей коллег. Ее основной обязанностью является поддержание нормального психологического климата и предотвращение каких-либо конфликтов во вверенном ей коллективе. Цель использования данного метода - с помощью неформально-дружеского воздействия на психологию работниц стимулировать их трудовые усилия.

Японизированный американский метод “назначения крестного отца” в течение многих лет применялся главным образом в государственных учреждениях. Однако в последнее время он широко практикуется и на крупных частных предприятиях. Суть его состоит в том, что каждого молодого работника с первых шагов трудовой карьеры начинает курировать опытный опекун, или так называемый “крестный отец”. Обычно это старший по возрасту работник среднего руководящего звена из другого отдела или подразделения. Постоянными отеческими советами он настраивает своих подопечных на безупречное поведение и самоотверженный труд во имя процветания предприятия. Одновременно в меру своих возможностей он способствует их постепенному продвижению по службе.

Метод “участия работников в управлении производством”, родившись в США в 20-х годах, появился в Японии в середине 50-х годов, что значительно позже, чем в других промышленных странах. С тех пор он все шире внедряется в практику японского менеджмента. В последние годы в связи с постепенным отмиранием традиционной японской системы организации труда с опорой на “пожизненный наем”, “зарплату по старшинству” и “пофирменные профсоюзы”, процесс его внедрения заметно ускорился и ныне он применяется на подавляющем большинстве крупных предприятий. Основная цель метода - обеспечить общность интересов администрации и рядовых работников предприятия и тем самым стимулировать личный фактор повышения производительности труда. По мнению ряда специалистов, “участие в

управлении" станет основой становления новой модели организации труда и трудовых отношений в Японии.

Уже сегодня можно говорить о наличии на крупных предприятиях страны осязаемых результатов реального участия работников в управлении производством. Наиболее широко оно распространено на уровне рабочего места, участка и цеха. Самой распространенной формой "участия" на этом уровне является "движение самоконтроля", включающее в себя упоминавшиеся уже методы "контроля за качеством продукции" и "работы без брака". Все большую популярность обретает и деятельность "малых автономных групп", имеющих право самостоятельно принимать и осуществлять решения в рамках их конкретных производственных функций и задач. Широко используется и такой вид "участия", как проведение "цеховых собраний" (от ежедневных 15-20 минутных встреч для инструктажа и обмена информацией до созываемых раз в месяц многочасовых конференций). Что касается "участия" на уровне предприятия, то чаще всего имеют место совместные консультации представителей рядового и руководящего персонала. Рассматриваемые на консультациях вопросы носят самый разнообразный характер: от условий труда до финансовых проблем.

Таковы наиболее распространенные сегодня на японских предприятиях экономические и психологические формы и методы стимулирования труда. Являясь основой общей эффективно действующей системы повышения трудовой активности наемного персонала, они вносят важный вклад в развитие всей японской экономики.

1. Нихон токэй гэппо.- Токио, 1991. - Декабрь. - С. 135-140.

2. Кэйдзай еран 1990. - Токио, 1991. - С. 134.

Китайский порт Ляньюньган - будущий "новый Гонконг"

© 1995

И. Азовский

Порт Ляньюньган расположен на тихоокеанском побережье Китая в заливе Хайчжоу Желтого моря. Географические координаты: 34 44'32" северной широты и 119 27'28" восточной долготы. Расстояние от Ляньюньгана до других портов составляет: до Циндао - 97 морских миль, Тяньцзиня - 494, Циньхуандао - 444, Даляня - 339, Дандуна - 417, Шанхая - 398, Нинбо - 423, Фучжоу - 716, Сямыня - 847, Гонконга - 1106, Гуанчжоу - 1178.

Хотя Ляньюньган многие столетия использовался местными рыбаками и китайскими мореплавателями, по-настоящему морским портом он становится лишь накануне второй мировой войны, когда в 1933 г. в этот район была подведена железнодорожная ветка. В 1936 г. в порту были построены два причала, принимавшие до 6 судов дедвейтом до 3 тыс.т.; одновременно были доведены до порта железнодорожные пути. В годы войны порт был разрушен. И лишь в 1956 г. он был открыт для иностранных судов, в порту была создана таможенная служба, открыты транспортные, коммерческие и кредитные компании по обслуживанию иностранных судов, внешнеторговые представительства, другие административные и технические службы. Помимо обслуживания интересов внешней торговли страны (к началу 90-х годов внешнеторговые грузы составляли примерно 60% общего грузооборота) порт оставался важным центром рыболовства и обслуживания каботажных перевозок. Основными грузами, которые проходили через порт, являлись уголь, соль, лесоматериалы, сахар, хлопок, минеральные удобрения, стальной прокат, изделия местных промыслов. Несмотря на то, что пропускная способность порта выросла, значительного капитального строительства в Ляньюньгане в эти годы, так же как и в большинстве портов КНР, не велось. Это связано с тем, что Китай в этот период основное внимание уделял пополнению своего торгового флота. Однако в начале 70-х годов на фоне роста китайского торгового флота и расширения внешнеторговых и каботажных перевозок явно проявилась недостаточность пропускной способности портов КНР. Поэтому с 1972 г. началась реализация программы по расширению и модернизации главных портов, которая предусматривала строительство новых глубоководных причалов и реконструкцию имевшихся, оснащение их подъемно-транспортным оборудованием, углубление гаваней, расширение и усовершенствование подъездных путей, строительство складов и других портовых сооружений. Что касается Ляньюньгана, то осуществление программы реконструкции этого порта было отложено в связи с необходимостью решения такой сложной технической

отложено в связи с необходимостью решения такой сложной технической проблемы, как сильное заиливание прибрежной полосы в районе порта. ряд специалистов ставили под сомнение возможность и эффективность работ по строительству глубоководных причалов и углубления фарватера порта. Поэтому несколько лет десятки университетов, научно-исследовательских институтов и специалисты-практики вели гидрологические исследования. Было установлено, что подобное явление - результат деятельности реки Хуанхэ, которая в течение 700 лет (1158-1855 гг.) впадала в Желтое море в районе Ляньюньгана. По содержанию взвешенных частиц в воде Хуанхэ занимает первое место в мире. Так как река изменила свое русло более ста лет назад, то характер ила на дне порта изменился и можно проводить дноуглубительные работы, не опасаясь нового заиливания.

На характере и масштабах работ по реконструкции порта сказался еще один фактор - в конце 80-х годов Ляньюньган был избран начальной точкой второй трансконтинентальной железнодорожной магистрали Азия-Европа. Еще в 1954 г. между СССР и КНР было подписано соглашение о строительстве железной дороги, которая соединила бы наши страны через Синьцзян и Среднюю Азию. Строительство на территории Китая было прекращено в 1963 г. из-за ухудшения советско-китайских отношений. Работы были возобновлены в 1985 г. К этому времени острая необходимость подобной железнодорожной магистрали не вызывала сомнений, так как единственная железнодорожная нить - Транссибирская - была не в состоянии в полной мере удовлетворять всевозрастающие объемы перевозок, что сдерживало развитие китайско-советских экономических связей. Кроме того, активный процесс формирования нового мирового экономического центра в Азиатско-Тихоокеанском регионе обострял актуальность обеспечения железнодорожных перевозок между этим регионом и Европой. Все это заставило китайское руководство приступить к завершению строительства второй трансконтинентальной магистрали. В 1990 г. произошла стыковка китайской и советской частей магистрали, в 1992 г. открылось регулярное пассажирское сообщение по маршруту Урумчи-Алма-Ата-Ташкент. Таким образом Китай через железнодорожную сеть Казахстана и России получил выход в Европу, а через центрально-азиатские республики, после завершения небольшого участка Туркмения-Иран, будет иметь прямую железнодорожную связь с Ираном, Турцией и выход на страны Персидского залива. С учетом низкой пропускной способности ранее построенных участков Китай принял меры по форсированию реконструкции китайской части магистрали. Так, например, намечено завершить прокладку вторых путей в 1995 г., а не к 2000 г., как это планировалось ранее. Активно ведется электрификация дороги; в основном завершены работы по обустройству перехода с китайской стороны на китайско-казахской границе, где построены станционные, складские сооружения, а главное - приемно-отправочные пути, связанные с заменой колесных пар из-за разной ширины железнодорожной колеи в КНР и СССР. Одновременно решался вопрос, какой из китайских портов на тихоокеанском побережье будет служить отправной точкой межконтинентальной магистрали. В то время Ляньюньган по ряду показателей уступал другим портам на побережье Тихого океана. Так, в порту Дальнем имелось 48 причалов, из них 23 были способны принимать суда дедвейтом свыше 10 тыс. т, в Тяньцзине - 56 и 31, а в Ляньюньгане - всего 15 и 11 соответственно. Примерно такая же картина наблюдалась, если сравнить возможности по обработке контейнеров. В Шанхайском порту имелось 4 специализированных причала по перегрузке контейнеров общей длиной 1000 м, и глубиной у причалов 7 м, в 1990 г. здесь было обработано 456 тыс. кон-

тейнеров. Тяньцзиньский порт характеризовался следующими цифрами: 4 причала, общая длина 1300 м, глубина 12 м, 400 тыс. контейнеров. Порт Циндао: 3 причала, общая длина 203 м, 138 тыс. контейнеров. В Ляньюньгане к 1990 г. было завершено строительство одного подобного причала и велось строительство еще одного, их общая длина должна составлять 540 м, глубина у причалов 11 м, оба причала смогут обрабатывать 200 тыс. контейнеров в год.

И тем не менее выбор был сделан в пользу Ляньюньгана, отсюда трансконтинентальную магистраль иногда в зарубежной печати называют Ляньюньган-Роттердам. При решении данного вопроса решающую роль сыграло следующее.

Во-первых, выгодное географическое положение Ляньюньгана - практически в центре восточного побережья Китая. Путь от порта до западной границы КНР был самым коротким. Помимо железной дороги порт имеет хорошие перспективы для скорейшего развития транспортной инфраструктуры - автомобильных дорог и речного судоходства.

Во-вторых, Ляньюньган имеет очень большие возможности в плане строительства новых причалов, в первую очередь для обработки контейнеров.

В-третьих, такие порты, как Шанхай, Тяньцзинь, Дальний - это крупнейшие промышленные центры страны с многомиллионным населением. Расширение портов привело бы к дальнейшему росту населения и создало дополнительные трудности. Расширение порта Ляньюньган, неизбежно сопровождаемое появлением новых организаций и различных промышленных предприятий, будет обеспечено имеющимся населением близлежащих районов. В результате страна получит еще один крупный промышленный центр.

Эти факторы и сыграли решающую роль и определили будущее направление реконструкции порта Ляньюньган. В 1982 г. были начаты работы по профилированию прибрежной полосы гавани. За счет сравнивания прибрежных холмов были засыпаны около 1,5 млн. кв. м мелководной части залива к западу от района старого порта. На этом месте был создан новый портовый район Мяолин, где начали действовать современный комплекс для перегрузки угля с годовой мощностью до 9 млн. т, контейнерный терминал, а также специализированные причалы для зерна и лесоматериалов. Грунт прибрежных холмов также был использован для создания еще одного нового портового района Сигоу, площадью 400 кв.м.

Расширение старого порта, а также создание новых портовых районов позволило увеличить число причалов. В 1983 г. в Ляньюньгане насчитывалось 27 причалов, из них 16 глубоководных (глубина 9-12,5 м), принимающих суда дедвейтом свыше 10 тыс. т; общая длина причалов составляла около 5 км. Причем одновременно продолжалось строительство еще нескольких новых причалов, в том числе большого специализированного зернового комплекса. Планируется в 1995 г. довести число причалов до 30, а к 2000 г. - до 37, что позволит обрабатывать в порту до 30 млн. т грузов ежегодно.

Учитывая, что Ляньюньган, как и большинство китайских портов, был относительно мелководным, большое внимание уделяется не только строительству глубоководных причалов, но и подходов к ним и углублению бухты. Так, в результате проведенных работ углублен до 8 м входной канал длиной 10,5 км и шириной 160 м. По нему могут проходить одновременно в разных направлениях два судна дедвейтом 25 тыс. т, либо одно - дедвейтом 35 тыс.т; суда дедвейтом 50 тыс.т могут заходить в порт при наивысшем уровне прилива. Одобрен проект строительства причала и соответствующего канала для приема судов дедвейтом 100 тыс. т. Лоцманская проводка в порту обязательна.

Одновременно принимались меры по модернизации подъемно-транспортного оборудования и строительству портовых железнодорожных путей. Так, в 1992 г. в порту насчитывалось 530 подъемных единиц, в том числе 40-тонный портовый и 63-тонный плавучий краны, а длина железнодорожных путей составляла 51 км; имеющиеся в портовых районах сортировочные станции могли пропустить 30 млн. т грузов ежегодно.

Однако наиболее значительным и важным по объему и будущей роли для порта явилось начатое в 1986 г. строительство дамбы - крупнейшего инженерно-технического сооружения подобного рода в Китае. Дамба длиной 6,7 км соединяет западную точку бухты с западной оконечностью островов Ляньдао, которые прикрывали старый порт со стороны моря. В результате акватория порта увеличилась в десять раз, с 3 до 30 кв.км, а в новом Северном портовом районе, который будет создан на дамбе, открывается возможность для строительства нескольких десятков причалов. В целом четыре портовых района будут насчитывать свыше 100 причалов, способных обрабатывать 60-100 млн. т грузов ежегодно. При необходимости доки и причалы могут быть созданы и вдоль внутреннего побережья островов. В будущем порт может быть расширен также за счет нескольких близлежащих небольших портов, которые при необходимости будут интегрированы в единую портовую систему. Все это и позволяет китайским специалистам говорить о будущем Ляньюньгана как одном из крупнейших мировых портов тихоокеанского побережья, а журналистам называть его Восточным Роттердамом или Новым Гонконгом.

Наряду с реконструкцией и расширением порта китайские власти предпринимает также и другие меры по превращению Ляньюньгана в современный международный транспортный узел.

Ляньюньган включен в число тех четырнадцати портовых городов, которые открыты для иностранного предпринимательства, им здесь предоставлены льготные экономические права. Первые предприятия и фирмы уже начали свою деятельность. С целью обеспечения нормального функционирования "второго транспортного коридора Азия-Европа" в Ляньюньгане уже создано, например, четыре китайских компании по организации контейнерных перевозок, ими установлены связи с транспортно-экспедиторскими фирмами Японии, Ю.Кореи, Гонконга, Тайваня, Сингапура, Голландии, Швейцарии, Швеции, Франции и др. стран. По сообщениям китайской прессы, ряд стран выразили желание принять участие не только в отправке грузов, но и оказании помощи в организации перевозок и эксплуатации порта и железнодорожной магистрали. Несмотря на то, что Ляньюньган имеет достаточный опыт по обработке иностранных грузов (в 1993 г. порт имел деловые связи с 99 странами мира), в порту развернута широкая подготовка кадров, как на месте, так и с выездом на стажировку в Сингапур, Гонконг, Бельгию, Японию. Заключено соглашение с Японией о создании совместной службы по обеспечению контейнерами, японская сторона поставляет, а китайская сторона отвечает за аренду и хранение.

Большое внимание последние годы уделяется созданию необходимой транспортной инфраструктуры в районе Ляньюньгана. Помимо большого масштаба работ на железных дорогах китайские власти активно ведут строительство в регионе автомобильных дорог: в 1995 г. будет завершено скоростное шоссе, соединяющее порт с бывшей столицей Китая Нанкином, ведется прокладка автомагистрали Север-Юг, которая также пройдет через Ляньюньган; кроме того здесь будет начальный пункт еще одной дороги, которая пересечет страну с востока на запад. Завершена первая очередь модернизации аэропорта. Что касается речного судоходства, то имеющийся проект преду-

смаатривает проведение работ по углублению рек, которые соединяют район с рекой Янцзы и Великим каналом.

Постоянно расширяется телефонная сеть города и порта, в том числе международной связи; вдоль всей международной магистрали уже оборудована и действует автоматизированная система связи и слежения за движением грузов.

В 10 км от гавани, на полпути к городу создается зона экономического и технического развития, под которую выделена площадь 30 кв. км. На конец 1992 г. было утверждено 182 промышленных проекта с участием иностранного капитала. Например, начато строительство завода по производству контейнеров. Вступил в строй один из крупнейших в Китае заводов по производству соды. Среди крупных промышленных предприятий, которые решено построить в Ляньюньгане можно отметить: металлургический комбинат мощностью 10 млн. т, завод по производству грузовых автомобилей, судостроительные верфи и др. Для обеспечения порта и города электроэнергией увеличена мощность местной электростанции до 480 тыс. квт. Провинциальные власти планируют построить здесь крупную АЭС. Все это позволяет ожидать, что уже в самое ближайшее время Ляньюньган превратится в крупный промышленный центр КНР.

Появление нового крупного морского порта на тихоокеанском побережье, непосредственно связанного железнодорожным коридором с Европой, безусловно, приведет к изменению сложившихся грузопотоков не только в Китае, особенно в его южных и центральных районах, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Следует иметь в виду, что, по подсчетам экспертов, новый смешанный железнодорожно-морской путь из Азии в Европу и обратно позволяет доставлять грузы вдвое быстрее и на 20% дешевле, чем традиционным морским маршрутом через Индийский океан и Суэцкий канал. Более привлекателен он и по сравнению с перевозкой грузов через дальневосточные порты России и Транссиб. Достаточно отметить, что новая железнодорожная магистраль короче Транссиба более чем на 1000 км, ее восточная конечная точка-порт Ляньюньган - ближе к основным экономическим центрам Азиатско-Тихоокеанского региона.

Уже в самое ближайшее время изменения грузопотоков в этой части земного шара не могут не коснуться и России.

К 50-летию окончания второй мировой войны

Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны

© 1995

С.Лузянин

Актуальность монгольского вопроса, фактически решенного Ялтинской конференцией руководителей трех великих держав 4-11 февраля 1945 г. и последующими международно-правовыми актами СССР, Китайской Республики и МНР 1945-1946 гг., сегодня, на наш взгляд, определяется следующими тремя обстоятельствами: 1) противоречивостью и двойственностью в международно-правовом положении МНР, существовавшего до 1945 г., что, так или иначе, отрицалось в традиционной советской и монгольской историографии 50-70-х гг. и подчеркивалось в исследованиях западных монголоведов; 2) проблемой Внутренней Монголии и возможностью объединения ее с МНР, всегда волновавшей как монгольских лидеров 20-30-х гг., репрессированных в свое время (Данзана, П.Гэндэна, А.Амора), так и их более удачливого преемника Х.Чойбалсана в 40-50-е гг.; 3) активными попытками отдельных деятелей и политических движений Бурятии, Монголии и КНР вновь поднять вопрос о пересмотре сложившихся границ в "треугольнике" - Российская Федерация, МНР и КНР (Автономный Район Внутренняя Монголия).

Поиск истины всегда лежит в анализе всего комплекса исторических событий, без отрыва того или иного факта. Монгольская проблема была многообразней и шире известной в историографии схемы: Ялта - Советско-китайский договор от 14 августа 1945 г. - Плебисцит в МНР - признание Китаем независимости МНР 5 января 1946 г. Она предполагает анализ прежде всего позиций СССР и Китая по монгольскому вопросу накануне и в годы второй мировой войны, освещение эволюции советской внешней политики в отношении МНР - от "двойственности" в 20-е гг. к однозначно жесткой поддержке МНР в 30-е гг., перешедшей далее в ялтинский процесс.

*

*

*

Традиционный для русско-китайских отношений монгольский вопрос после 1917 г. стал составной частью советско-китайских отношений, острота которого была усилена Монгольской Народной революцией 1921 г., вводом советских войск на территорию Внешней Монголии и другими событиями.

По советско-китайскому соглашению от 31 мая 1924 г. Внешняя Монголия признавалась частью Китая (ст. 5). Несмотря на формальный характер данного пункта, монгольский вопрос в международно-правовом отношении приобрел двойственный характер и надолго стал предметом споров и противоречий в последующих советско-китайских отношениях.

Китайская революция 1925-1927 гг. не сняла с повестки дня этот вопрос, поставив его в новую плоскость - возможность объединения монгольского народа в той или иной форме. Однако ход событий в Китае к концу 1927 г. продиктовал необходимость сохранения "двух" Монголий - МНР под влиянием СССР и Внутренней Монголии в составе Китая.

Поражение китайской революции и последующие события - конфликт на КВЖД, разрыв советско-китайских отношений, укрепление Японии в Маньчжурии и др. - привели к формированию в высших кругах советского руководства новой стратегии, в которой МНР отводилась роль "буфера" в надвигающемся конфликте с Японией - более серьезным и опасным противником, чем разрозненные китайские режимы.

Теория и практика панмонголизма, возрожденная "революционной дипломатией", после 1927 г. отходит на второй план, уступая место политике изоляции МНР от Внутренней Монголии. Однако, как конечная цель, идея объединения всех монгольских племен не оставляла монгольских руководителей в тот период.

К середине 30-х гг. происходит окончательное оформление сталинской политики в Монголии, когда поражение идеалов мировой революции, осознание советским руководством перспективы длительного существования СССР в капиталистическом окружении, усиление агрессии Японии в Китае (образование Маньчжоу-го в 1932 г.) выдвинули на первый план такие задачи государственной безопасности, как: 1) превращение МНР в полноценного союзника (военно-экономический аспект); 2) развитие монгольской государственности советского типа (укрепление роли МНРП, уничтожение политической оппозиции, формирование монгольской тоталитарной модели - культ Чойбалсана); 3) оформление международно-правового статуса Монголии.

Последняя задача была наиболее сложной, так как ее решение наталкивалось на позицию Китая, рассматривавшего МНР, как часть своей территории и постоянно ссылавшегося на соглашение 1924 г. Так, в связи с подписанием СССР и МНР протокола о взаимопомощи от 12 марта 1936 г., МИД Китая в ноте от 7 апреля 1936 г. заявил советскому правительству решительный протест. В ноте, в частности, говорилось: "Поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие-либо договора или соглашения. Поэтому я (министр иностранных дел. - С.Л.) обязан заявить Вашему правительству, что Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол и никоим образом им не связано."

В ответной ноте от 8 апреля 1936 г. народный комиссар по иностранным делам М.М.Литвинов заявил: "Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. СССР, подписывая протокол о взаимной помощи, исходил из того, что заключенное в Пекине советско-

китайское соглашение 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу. Советское правительство настоящим вновь подтверждает, что означенное соглашение, поскольку это относится к Советскому Союзу, сохраняет свою силу и в дальнейшем."²

Подтвердив действие советско-китайского соглашения 1924 г., М.М.Литвинов тем самым подчеркнул неопределенность и двойственность положения МНР.* С другой стороны, обмен нотами, по сути, не мог изменить реальную ситуацию, сложившуюся вокруг МНР. А ситуация была такова, что МНР, формально входя в состав Китая, фактически существовала с 1921 г. независимо от него. Причем сам Китай с 30-х гг. в условиях японской агрессии, не мог да и не хотел реально защищать МНР, как часть "своей" территории. Эту дипломатическую игру СССР и Китай продолжали вести, так как она позволяла Китаю "сохранить лицо", надеясь на изменение ситуации в будущем, а Москве решать свои задачи в Монголии, что дальше протестов Нанкин не пойдет.

Отношение монгольского руководства к этим "играм" было резко отрицательным. В 1936 г. председатель Малого Хурала А.Амор в ноте, представленной советскому послу в Улан-Баторе Таирову, официально заявил: "Несмотря на то, что в договоре..., заключенном между Советским Союзом и Китаем в 1924 г. имеется статья, связанная с Монголией, этот договор касается договоренностей между СССР и Китаем, и МНР никогда не сможет признать его... Поэтому, если в дальнейшем со стороны какого-либо государства возникнет какой-нибудь вопрос, связанный с данным договором, она оставляет за собой право не признавать его."³

Следующее выступление китайского правительства по вопросу о суверенитете МНР приходится на апрель 1941 г., на период после подписания между СССР и Японией известного пакта о нейтралитете и декларации к этому пакту о взаимном уважении, территориальной целостности и неприкосновенности границ МНР и Маньчжоу-го.

15 апреля 1941 г. за подписью министра иностранных дел Китая было опубликовано следующее официальное заявление: "Неоспоримым фактом является то, что 4 Северо-Восточные провинции и Внешняя Монголия являются частью Китая и всегда остаются китайской территорией. Китайское правительство и народ не могут признать любые обязательства третьих держав, которые нарушают территориальную целостность Китая. Поэтому, Китайское правительство и народ решительно заявляют, что советско-японское объединенное заявление ни в коей мере не связывают Китай."⁴

После нападения Германии на СССР правительство Чан Кайши, учитывая тяжелое положение Советского Союза на фронте, стало готовиться к тому, чтобы реально покончить с существованием МНР. В январе 1942 г. в плане оперативного управления при военном комитете Китайской Республики предусматривалось, что независимость МНР должна быть ли-

* В 1991 г. монгольский посол в Москве Н.Мишигдорж в интервью корр. газеты "Известия", характеризуя ноту 1936 г. М.Литвинова китайскому МИД, сказал, что "даже сегодня нам трудно объяснить такую позицию советского руководства того времени... советская сторона могла бы по-иному реагировать на китайские протесты." ("Известия", 4 ноября 1991 г.). Комментируя данное высказывание, необходимо заметить, что советское руководство объективно не могло иначе реагировать, так как в 1936 г. у Советского Союза не было той поддержки союзников, которую он имел в 1945 г., к тому же перед советской дипломатией стояли серьезные задачи в самом Китае - создание единого антияпонского национального фронта.

квидирована в ближайшее время и Внешней Монголии предоставлена широкая автономия в составе Китая. Лично сам президент по поводу Монголии высказывался еще более определенно. В 1943 г. в своей книге "Судьбы Китая" Чан Кайши пишет: "Внешняя Монголия относится к районам, которые представляют собой важные для защиты национального существования Китая форпосты и отторжение ее от Китая равносильно ликвидации государственной обороны Китая."⁵

В марте 1944 г. китайское правительство отдало приказ своим войскам в Синьцзяне обстрелять казахов-беженцев на территории МНР. Советский посол в Китае А.С.Панюшкин 31 марта 1944 г. сделал по этому поводу представление китайскому МИД, заявив, что "если подобные нарушения границ МНР со стороны синьцзянских войск будут иметь место и впредь, то советское правительство в силу протокола от 12 марта 1936 г. будет вынуждено оказать МНР необходимую помощь."⁶ В ответ на это, МИД Китая 3 апреля 1944 г. заявил советскому послу, что "не подлежит сомнению, что Внешняя Монголия является частью территории Китая, поэтому протокол 12 марта 1936 г. по отношению к Китаю не может иметь силы."⁷ В июле 1944 г. в Улан-Батор с шестидневным визитом прибыл вице-президент США - Генри Уоллес, обсудивший с монгольским руководством и советскими представителями проблемы монголо-китайских отношений и международного признания МНР.

Протест СССР в связи с казахским инцидентом был симптоматичен. До этого Москва только в отношении Японии применяла на практике советско-монгольский протокол 1936 г. (Халхин-гол), ограничиваясь в контактах с Китаем формальным подтверждением советско-китайского соглашения 1924 г. Угроза применить силу в отношении Китая при защите МНР, а также визит в Монголию американского представителя говорили о наступлении новой фазы в монгольском вопросе. Советское руководство приходило к убеждению, что настало время кардинального изменения ситуации, сложившейся вокруг МНР, что необходимо наконец-то разрешить противоречие между реальным положением МНР и ее формальным положением "части" Китая. В основе такой эволюции лежал прежде всего возросший авторитет и сила СССР за годы второй мировой войны, а также поддержка союзников в связи с той ролью, которую должен был сыграть Советский Союз в деле разгрома Японии.

Впервые на уровне глав Великих Держав монгольский вопрос был поднят на Каирской конференции союзников в ноябре 1943 г. Чан Кайши предложил президенту США Рузвельту поддержать идею "включения... территории МНР" в состав Китая, на что получил от Рузвельта ответ, что данную проблему "необходимо обсудить... путем переговоров с СССР."⁸

Второй и основной этап решения монгольского вопроса на уровне союзников приходится на весну 1945 г. - период подготовки и проведения Крымской (Ялтинской) конференции руководителей СССР, США и Великобритании 4-11 февраля 1945 г.

8 февраля в ходе беседы И.Сталин спросил Ф.Рузвельта, что тот "думает о сохранении статус-кво во Внешней Монголии." Рузвельт ответил, "что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво во Внешней Монголии должно быть сохранено."⁹ Характерно, что и Рузвельт, и другие руководители держав, однозначно трактовали "статус-кво" Монголии, как реально существующее "самостоятельное государственное образование", находящееся под влиянием СССР, но не как часть Китая.¹⁰

11 февраля 1945 г. было подписано соглашение руководителей СССР, США и Великобритании об условиях вступления СССР в войну с Японией, первым из которых было "сохранение статус-кво Внешней Монголии (МНР)"

“Предлагается, - говорилось далее, - что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железной дороги потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В.Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие. Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от Японского империализма.”¹¹

В развитие ялтинских договоренностей 30 июня 1945 г. в Москву прибыла китайская правительственная делегация во главе с премьер-министром и министром иностранных дел Сун Цзывэнем. Монгольский вопрос был одним из центральных на переговорах. Для китайской стороны это был последний шанс решить его на высшем уровне в свою пользу и, тем самым, частично пересмотреть Крымское соглашение. Однако все попытки китайцев поставить вопрос о включении МНР в состав Китая, были разбиты заявлением И.В.Сталина о том, что “в случае, если не будет обсуждаться декларация о независимости Внешней Монголии, то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервем переговоры.”¹² Советское руководство однозначно дало понять китайским представителям, что СССР не вступит в войну против Японии без признания Китаем независимости МНР. В результате китайская сторона уступила и переговоры сдвинулись с мертвой точки.

Параллельно ходу советско-китайских переговоров советское правительство пригласило в Москву премьер-министра и маршала МНР Х.Чойбалсана. Он прибыл 4 июля 1945 г., а уже 5 июля состоялась его встреча в Кремле со Сталиным. Основной вопрос, обсуждавшийся в ходе беседы, - советско-китайские переговоры и вступление СССР и МНР в войну с Японией. Судя по документам, Сталин был предельно откровенным. Чойбалсану был зачитан совместный проект СССР и Китая о признании МНР независимым государством и другие документы. Выслушав проект, Х.Чойбалсан сказал: “Да, это то, что мы хотим, но дружбы и дружественного сотрудничества с китайцами у нас не будет. Это очень, очень плохой народ... Они продолжают притеснять монгол во Внутренней Монголии, Алашане, Ордосе. Я хорошо понял смысл декларации. Мы, как независимое государство, предьявим свой счет китайцам. Мы расскажем всему миру, как они издевались над нами, как они продолжают издеваться над монголами, которые остались у них.”¹³ Судя по реакции Чойбалсана, можно было бы предположить, что МНР собирается воевать с Китаем, а не освобождать ее от Японии.

6 июля в беседе с советским послом Ивановым на одной из подмосковных дач, обмениваясь впечатлениями от встречи со Сталиным, Чойбалсан снова повторил сюжет “о притеснениях ...во Внутренней Монголии.”¹⁴

В действиях Х.Чойбалсана явно просматривалось желание получить в Москве хотя бы намек на положительное решение вопроса о Внутренней Монголии, то есть ее присоединение в будущем к МНР, после ее освобождения советско-монгольскими войсками. Однако, подобных заявлений ни со стороны Сталина, ни со стороны других советских руководителей Чойбалсан не услышал.

7 июля 1945 г. в честь маршала Х.Чойбалсана в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца был дан обед, на котором с советской стороны присутствовали - И.В.Сталин, В.М.Молотов, А.И.Микоян, Л.П.Берия, Г.М.Маленков, Л.М.Каганович и другие, всего 27 человек. С монгольской - Х.Чойбалсан, посол Самбу, секретарь ЦК МНРП Б.Ширендыб, секретарь миссии Идамжаб и переводчик Ильин. На обеде И.Сталин произнес тост, который

без сомнения с замиранием сердца слушал Чойбалсан. Сталин сказал: "Одно время среди монголов были крупные разногласия по вопросу о том, с каким государством им поддерживать дружбу, с Японией или с Советским Союзом. Многие монголы, например Дэ-ван*, высказывались за дружбу с Японией. Я поднимаю бокал за тех руководителей Монголии, которые поняли и правильно решили, что Монголии нужно поддерживать дружбу с Советским Союзом. Эти люди сейчас стоят во главе независимой МНР, а те, кто выступал за союз с Японией, находятся под пятой маньчжур и японцев. За руководителей Монголии, за ее независимость!"¹⁵

После отъезда Чойбалсана и объявления Советским Союзом (8 августа) и МНР (10 августа) войны Японии, успешно завершились советско-китайские переговоры. 14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем и состоялся обмен нотами между МИД Китая и СССР по вопросу о государственной независимости МНР. Нота министра иностранных дел Китая гласила: "Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости, Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах."¹⁶ В советской ноте, в частности, говорилось, что советское правительство "будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии)."¹⁷

Тексты нот, переданные в Улан-Батор, вызвали у Х.Чойбалсана и других монгольских руководителей большое разочарование. "Это разочарование, - сообщил из МНР посол Иванов заместителю наркома С.А.Лозовскому, - вытекало из убеждения Чойбалсана и руководящего актива МНР в том, что участие МНР в войне с Японией приведет к воссоединению с МНР Внутренней Монголии и Барги."¹⁸ Подтверждением таких настроений явилось, также, обращение Х.Чойбалсана и секретаря ЦК МНРП Янжимы (вдовы Сухэ-Батора) к послу Иванову и советнику при ЦК МНРП Приходову с разъяснениями по поводу советской и китайской нот. Они пытались обратить внимание советских представителей на определенное расхождение в нотах. Последнее, по их мнению, заключалось в том, что китайский МИД в своей ноте говорит о "существующих границах МНР", а советское о "территориальной целостности МНР" без указания границ, тем самым давая небольшую надежду монголам на скрытую поддержку Советским Союзом их притязаний на Внутреннюю Монголию.

Советский представитель, проведя разъяснительные беседы с монгольским руководством, тем не менее не развеял этих иллюзий, заявив, что "разрешение вопроса о границах МНР с Китаем в соответствии с нотами ...должно (быть. - С.Л.) воспринято, как необходимая, но временная ступень."¹⁹ Одновременно, Иванов сообщил в Москву, что вопрос "о желаемых границах...монголы продолжают держать у себя в уме."²⁰

Активно разворачивающиеся боевые действия советско-монгольских войск во Внутренней Монголии, ускорили там политические процессы. 18 августа 1945 г. была легализована деятельность ЦК Монгольской Революцион-

* Дэ-ван (1902-1967) - Дэмчиг Донров, князь Внутренней Монголии, руководитель антикитайского освободительного движения, до середины 30-х гг. выступал против Японии, в сентябре 1939 г. создал в г.Калгане при поддержке японцев Автономное правительство Внутренней Монголии.

ной партии Внутренней Монголии, организовавшей совещание в г.Ванъемяо. Совещание приняло Декларацию, в которой говорилось "о необходимости объединения Внутренней Монголии и МНР."²¹ Одновременно, в Москве монгольский посол Самбу, ссылаясь на донесения из Внутренней Монголии, информировал советское руководство о том, что многие сеймы Внутренней Монголии направляют петиции монгольскому военному командованию с просьбами о включении их в состав МНР.²²

В августе 1945 г. во Внутреннюю Монголию прибыли представители правительства МНР, изложившие официальное обращение к народу Внутренней Монголии. В обращении, в частности, говорилось: "Мы освободили вас от Японии - вашего самого опасного врага. Самым важным для вас теперь является борьба за свободу, защита национальных прав... Однако все это само в руки не придет. Все зависит от вас! на какое государство опереться, какое правительство создать, на чью помощь ориентироваться."²³ Обтекаемый характер заявления объяснялся сдержанной позицией Москвы по вопросу территориального "расширения" МНР, а также возможным влиянием КПК на Улан-Батор, отрицательно относившейся к отделению Внутренней Монголии от Китая.

10 сентября 1945 г. в Силингольском сейме Внутренней Монголии был созван съезд князей, чиновников и аратов, на котором разгорелась острая борьба по вопросу будущего статуса Внутренней Монголии. Обозначилось три варианта: 1) автономия в составе Китая; 2) объединение с МНР; 3) самостоятельное и независимое государство. Возобладала последняя точка зрения и на съезде было сформировано правительство во главе с Буян-Далаем (член ЦК НРП ВМ), в правительство вошли министры-монголы из бывшего Автономного правительства Дэ-вана (Дэмчиг Донрова), была принята Конституция. Съезд обратился к МНР, СССР и Китайской Республике с декларацией о провозглашении независимости Народной Республики Внутренней Монголии.²⁴ К сожалению, автор не располагает новыми документами по вопросу советско-монгольских и советско-китайских отношений в связи с данным событием, это предмет дальнейших исследований, но, несомненно, что провозглашение независимости Внутренней Монголии и сведение ее в дальнейшем до уровня автономии (1947) явилось результатом острой политической борьбы различных сил, отражавших интересы СССР, Гоминьдановского Китая, КПК, руководства МНР и собственно национальных сил Внутренней Монголии. События 1945-1947 гг. во Внутренней Монголии как в зеркале отразили и традиционные проблемы - панмонголизм, антикитайские настроения и пр., и новые тенденции - возрастающую роль КПК в этом регионе, влияние СССР и т.д.

Плебисцит в МНР, проведенный 20 октября 1945 г., подтвердил желание монгольского народа существовать независимо от Китая. В советской и монгольской литературе данный сюжет получил в свое время несколько одностороннее освещение. Соглашаясь с тем, что идея независимости МНР получила всенародную поддержку и выразилась в единогласном голосовании, необходимо отметить, что монгольское общественное мнение было более многообразно по вопросу о взаимоотношениях с Китаем и СССР, чем это представлялось в традиционной историографии. Как свидетельствуют новые архивные документы, часть населения в ходе опроса высказывала недоумение по поводу проведения плебисцита, заявляя, что "Монголия уже является фактически независимой в течение 25 лет и нет необходимости считаться с претензиями китайцев." Другие говорили, что "Монголия, как слабая и отсталая страна, вообще не сможет существовать самостоятельно без опоры на более сильное государство, что монголам надо выбирать между Китаем и СССР." Часть на-

селения считало, что плебисцит должен решить вопрос "не о независимости Монголии в существующих границах, а о воссоединении Внутренней Монголии и Барги с МНР."²⁵ В отдельных сомонах имелись даже высказывания о том, "что плебисцит проводится по инициативе СССР с целью последующего захвата Монголии и включения ее в состав СССР."²⁶ Все это отражало многообразие и сложность социальной палитры мнений монгольского народа, что было вызвано в общественном сознании стремлением к монгольскому единению, независимости, традиционные антикитайские настроения дополнили новые, антирусские (антисоветские), возникшие на волне массовых репрессий ламства и монгольской интеллигенции в 30-е гг.

12 ноября 1945 г. протокол Центральной Комиссии по проведению плебисцита был утвержден Президиумом Малого Хурала. Советскому и китайскому правительствам были направлены соответствующие ноты об итогах голосования. 5 января 1946 г. правительство Китайской Республики, ознакомившись с итогами плебисцита, официально признало независимость МНР.²⁷ Характерно, что Х.Чойбалсан при составлении ноты Китаю по итогам плебисцита, пытался внести в нее абзац из советской ноты Китаю от 14 августа 1945 г. об "уважении территориальной целостности МНР" без указания существующих границ. В беседе с послом Ивановым Чойбалсан сказал, что "это, по его мнению, должно дать понять Китайскому правительству, что вопрос о существующих границах МНР подлежит еще обсуждению, так как эти границы не включают в себя всей действительной территории Монголии."²⁸ Советский же представитель, следуя инструкциям Москвы, настоял на обычной редакции, без панмонголистского подтекста.

Таким образом, монгольский вопрос в течение 1945 - начала 1946 гг. был решен во всей его полноте. Резюмируя вышеизложенное, следует сделать ряд следующих обобщений:

- МНР до 1945 г. находилась в двойственном международно-правовом положении. С одной стороны, она являлась несомненным субъектом в рамках двусторонних советско-монгольских отношений и была связана с Москвой серией договоров и соглашений. С другой, с 1924 г. она юридически существовала как "часть" Китая. Причем СССР вынужден был официально подтвердить это положение в 30-е - начале 40-х годов;

- советско-китайские отношения, связанные с монгольской проблемой, прошли в 1930-1945 гг. серьезную эволюцию: от мирного "противостояния" в рамках соглашения 1924 г., до активного дипломатического наступления СССР в годы второй мировой войны, как на уровне двусторонних советско-китайских отношений, так и на уровне союзных держав. Эволюция эта была закономерным явлением и отражала кардинальное изменение роли СССР в мире и на Дальнем Востоке, в частности;

- МНР в 1920-1945 гг. развивалась как национальное государство, независимое от Китая. СССР, проводя в отношении МНР жесткую блоковую и идеологическую политику, объективно способствовал сохранению монгольской государственности. Это отвечало, в свою очередь, интересам МНР, так как альтернативы - союз с Китаем или Японией - предполагали обязательное уничтожение МНР и превращение ее в колонию (японский вариант) или автономную провинцию (китайский);

- решение международно-правового вопроса о статусе МНР и другие события создали некоторую возможность присоединения Внутренней Монголии к МНР. Однако ялтинские договоренности Союзников о "статус-кво" МНР, а не Внутренней Монголии, а также отрицательная позиция Москвы, связанная с опасностью возрождения панмонголизма, не позволили в 1945 г.

монгольскому руководству во главе с Х.Чойбалсаном реализовать планы в отношении этого региона. Последний, несмотря на этническую общность с МНР, экономически и политически к 1945 г. являлся частью Китая.

1. Архив Внешней Политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.Секретариат Молотова, оп. 7; порт. 557, пап. 38, д. МНР-020, л. 12. (АВП РФ).
2. АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп. 7, порт. 557, пап. 38, д. 020-МНР, л. 12-13.
3. Цит. по: Т.Лхагваа. Что же думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С. 84.
4. АВП РФ, ф. Секретариат Молотова, оп. 7, порт. 557, пап. 38, д. МНР-020, л. 14.
5. Там же, л. 15.
6. Там же, л. 14.
7. Там же, л. 14-15.
8. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The conferences at Cairo and Teheran. 1943. - Wash., 1961. - 325-326, 367. (Далее: FRUS).
9. СССР на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании. 4-11 февраля 1945 г.: Сборник документов. - М., 1984. - Т. IV. - С. 130.
10. FRUS. Diplomatic Papers. Conf. of Berlin. - Wash., 1960. - Vol. II. - P. 1587; Truman H. The Year of Decision. N-Y., 1955. - P. 317.
11. СССР на международных конференциях... - С. 254-255.
12. Цит. по: Лхагваа Т. Ук. соч. // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С. 85.
13. АВП РФ. Ф. Секретариат Молотова, оп. 7, пор. 560, пап. 38, д. 110, л. 7.
14. Там же, л. 6-7.
15. Там же, л. 10.
16. Цит. по: М.С.Капица, В.И.Иваненко. Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). - М., 1965. - С. 145.
17. Там же.
18. АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 27, инд. 2, инв. 1017, пап. 193, д. 003, л. 15.
19. Там же, л. 15-16.
20. Там же, л. 16.
21. С.Д.Далыков. Демократическое движение монгольского народа в Китае. - М., 1953. - С. 63-64.
22. АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 27, инд. 4, инв. 1019, пап. 193, д. 031, л. 37.
23. Цит. по: Автономный Район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. - М., 1980. - С. 42.
24. Там же.
25. Об итогах плебисцита. Сов. сек. донесение Иванова Лозовскому // АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 27, инд. 2, инв. 1017, пап. 193, д. 003, л. 18.
26. Там же, л. 18-19.
27. История советско-монгольских отношений. - М., 1981. - С. 143.
28. АВП РФ. Ф. Референтура по Монголии, оп. 27, инд. 2, инв. 1017, пап. 193, д. 003, л. 16.

Окончание второй мировой войны и Корея

© 1995

Ю.Ванин

Для Кореи разгром империалистической Японии и окончание второй мировой войны - исторические события двойственного значения. С одной стороны, и это главное, поражение Японии знаменовало конец ненавистного корейскому народу колониального гнета и потому август 1945 г. - время всеобщего ликования по случаю изгнания из Кореи японских поработителей и обретения корейцами долгожданной свободы и независимости. Но, с другой, - это "праздник со слезами на глазах", поскольку от августа 1945 г. берет начало постигшая корейский народ национальная трагедия: раскол Кореи, жесточайшая война 1950-1953 гг., едва не переросшая в третью мировую, продолжающееся и в наше время конфронтационное существование двух корейских государств.

Полувековой юбилей окончания второй мировой войны и освобождения Кореи - хороший повод вернуться к истокам тех противоречивых процессов, которые во многом определили дальнейшие судьбы корейского народа. В августе 1910 г. Корея была аннексирована Японией, а в августе 1945 г. избавлена от колониального ига. Между двумя августами пролегли 35 лет непрерывной освободительной борьбы корейского народа. Ярчайшими ее эпизодами были Первомартовское народное восстание 1919 г., массовая антияпонская демонстрация в Сеуле в июне 1926 г., движение учащейся молодежи Кванджу и Вонсанская всеобщая забастовка 1929 г. Ежегодно в Корее происходили десятки политических судебных процессов, газеты сообщали о подпольных организациях, массовых арестах патриотов, жестоких репрессиях властей.

Задавленное в самой Корее, вооруженное сопротивление японским колонизаторам переместилось за пределы страны, в прилегающие к границам Кореи районы Маньчжурии. Отсюда совершались дерзкие набеги на японские гарнизоны в Корею. Боевые действия корейских партизан значительно активизировались после захвата Японией Маньчжурии в 1931 г. Их отряды стали составной частью антияпонских вооруженных сил Китая и сражались вместе с ними против общего врага, сохраняя при этом определенную автономию и преследуя собственную конечную цель - освобождение своей родины. С началом Японией военных действий в Центральном Китае в 1937 г. тысячи находившихся там корейцев ради той же цели вступили в местные национально-освободительные военные формирования и мужественно воевали многие годы.

В нашей литературе корейское освободительное движение 20-30-х гг. получило широкое, но весьма одностороннее освещение. Как правило, предпочтение отдавалось тем его аспектам, которые были связаны с деятельностью коммунистов. Националистический поток движения замалчивался или получал только негативные характеристики. Такой подход диктовался известными идеологическими причинами и пора признать его научную необъективность. Не умаляя роли коммунистов, надо отметить вклад в общую борьбу и националистических сил. К примеру, созданные ими отряды "Армии независимости" ("Тоннипкун") и военные школы действовали задолго до появления отрядов Ким Ир Сена и других командиров-коммунистов и составляли затем существенную часть антияпонского вооруженного сопротивления.

Националистические организации в Корее в большинстве своем стремились к поддержке и сплочению патриотов, повышению национального самосознания народа, отказываясь от чрезмерного радикализма, за что у нас их прежде осуждали. Соответствующую работу доступными им методами вели эмигрантские организации, в частности, группировавшиеся вокруг находившегося в Китае Временного корейского правительства во главе с Ким Гу, действовавшие в США под руководством Ли Сын Мана и др. К сожалению, деятельность корейской эмиграции в СССР, ее весьма активные связи с освободительным движением в Корее были нарушены насильственной депортацией корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан в 1937 г.

Не вдаваясь в детальную характеристику корейского освободительного движения, отметим его крупнейший недостаток - разобщенность участвовавших в нем патриотических сил. Особенно это касается коммунистов и националистов, не желавших искать пути взаимопонимания и сотрудничества, подвергавших друг друга безжалостным и не всегда справедливым нападениям. Тем самым ослаблен общий потенциал сопротивления на радость японским властям. Свою лепту в это внес Коминтерн, навязавший корейским коммунистам сектантский курс в конце 20 - начале 30-х гг., преодолеть который так и не удалось. Вина лежит также на националистических деятелях, не сумевших подняться выше идеологических антипатий. Вражда между коммунистами и националистами резко снижала эффективность борьбы против колонизаторов и во многом предопределила трудности, постигшие Корею после освобождения.

С конца 30-х гг., готовясь к полномасштабному участию во второй мировой войне, Япония приняла дополнительные меры к укреплению колониального тыла. Следствием ужесточения военно-полицейского режима в Корее стал разгром нелегальных и полулегальных патриотических организаций, большинство коммунистов и левых националистов оказались в тюрьмах или укрылись в глубоком подполье. Часть правых националистических лидеров, выражая интересы сомкнувшейся с колонизаторами корейской компрадорской буржуазии, отказались от противодействия властям и даже поддержали их военные усилия. Забастовки, арендные конфликты, другие выступления национального и социального протеста строго преследовались. Против партизан были брошены регулярные войска, в результате часть их была рассеяна, а отряды Ким Ир Сена и некоторых других командиров в 1942 г. были вытеснены на территорию СССР и находились там до сентября 1945 г. Сопротивление корейцев колонизаторам в 40-е гг. в основном проявлялись в отдельных акциях саботажа и

диверсий, уклонении молодежи от службы в японской армии и трудовой мобилизации, распространении антивоенных пропагандистских материалов.

Мы напомнили выше некоторые обстоятельства прошлого Кореи, свидетельствующие о самоотверженной освободительной борьбе ее народа, не прекращавшейся даже в тяжелейших условиях второй мировой войны. Но господствовавшая в Корее японская колониальная система была очень сильна, обладала большим запасом прочности, и потому корейскому народу не удалось к середине 40-х гг. собственными силами изгнать угнетателей. Задача его национального освобождения была решена одновременно с разгромом Японии на заключительном этапе второй мировой войны.

*

*

*

Военные действия на Корейском полуострове были частью боевых операций Советских Вооруженных Сил против крупнейшей сухопутной группировки Японии - Квантунской армии и местных марионеточных воинских формирований. Уже давно делаются попытки принизить освободительную миссию Советской армии в Корее или вовсе замолчать ее, приписав все заслуги некоей мифической армии. Правда истории такова, что непосредственно в освобождении Кореи участвовала только Советская армия и, кроме нее, здесь не было тогда никакой другой: ни корейской, ни американской.

38-я параллель по согласованию союзников считалась линией разграничения действий советских и американских войск. В конце августа - начале сентября наши войска вышли к условному рубежу, принимая в пути следования сдачу в плен войск противника со всем их вооружением и имуществом. Поскольку прибытие американских войск задерживалось (они высадились на юге Кореи лишь 8 сентября), Советская армия приняла также капитуляцию части японских войск южнее 38-й параллели.

Всюду, где появлялись советские войска, корейское население встречало их как братьев-освободителей. В районах боевых действий местные жители оказывали им всю возможную помощь. В Сеуле, других городах южнее 38-й параллели ждали прихода Советской армии, проводили в ее честь торжественные митинги и манифестации. Боясь восстаний, японская администрация искала там сотрудничества с вышедшими из подполья деятелями освободительного движения.

Советский народ заплатил за освобождение Кореи высокую цену: наши потери убитыми и ранеными составили здесь 1963 человека.¹ Как и на протяжении всей Великой Отечественной войны, в боях на корейской земле советские воины вновь продемонстрировали мужество и отвагу. За это 38 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 15 тысяч награждены орденами и медалями.²

*

*

*

Едва завершившись, вторая мировая война перешла в "холодную войну", одним из главных объектов которой стала Корея. СССР и США преследовали в Корее собственные политические и стратегические цели, исходили из своих представлений о принципах и методах решения проблем этой страны, не учитывая общих национальных интересов корейского народа. Каждая из великих держав создала себе в Корее опору из близких ей по ориентации местных политических сил, которые внесли свой "вклад" в раскол Кореи.

Начало расчленению Кореи положило установление по 38-й параллели разграничительной линии между советскими и американскими войсками. Предложение об этом внесли США в середине августа 1945 г., обеспокоенные тем, что их войска были еще далеко от Кореи (на Окинаве и Филиппинах), а Советская Армия двигалась по корейской земле и могла овладеть всем полуостровом, особенно после объявления Японии о капитуляции³. До сих пор ученые гадают о причинах быстрого согласия советского руководства с этим предложением, оставлявшим южную часть Кореи еще не прибывшим американцам. Возможно, это делалось в надежде на получение взамен Советским Союзом соответствующей доли в оккупации Японии.

Разграничительная линия по 38-й параллели первоначально предусматривалась лишь для определения зон ответственности СССР и США за прием капитуляции японских войск. Однако очень скоро эти зоны превратились в зоны оккупации, а 38-я параллель стала охраняемой границей между ними. Установить хронологически точно, когда это произошло, довольно трудно, но ясно, что уже с конца 1945 г. граница по 38-й параллели становилась все менее прозрачной для корейцев. Рушились хозяйственные, культурные, семейные связи населения двух частей Кореи, что происходило крайне болезненно и делало 38-ю параллель постоянным источником конфликтных ситуаций.

Будущее освобожденной Кореи рассматривалось в декабре 1945 г. на совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве. Напомним, что центральным пунктом принятого тогда решения была американская идея об организации опеки над Кореей четырех держав (СССР, США, Великобритании и Китая) с целью содействия "политическому, экономическому и социальному прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи."⁴ Совместная советско-американская комиссия, создаваемая по данному постановлению, должна была, консультируясь с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, содействовать образованию Временного корейского правительства и затем вместе с ним подготовить правительствам четырех держав предложения о конкретном содержании опеки.

Сейчас, по прошествии полувека, есть все основания утверждать, что изложенное выше постановление московского совещания было серьезной ошибкой, тяжело отразившейся на последующем развитии Кореи. Не принималось в расчет, что Корея - древняя страна с многовековой традицией собственной государственности, что после многолетнего колониального унижения национальные чувства корейцев обострены и они негативно отнесутся к любому иностранному покровительству, даже исходящему из благих побуждений. Освобожденная Корея стремилась к скорейшему возрождению своего государства, обеспечению его суверенитета и независимости, а ей отказывали в этом, отодвигали на несколько лет заветную цель и ставили ее осуществление под иностранный контроль. Решения Московского совещания вызвали раскол в Корее, неизмеримо усилив давние противоречия коммунистов и националистов.

В Южной Корее отношение к этим решениям разделило общество на "левых" и "правых". К "левым" принадлежали коммунисты (лидер Пак Хен Ен) и близкая к ним часть националистов (Йо Ун Хен), поддерживавшие идею опеки и настаивавшие на ее реализации хотя бы потому, что она выдвинута державами-освободителями. "Правые", во главе с Ли Сын

Маном и Ким Гу, категорически отвергали опеку, трактуя ее как новый протекторат над Кореей, и требовали немедленного предоставления ей независимости. "Левых" они называли "национальными предателями", а "левые" их - "реакционерами", "консерваторами" и т.д. Никакой статистики, конечно, нет, но, судя по печати того времени, перевес в вопросе об опеке складывался в пользу "правых". Разногласия между "левыми" и "правыми" на Юге сразу же приняли самые острые формы: от словесных выпадов на митингах и в прессе до взаимных погромов помещений, избий активистов, террористических актов. При содействии американских властей была сделана попытка смягчить вражду противоборствующих сил, найти какой-то центристский подход к сложнейшей национальной проблеме. Но созданный с этой целью Комитет по примирению "левых" и "правых" под руководством Йо Ун Хена и Ким Гю Сика подвергся нападкам за "оппортунизм" и слева, и справа, и не сумел пригасить растущий накал политических страстей, в центре которых был вопрос об опеке.

В Северной Корее ситуация была менее острой, но тоже весьма напряженной. Советское командование первое время стремилось к взаимодействию коммунистов и националистов, добиваясь их паритета в нарождавшихся органах самоуправления - народных комитетах. Руководившее их деятельностью Административное бюро пяти провинций возглавлял Чо Ман Сик - лидер местных националистов. Успешно начатое сотрудничество нарушили решения Московского совещания. Лидер коммунистов Ким Ир Сен сразу же поддержал их, но Чо Ман Сик отказался это сделать, солидаризировавшись с Ли Сын Маном и Ким Гу. За это он был подвергнут длительному домашнему аресту, а затем вообще исчез с политической арены. Попытки его сторонников организовать акции протеста были подавлены. Многие члены руководимой Чо Ман Сиком Демократической партии перебрались на Юг и образовали там такую же партию, вставшую на позиции правого экстремизма. Оставшаяся на севере часть Демократической партии в феврале 1946 г. избрала новое руководство, лояльное к Советскому командованию и коммунистам.

Московские решения и прежде всего вопрос об опеке углубили пропасть, возникшую на Корейском полуострове вдоль 38-й параллели. На Севере после устранения Чо Ман Сика и его окружения доминировали коммунисты, безусловно поддерживавшие эти решения. На Юге преобладали "правые", выступавшие столь же безусловно против. Их разногласия по поводу опеки перерастали в общие противоречия между Севером и Югом, становясь шире по содержанию и острее по характеру. Ни одна из сторон не соглашалась на взаимные контакты, необходимые для поиска компромисса, усугубляя тем самым опасное противостояние двух частей Кореи.

Вопрос об опеке над Кореей парадоксальным образом сказался на политике причастных к нему стран. США, инициатор этой идеи, сразу же почувствовали негативное отношение к ней многих корейцев и встали на путь лавирования: проявляли терпимость к ярким противникам Московских решений, убеждали их, что формы опеки будут установлены совместно с будущим Временным корейским правительством, что опека вообще не обязательна, и Корея, возможно, без нее обретет самостоятельность. Не отказываясь от Московских решений, они на деле отходили от них, сохраняя свой престиж на Юге.

Советский Союз, напротив, восприняв чужую идею, проводил ее в жизнь слишком энергично и прямолинейно. Отношение к Московским решениям стало для советской стороны критерием деления корейцев на

“друзей” и “врагов”, “прогрессивных” и “реакционных”. Негибкий подход к запутанной ситуации в Корее, отстаивание концепции, в которой сомневались сами ее авторы, неприятие возражений и колебаний давали повод для враждебных спекуляций и подрывали на Юге еще недавно очень высокое доверие к Советскому Союзу.

Согласно решениям Московского совещания министров иностранных дел, для решения срочных оперативных вопросов в Сеуле с 16 января по 5 февраля 1946 г. заседали представители командования советских и американских войск в Корее⁵. Участники встречи не пришли к соглашению по таким жизненно важным проблемам, как условия отпуска электроэнергии из Северной Кореи в Южную, обмен между двумя частями страны: продовольствием, сырьем, топливом, промышленным оборудованием и химическими продуктами; отложили (как оказалось, навсегда) вопросы об установлении единообразной финансовой системы для всей Кореи, телефонной и телеграфной связи между двумя зонами.

Удалось договориться о восстановлении железнодорожного и автомобильного сообщения, каботажного судоходства, почтовой связи, о распределении частот и радиоволн широкого радиовещания. Согласованы были также правила передвижения корейских граждан из одной зоны в другую, но советская сторона затем в одностороннем порядке ограничила круг лиц, которым разрешалось передвижение.

В Корее возлагались большие надежды на совещание военных представителей, прежде всего на ликвидацию им границы по 38-й параллели. Эти ожидания не оправдались. Совещание не только не упразднило границу, но, наоборот, укрепило ее, постановив расставить вдоль нее контрольные посты, а позднее была уточнена линия разграничения на местности, установлены пограничные столбы. Достигнутая на совещании договоренность о восстановлении транспортного сообщения между двумя зонами осталась на бумаге из-за того, что не были допущены товарообмен и поездки населения; к тому же основным транспортным узлом был Сеул и советская сторона опасалась перехода всей транспортной системы Кореи под контроль американцев⁶. Почтовая связь осуществлялась посредством периодических обменов накопленной корреспонденцией через Кэсон (он тогда входил в американскую зону): в течение 1946 г. произошло около 20 таких обменов⁷, потом и они постепенно пошли на убыль. Граница по 38-й параллели становилась глухой, неприступной стеной, расчленившей Корею вопреки протестам корейского народа.

Созданная по решению Московского совещания Совместная советско-американская комиссия по Корее заседала в Сеуле в марте-мае 1946 г. и мае-октябре 1947 г. Мы не будем касаться подробностей ее работы, хотя вопрос о ней освещался у нас весьма односторонне и нуждается в новом серьезном исследовании. Отметим лишь, что многие месяцы заседаний были потрачены впустую: комиссия увязла в спорах о том, какие партии и общественные организации следует считать демократическими и привлекать к консультациям при формировании Временного корейского правительства. Каждая сторона старалась продвинуть на консультации близкие ей партии и организации, опираясь все на тот же критерий: их отношение к Московским решениям и главным образом к вопросу об опеке. Поскольку всецело и безоговорочно поддерживали эти решения только коммунисты и левые националисты (за них ратовала советская делегация), получалось, что лишь они должны участвовать в консультациях. Но тогда не весь

спектр корейских политических сил был бы представлен на консультациях, и с этим категорически не согласилась американская делегация.

Работа совместной советско-американской комиссии по Корее завершилась безрезультатно, точнее - с отрицательным результатом. Прежде всего, с ее провалом фактически прекратилось советско-американское сотрудничество в Корее и их отношения здесь перешли в нарастающую конфронтацию. СССР отверг американскую идею нового обсуждения корейского вопроса четырьмя державами (СССР, США, Великобритания, Китай) и вместо этого в сентябре 1947 г. предложил одновременно вывести из Кореи иностранные войска, предоставив корейцам самим решать свои дела. В свою очередь США, отклонив советское предложение, передали корейский вопрос на рассмотрение ООН, которая, как известно, образовала в ноябре 1947 г. Временную комиссию по Корее для организации обще-корейских выборов. СССР и власти Северной Кореи не признали полномочия комиссии, не допустили ее на Север, и тогда ООН взяла курс на проведение сепаратных выборов в Южной Корее.

Деятельность Совместной советско-американской комиссии находилась в центре внимания корейской общественности. Каждое выступление делегаций, высказанные ими оценки и предложения горячо обсуждались в печати, на различных массовых мероприятиях. Главные страсти бушевали вокруг вопроса об опеке и связанного с ней отношения советской и американской делегаций к корейским политическим силам. Споры по этому поводу в комиссии получали многократно увеличенные отклики за ее пределами, усиливая борьбу между "левыми" и "правыми". Первые из них были на стороне советской делегации, вторые - американской.

Расхождения во взглядах привели к сформированию противоположных концепций сохранения единства Кореи. Коммунисты и их союзники на Севере, "левые" на Юге по-прежнему разделяли принципы, сформулированные Московским совещанием, и настаивали на создании единого правительства Кореи посредством всеобщих демократических выборов. "Правые" отказывались следовать дальше Московским решениям и требовали образования сепаратного правительства на Юге, которое, по их замыслу, должно было взять на себя объединения страны. Эту идею Ли Сын Ман пропагандировал во время длительного турне по США в конце 1946 - начале 1947 г.⁵ Естественно, что он и его сторонники восприняли с энтузиазмом линию США и ООН на сепаратные выборы в Южной Корее. Коммунисты и "левые" поддержали предложение СССР о выводе из Кореи иностранных войск, урегулировании самими корейцами своих проблем, и повели борьбу против сепаратистских планов своих противников.

*

*

*

Советские и американские войска, вступив соответственно в Северную и Южную Корею, должны были заниматься множеством вопросов жизнедеятельности закрепленных за ними зон. Такая задача стала тем более неизбежной, что "холодная война" обусловила их длительное пребывание на корейской земле. Возникла потребность в эффективных механизмах управления зонами, создание и работа которых были возможны лишь при активном участии местных политических сил. Вполне понятно, что в каждой из зон военные власти предпочитали опираться на тех, кто был им идеологически ближе.

В Северной Корее советское командование встретилось с уже народившимися органами местного самоуправления - народными комитетами. Сразу же признав их легитимность, оно установило с ними тесное сотрудничество. Созданная командованием Советская гражданская администрация, возглавляемая сначала А.А.Романенко, а затем Н.Г.Лебедевым, содействовала образованию новых народных комитетов всех уровней, направляла их деятельность. По мере укрепления народных комитетов, накопления ими знаний и опыта, им передавалось все больше самостоятельных функций. К концу 1945 г. в народных комитетах работало свыше 10 тыс. человек⁹. Принимались меры к тому, чтобы коммунисты потеснили первоначально преобладавших в них националистов. Необходимость общего руководства и координации работы народных комитетов привела к учреждению первого центрального органа власти в Северной Корее - Административного бюро пяти провинций с подчинением ему 10 департаментов по важнейшим отраслям экономики и культуры.

Устранение группировки Чо Ман Сика сделало коммунистов доминирующей силой на Севере. Они играли ведущую роль в новом центральном органе, сформированном в феврале 1946 г. - Временном народном комитете Северной Кореи (председатель Ким Ир Сен), полномочия которого были значительно расширены. Упрочению позиций новой власти способствовали проведенные в 1946 г. земельная реформа, национализация промышленности, другие демократические преобразования. Дальнейшими шагами в этом направлении стали выборы в народные комитеты (от волостных до провинциальных), состоявшиеся в конце 1946 г. - начале 1947 г. На их основе в феврале 1947 г. были образованы законодательный орган - Народное собрание (председатель Ким Ду Бон) и высший орган исполнительной власти - Народный комитет Северной Кореи во главе с Ким Ир Сенем.

В Южной Корее командование войск США сначала повело себя совершенно иначе. Довольно быстро оно прекратило там деятельность народных комитетов. Провозглашенная на их основе в Сеуле 6 сентября 1945 г., за два дня до прибытия американцев, Народная республика, а также вернувшееся затем из эмиграции Временное корейское правительство во главе с Ким Гу не получили признания военных властей и воспринимались ими как обычные политические организации. Правительственные функции на Юге полностью взяла на себя Американская военная администрация (АВА), представители которой управляли всеми делами на местах. Однако сама она долго справляться с бесчисленным количеством сложнейших проблем, конечно же, не могла. Возможно, к изменению ее политики подталкивало и то, что происходило тогда на Севере.

Как бы то ни было, с санкции американских властей в феврале 1946 г. в Сеуле собралось Учредительное собрание, создавшее Демократическую палату народных представителей Кореи (председатель Ли Сын Ман) в качестве совещательного органа при АВА. В октябре 1946 г. была учреждена Законодательная палата (председатель Ким Гю Сик), наполовину назначенная АВА. Вслед за тем организовали из корейцев Гражданскую администрацию во главе с Ан Дже Хоном. С 1947 г. перечисленные органы именовались "переходным правительством" Южной Кореи. Коммунисты и "левые" в них не участвовали, действовали только "правые" корейские политики.

Таким образом, вскоре после освобождения Кореи в двух ее частях были заложены основы их собственной государственности. Поскольку на Севере и на Юге располагались иностранные войска, их командование и

представляемые ими правительства оставались высшей инстанцией, но все их решения, как правило, принимались в контакте и по согласованию с корейскими властями. Последние становились все более самостоятельными, особенно в сфере экономики, социальных отношений, культуры, здравоохранения. Советский Союз, например, заключил с Народным комитетом Северной Кореи в 1947 г. несколько межгосударственных соглашений по хозяйственным вопросам (формально не на правительственном уровне, а от имени своих внешнеэкономических ведомств), воспринимая его как фактическое корейское правительство.

Сформированные в Северной и Южной Корее органы власти каждый считал себя единственно правомочным, представляющим истинные интересы всего корейского народа. Противоположная сторона объявлялась "незаконной", "марионеточной", "антинародной" и т.д. Лидеры Севера и Юга не допускали даже мысли о взаимодействии во имя общих интересов Кореи, призывали к беспощадной ликвидации режимов своих антагонистов, осуществляли враждебную друг другу политику. Они выступали за объединение Кореи любыми путями, но, разумеется, только под своей эгидой и по собственному сценарию. С конца 1947 г. на Севере и Юге началась подготовка конституций, задуманных как основной закон для всей Кореи. Предпринимались и другие шаги, приближавшие окончательный раскол Кореи, образование на ее территории в 1948 г. двух государств - Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики.

Одновременно с государственными структурами в Корее складывались также две самостоятельные социально-экономические системы. К этому подталкивали советско-американские противоречия, растущая непроницаемость границы по 38-й параллели. Относительно развитый в промышленном отношении Север и аграрный Юг крайне нуждались друг в друге и тяжело переносили разрыв хозяйственных связей. Пожалуй, последняя соединявшая их нить была порвана в мае 1948 г., когда Север прекратил подачу электроэнергии на Юг. Объяснялось это чрезмерной задолженностью АВА, уклонявшейся от поставок на Север риса в счет согласованной оплаты за электроэнергию. Советское командование воздержалось от участия в обсуждении возникшей проблемы, предлагая АВА вступить в переговоры непосредственно с Народным комитетом Северной Кореи, но та отказалась, не желая признавать де-факто северокорейскую власть¹⁰. Южнокорейской экономике, лишь в малой степени обеспеченной тогда собственными энергоресурсами, понадобилось время и большие усилия, чтобы возместить нанесенный ей урон.

Экономики Северной и Южной Кореи не только разделились, но и начали развиваться в противоположных направлениях. Не удивительно, что Юг, где находились американцы, двинулся по капиталистическому пути. Этому способствовали преобладавшие здесь рыночные отношения, сохранившиеся от колониальных времен. АВА взяла в свое распоряжение японскую собственность, составляющую примерно 90% экономического потенциала Юга¹¹. С 1947 г. она продавала в частные руки мелкие и средние предприятия, часть оставленных японцами земель, жилых и служебных зданий и пр. Остальное было передано в 1948 г. правительству Республики Корея и составило основу госсектора, использованного для укрепления капиталистического строя. АВА совместно с "правыми", представлявшими интересы корейских помещиков, компрадорской и национальной буржуазии, создавала политические и правовые условия для продвижения Южной Кореи по капиталистическому пути.

Несколько подробнее следует сказать о Северной Корее, положение в которой по-новому освещают ставшие недавно доступными архивные материалы. Советскую политику там определяла известная директива И.В.Сталина от 20 сентября 1945 г. В ее опубликованном тексте, вероятно, по идеологическим соображениям, опущены два первых пункта, которые приводятся ниже:

“1. На территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить.

2. Содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций”¹².

Складывалась парадоксальная ситуация: представители Советского социалистического государства должны были обеспечить буржуазно-демократическое развитие Северной Кореи. Судя по всему, они первое время так или иначе следовали поставленной задаче, сотрудничая с националистической группировкой Чо Ман Сика, помогая созданию единого патриотического фронта, проведению демократических реформ. Однако “холодная война”, обострив в Корее внутренние и внешние противоречия, побудила СССР отойти от первоначального осторожного курса. Предпочтение все более отдавалось тому, что “работало” на социализм. На это объективно нацеливал весь советский опыт, активно перенимавшийся Северной Кореей. Коммунисты, пришедшие там к власти, выдвигали общедемократические лозунги, они не призывали сразу к социализму, но в практических делах уже тогда исходили из социалистической перспективы.

Советское командование в 1946 и 1947 гг. передало в два приема народной власти Северной Кореи все оставшиеся от японцев промышленные и транспортные предприятия, банки, административные, культурно-бытовые и жилые здания, прочее имущество¹³. Составленный таким образом госсектор занял господствующее положение в экономике. Земельная реформа фактически ликвидировала на севере помещиков, национализация промышленности основательно подорвала позиции буржуазии. Частный капитал оставался в мелком и среднем производстве, в торговле и службе быта, но существовал в ограничительных условиях и под строгим контролем властей. Сосредоточение основных экономических рычагов в руках нарождавшегося государства позволило Северной Корее с 1947 г. перейти к плановой системе ведения хозяйства.

*

*

*

50-летие своего освобождения Корея встречает по-прежнему разделенной на два государства. Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика являются полноправными членами ООН, поддерживают разносторонние связи со множеством других стран на всех континентах. Только между собой у них нет взаимопонимания, конструктивного диалога и сотрудничества и оба корейских государства, как и прежде, сосуществуют в обстановке взрывоопасной напряженности. В разных условиях и разными путями, но все же смогли воссоединиться Вьетнам, Германия, Йемен. Только Корея остается необъединенной, и с этим не могут и не должны смириться корейский народ и его друзья во всем мире.

История Кореи новейшего времени показывает, что и в этой стране растет тяга к преодолению принесшего столько бедствий национального раскола. Вот наиболее крупные тому свидетельства. В июле 1972 г. было подпи-

сано Совместное заявление Севера и Юга, сформулировавшее основополагающие принципы объединения Кореи, не отмененные сторонами до сих пор. Осенью 1985 г. Север и Юг обменялись большими "группами посетителей", впервые разрешив хотя бы ограниченные контакты членов разобщенных семей. В декабре 1991 г. были подписаны поистине исторические документы: Соглашение о примирении, ненападении, обменах и сотрудничестве между КНДР и РК, а также Совместная декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. На июль 1994 г. намечалось важнейшее мероприятие, которое могло принести далеко идущие результаты - встреча высших руководителей двух корейских государств, к сожалению, не состоявшаяся из-за внезапной кончины президента КНДР Ким Ир Сена.

За перечисленными выше мерами взаимного поиска возможностей сближения двух частей Кореи обычно следовало такое развитие событий, которое перечеркивало достигнутые договоренности и отношения между Севером и Югом на время даже ухудшались. Однако затем жизнь диктовала им необходимость предпринимать новые шаги навстречу друг другу и эти шаги, как правило, оказывались крупнее и содержательнее предыдущих. Надо полагать, что и нынешняя пауза в межкорейском диалоге, вызванная надуманным "ядерным вопросом", также не будет долговечной и сменится новым продвижением к взаимопониманию, миру и национальной консолидации.

Один из главных уроков минувшего полувека - Корею нельзя объединить силой. Такого рода попытка, предпринятая в 1950-1953 гг., не принесла стране ничего, кроме миллионных жертв, колоссальной разрухи, взаимного недоверия и вражды, до сих пор отравляющих атмосферу на Корейском полуострове. Хочется верить, что у современных политиков Севера и Юга хватит разума и политической ответственности, чтобы не соблазниться новыми "силовыми играми" и решать будущее Кореи только средствами мирного, справедливого, демократического переговорного процесса. Международное сообщество должно всемерно этому содействовать. Объединение Кореи - главное чаяние корейского народа, историческая неизбежность, и к борьбе за его осуществление зовет полувековая история страны после ее освобождения.

1. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. - М., 1993. - С. 325.
2. СССР и Корея. - М., 1988. - С. 131.
3. Kim Hakjoon, Unification Policies of South and North Korea. A Comparative Study. - Seoul, 1978. - P. 20-25.
4. Отношения Советского Союза с народной Кореей 1945-1980: Документы и материалы. - М., 1981. - С. 19.
5. Архив внешней политики России (АВПР). Фонд Секретариата А.Я.Вышинского. Опись № 11. Инд. № 280. Папка № 18, лл. 35-58.
6. АВПР. Фонд Секретариата А.Я.Вышинского. Опись № 21. Пор. № 319. Папка № 22, л. 2-3.
7. Сеул таймс. - 1946. - 18 ноября.
8. Чунвэ синбо. - 1947. - 15 марта.
9. АВПР. Фонд № 013. Опись № 7. Папка № 4. Дело № 46, л. 8.
10. АВПР. Фонд ДВО. Референтура по Корее. Опись № 8. Пор. № 2. Инв. № 012. Папка № 6, лл. 1-4; там же, пор. № 1. Инв. № 011. Папка № 6, лл. 2-3.
11. История Кореи (с древнейших времен до наших дней). - М., 1974. - Т. 2 - С. 186-190.
12. Центральный архив Министерства обороны. Фонд № 148. Опись № 3763. Дело № 111 Л. 92.
13. Отношения Советского Союза с народной Кореей. - С. 25-27, 31-32.

Документы, архивы

Секретная советско-американская военно-морская операция по ленд-лизу в Колд-Бей, Аляска, 1945 год

© 1995

Ричард А. Рассел

Весной и летом 1945 г. отряд особого назначения ВМС США занимался подготовкой советских военно-морских боевых экипажей общей численностью около 12400 офицеров и матросов в рамках планировавшейся операции по передаче по ленд-лизу 149 боевых судов советскому Тихоокеанскому флоту. Операция под кодовым названием "Хула", осуществленная в заливе Колд-Бей на Аляске, сплотила американских и русских моряков при выполнении одной из самых крупных и значительных программ по передаче вооружений во второй мировой войне. Однако, несмотря на ее уникальную цель - оснастить и подготовить силы советского морского десанта для решающего сражения с Японией, подробности этой операции так и не стали предметом тщательного изучения.

В 30-е годы потенциальная возможность сотрудничества между Вашингтоном и Москвой по сдерживанию Токио, которое также подразумевало неофициальное признание Советского Союза Соединенными Штатами Америки, так и не была осуществлена, хотя и имели место некоторые далекие от реальности намерения и несколько бесплодных попыток их реализации. К примеру, обязательство Сталина направить линейный корабль на Дальний Восток при условии разрешения на его закупку в США. Также в качестве примера, можно указать и на краткий визит американской эскадры во Владивосток в 1937 г. Этот период достаточно хорошо известен, чтобы останавливаться на нем подробно. Будет уместным лишь отметить, что к моменту японского удара по Перл Харбору в декабре 1941 г. первоначальные успехи нападения Германии на Советский Союз и молчаливое согласие Японии на транспортировку американских грузов в рамках операций по ленд-лизу на Советский Дальний Восток через северную часть Тихого океана лишили Сталина средств и желания открыть второй фронт, на что надеялся Рузвельт.

Такое положение вещей, с периодическими колебаниями надежд и разочарований с американской стороны, желавшей получить права на базирование своей авиации в Сибири и испытывавшей озабоченность по поводу безопасности маршрута, по которому осуществлялись поставки по ленд-лизу, преобладало вплоть до 1945 г.

1. В октябре 1944 г. на встрече, в которой принимали участие премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, посол США в СССР Аверелл Гарриман и генерал Джон Дин, глава американской военной миссии в Москве, Сталин оживил надежды союзников на сотрудничество в борьбе с Японией, пообещав начать наступательные операции против Японии через три месяца после поражения Германии. Одним из условий советского участия в войне с Японией Сталин выдвинул наращивание военных резервов на советском Дальнем Востоке.

Представители Советского Союза вручили генералу Дину список поставок, необходимых для того, чтобы поддержать вступление СССР в войну на Тихом океане. При этом они хотели, чтобы эти поставки рассматривались отдельно от уже предназначенных по ленд-лизу и оговоренных в ежегодном соглашении, в данном случае в так называемом Четвертом протоколе. Дин рассматривал это официальное требование как военный проект и прорабатывал его не через Протокольный комитет Советского Союза, а через Объединенный Комитет начальников штабов. Его Объединенный комитет по тылу и материально-техническому обеспечению одобрил запрос, получивший кодовое название "Майлпоуст", при условии, что его выполнение не отразится отрицательно на осуществлении проводимых ими запланированных операций в Европе и на Тихом океане. 5 декабря 1944 г., в то время как подкомиссия Объединенного комитета по тылу и материально-техническому обеспечению работала над первоначальным списком советского запроса по проведению операции "Майлпоуст", адмирал Алафузов, начальник штаба ВМС СССР, представил контр-адмиралу Кларенсу Ольсену, главе военно-морского отдела американской военной миссии в Москве, новый перечень судов и снаряжения, необходимых чтобы подготовить советский Тихоокеанский флот для ведения боевых действий. Алафузов хотел, чтобы изложенные в "Майлпоуст" потребности были пересмотрены в сторону увеличения. Так как некоторые пункты значились в обоих списках и необходимо было установить приоритеты, Ольсен настоял на том, чтобы новый перечень, предложенный Алафузовым, был приведен в соответствие с первоначальным списком и был выработан окончательный вариант запроса до его направления в Вашингтон. 20-го декабря Ольсен и Алафузов пришли к соглашению по единому варианту запроса на суда, авиацию и снаряжение. Пересмотренный и измененный вариант запроса насчитывал 17 видов надводных кораблей, включая эскадренные миноносцы и тральщики, два вида самолетов, в том числе торпедонесущие легкие бомбардировщики А-26, некоторые виды портового оборудования и электронной техники. В итоге, Объединенный Комитет начальников штабов попросил Протокольный комитет СССР взять на себя доработку программы "Майлпоуст", что вылилось в приложение № III к Четвертому протоколу в апреле 1945 года.

2. Значительность и важность обязательства, взятого на себя США как в плане временных рамок, так и средств по обучению 15000 советских военнослужащих на борту 180 американских судов, передаваемых по ленд-лизу, выделяет данную операцию из всех остальных. В декабре 1944 г. генерал Дин доложил в Вашингтон, что контр-адмирал Ольсен считает крайне необходимым, чтобы программа подготовки личного состава и поставки определенного количества каждого типа судов была составлена немедленно, с тем чтобы обу-

чить советские военно-морские экипажи управлению и эксплуатации судов до того, как Советский Союз вступит в войну с Японией. Несмотря на то, что и Дин, и Ольсен согласились с обоснованностью потребностей Советского Союза, они также выразили мнение, что было бы нежелательно отзываться корабли с арены активных боевых действий на больший срок, чем нужно для замены экипажей.

В начале января 1945 года адмирал флота Кузнецов, народный комиссар ВМС СССР поинтересовался, насколько осуществимы планы получения судов в рамках операции "Майлпоуст" на Алеутских островах или в Дач Харборе, "чтобы лучше обеспечить безопасность операции и исключить необходимость пересечения большим числом советских военнослужащих всей территории Соединенных Штатов". Последнее обуславливалось желанием Кузнецова перебросить около 3000 направляемых на Аляску советских моряков морским путем из Мурманска на восточное побережье США. Как адмирал позже объяснял свой план, поезда могли перевести советских моряков через территорию США на западное побережье, откуда их можно было переправить на Аляску морским путем. Дошедшие до нас документы недостаточно точны, но на протяжении следующих четырех недель, непосредственно предшествующих Ялтинской конференции, очевидно, единственным принятым решением явилось исключение Дач Харбора из возможных мест подготовки экипажей и передачи судов.

Во время Ялтинской конференции на встрече начальников штабов СССР и США 8-го февраля адмирал Кузнецов заявил, что если это будет не Дач Харбор, то для советского правительства наиболее предпочтительным местом операции явился бы остров Кадьяк. Однако адмирал Кинг сообщил ему, что выбор уже остановлен на Колд-Бей. Хотя Кузнецов не знал Колд-Бей, он посчитал его приемлемым местом для проведения операции, как только он увидел его на карте. Что касается транспортировки советских моряков через Атлантический океан и территорию США, Кинг предложил, что советские экипажи можно было бы перевозить на конвоях, возвращающихся в Северную Америку. Однако Кинг информировал Кузнецова о том, что неблагоприятные условия для судоходства на Тихом океане составят большие трудности для переброски экипажей с западного побережья США на Аляску. Советский адмирал не предложил перевозить их на своих судах, и этот вопрос был отложен. (Следует отметить, что в течение всей программы советских моряков в Колд-Бей доставляли советские торговые суда). Примерно через неделю после окончания Ялтинской конференции адмирал Кинг своей директивой утвердил программу такой переброски.

В соответствии с изначальной схемой, военно-морские силы США спланировали подготовить в Колд-Бей советские экипажи для 180-ти судов, включая 30 эскадренных миноносцев (PF), 24 тральщика (AM), 36 тральщиков с деревянным корпусом (YMS), 56 противолодочных кораблей (SC), 30 больших десантных судов (LCICL) и четыре плавучих дока. После завершения обучения суда должны были быть переданы СССР и направиться конвоем в свои будущие порты базирования, обычно во Владивосток через Петропавловск; причем часть их сопровождали бы американские корабли.

3. Удаленное местоположение Колд-Бей, находящегося на крайней юго-западной оконечности полуострова Аляска, отвечало глубокой заинтересованности обеих сторон в секретности проводимой операции; особенно это касалось советского правительства, которое к тому времени не было готово поставить под сомнение свой статус нейтральной державы в войне на Тихом океане. Кроме того, организаторы операции в Вашингтоне полагали, что воен-

ная база в Колд-Бей -- Форт Рэнделл, находящаяся в рабочем состоянии, а также недавно снятая с оперативного дежурства вспомогательная база военно-морской авиации могут быть быстро восстановлены и в достаточной мере обеспечить размещение и общую поддержку, причем их не потребуется значительно расширять, поскольку большую часть обучения планировалось проводить на борту кораблей. Однако ограниченные возможности для проведения ремонта судов в Колд-Бей означали, что большинство кораблей придется ремонтировать и оснащать на западном побережье США.

Капитан Вильям Максвелл, командир военно-морского отряда 3294 (Хула-2) ввел в строй из резерва базу в Колд-Бей, когда прибыл туда 19-го марта 1945 года. Вопреки донесениям, полученным им в Вашингтоне, база находилась в непригодном состоянии для боевой подготовки советских моряков. Крайне неблагоприятные погодные условия и общая планировка базы (объекты растянулись на семь миль), создавали серьезные проблемы для ее скорейшей подготовки.

Командир базы и его подчиненные по-своему восприняли инструкции о том, как надо учитывать условия в Колд-Бей при проведении подготовки. Максвелл полагал, что тщательные аудиторные занятия на оборудовании и отработка приемов управления на суше помогут предотвратить возможные несчастные случаи среди советских военнослужащих и повреждения судов, когда начнутся занятия на борту кораблей. Однако члены советской закупочной комиссии, в составе девяти человек, прибывшие в Колд-Бей 23-го марта, настаивали на другом. Они выразили разочарование относительно излишнего, по их мнению, количества времени, отведенного на обучение на берегу, намеченного в предварительном плане подготовки, представленном группой Максвелла. В течение всей следующей недели американские и советские военные работали не покладая рук, чтобы прийти к согласию и составить программу первого цикла подготовки. Выработанный план был приемлем для обеих сторон, и послужил моделью для всех последующих циклов обучения.

Процесс подготовки был спланирован в зависимости от типа кораблей, и строго определенное количество дней отводилось обучению как на судах, так и на берегу. Капитан Максвелл полагал, что любые отклонения от этого твердого расписания могут подорвать усилия американцев по скорейшей доставке боевых кораблей советским ВМС. И это подтвердилось, когда будущие экипажи двенадцати тральщиков класса Адмиралъ, шести тральщиков с деревянным корпусом и двадцати противолодочных кораблей - всего 220 офицеров и 1895 матросов - приступили с 16-го апреля к первой программе обучения на берегу.

Как вскоре выяснилось, советские военнослужащие почти ничего не знали о таких устройствах, как радар и гидролокатор, и были очень мало знакомы с работой на технических установках. Поэтому обучение в этих областях велось особенно интенсивно. Для проведения тренировок военнослужащие были разделены в соответствии с типами кораблей и потом разбиты на будущие экипажи для каждого судна. В каждом экипаже выявлялось ядро из моряков, которые были знакомы с основами управления и эксплуатации корабля, хотя и они нуждались в дополнительном инструктаже относительно особых характеристик их типа корабля.

Непредвиденные задержки в установке и демонтаже оборудования на судах, предназначенных для передачи, нарушили первоначальный график. Шесть тральщиков прибыли с электронным оборудованием, неразрешенным для передачи советским ВМС. С некоторых кораблей было снято разрешенное оборудование. Еще один тральщик и девять противолодочных кораблей нуж-

дались в серьезном ремонте в Дач Харборе. Почти четырехмильные переходы туда и обратно задержали выполнение программы по противолодочным кораблям на восемь дней. Эти неблагоприятные обстоятельства были в некоторой мере сглажены представителями Корабельного Бюро, которые использовали свои полномочия для изменения списков оборудования и улучшения координации между Колд-Бей, которые использовали свои полномочия для изменения списков оборудования и улучшения координации между Колд-Бей и судоверфями на западном берегу.

Самая продуктивная программа по обучению, проведенная в Колд-Бей, касалась передачи тридцати больших десантных судов в два этапа по пятнадцать кораблей каждый раз. На этом этапе инструкторы "Хула" обучили 100 офицеров и 800 матросов ВМС СССР общей эксплуатации кораблей и боевым действиям морского десанта, таким как боевой порядок в наступлении и высадка десанта. Вторая группа десантных судов с новыми экипажами была полностью подготовлена на неделю раньше намеченного срока и была передана Советскому Союзу в конце июля 194 года.

По своему размеру, вооружению и стоимости эскадренные миноносцы класса "Такома" явились самыми крупными судами, переданными СССР в Колд-Бей. Они были вооружены тремя трехдюймовыми пушками и двумя спаренными 40 мм зенитными орудиями, их длина составляла 304 фута, водоизмещение - 2100 тонн, а расчетная скорость хода составляла около 20-ти узлов.

Военно-морской отряд 3294 планировал начало первого цикла обучения советских моряков на эскадренных миноносцах продолжительностью в 25 дней на 14-е июня. Группа из девяти эскадренных миноносцев при была с западного побережья 14-го июня, и после проверки материальной части американцами и русскими советские экипажи поднялись на борт.

Опыт передачи эскадренного миноносца "Коронадо" (Р-38) был типичным для программы, осуществляемой в Колд-Бей. Начиная с 18-го июня, небольшие группы советских офицеров и матросов начали подниматься на борт судна. Практические занятия в полном объеме начались на борту миноносца 26-го июня, однако "Коронадо" стал на рейд два спустя после того, как советские канониры впервые самостоятельно провели стрельбы из корабельных орудий. Будущие командиры подразделений поднялись на борт за пять дней до того, как судно было полностью передано советскому экипажу 30-го июня. Действия экипажа заслужили высокие оценки американского капитана, который похвально отозвался об их умении управлять и осуществлять контроль над боевым судном, и особо отметил их удивительное взаимодействие с американскими коллегами, несмотря на языковой барьер. К первому июля весь советский экипаж в составе 12-ти офицеров и 178 матросов уже находился на борту. Одновременно большинство членов американского экипажа сошли на берег, и к 7-му июля на борту оставались только четыре офицера и 44 матроса, которые должны были сдать корабль. Американские и советские экипажи практиковались ежедневно, так что к 8-му июля задача подготовки будущих советских экипажей для десяти эскадренных миноносцев - около 2000 офицеров и матросов - была полностью выполнена в строгом соответствии с намеченным графиком.

Следующие три дня были посвящены заправке кораблей топливом, погрузке провизии и иным подготовительным работам для осуществления передачи судов советским ВМС. Официальная церемония передачи состоялась в полдень 12-го июля. Три дня спустя первые десять эскадренных миноносцев вышли из Колд-Бей и взяли курс на Петропавловск-Камчатский.

Подразделение "Хула-2" осуществило передачу второй группы тральщиков раньше намеченного срока. Таким образом, к концу июля 100 судов, из имевшихся 180-ти, перешли в распоряжение Советского Союза. Менее удачно проходила реализация программы по передаче противолодочных кораблей. С ней все время происходили какие-то неполадки, и намеченный капитаном Максвеллом срок их передачи - 1-е октября - оказался под угрозой. Наибольшие трудности были вызваны некачественным выполнением ремонтных работ и нехваткой ресурсов в Ситле. Понимая всю важность советско-американского сотрудничества, Максвелл стремился заменить суда, не удовлетворявшие требованиям, на находящиеся в строю противолодочные корабли 13-го округа ВМС США.

Советско-американская группа удвоила свои усилия по скорейшей передаче оставшихся судов, когда стало известно, что Советский Союз вступил в войну с Японией в полночь с 8-го на 9-е августа 1945 г. Один из командиров подразделения отметил, что советские моряки искренне рады своему новому положению - статусу союзников США. Отряд 3294 ВМС США завершил окончательное обучение на берегу 3700 советских офицеров и матросов к 25-му августа, доведя, таким образом общее число советских военнослужащих, подготовленных в Колд-Бей, до 12400 человек. В конце августа и начале сентября подготовка ограничивалась лишь тем, чтобы научить экипажи довести суда в свои порты базирования. Эти усилия по передаче наибольшего возможного количества кораблей были активно поддержаны советскими ВМС, которые посылали обратно моряков уже прошедших обучение в Колд-Бей с тем, чтобы они формировали основу экипажей для оставшихся судов.

Советские экипажи приняли два эскадренных миноносца 2-го сентября, а 4-го сентября - еще четыре. Программа передачи завершилась на следующий день, когда Максвелл получил приказ закончить всю деятельность по ленд-лизу. К этому времени советским ВМС было передано 149 судов, а 142 из них с начала программы уже пришли в порты назначения. Судам, находящимся на пути в Колд-Бей, было приказано возвратиться обратно в Ситл. Четыре эскадренных миноносца, переданные СССР 4-го сентября, оставались в Колд-Бей до 17-го числа для завершения обучения экипажа и лишь затем отправились в порт базирования Петропавловск-Камчатский. Вскоре после этого Максвелл составил отчет, распорядился законсервировать оборудование и материальную часть и начал отправку своих людей домой. К концу сентября военно-морская база в Колд-Бей была снята с боевого дежурства.

Заключение

Посредством операции "Хула" была выполнена поставленная Рузвельтом задача соединить интересы США и СССР в северной части Тихого океана в противовес Японии. Один исследователь назвал суда, переданные Советскому Союзу в Колд-Бей, "частью цены, которую пришлось заплатить США, чтобы обеспечить вступление СССР в войну на Тихом океане против Японии". В самом деле, будучи частью операции "Майлпоуст" суда, переданные Советскому Союзу, предназначались для использования против вооруженных сил Японии. Однако успех ВМС США в военных операциях по ликвидации японского военно-морского потенциала, стратегические бомбардировки Японии и успех атомной бомбардировки во многом сделали ненужным замысел американо-советских операций в северо-восточной Азии. Тем не менее, еще в Колд-Бей старший офицер ВМС СССР, контр-адмирал Попов сообщил Максвеллу, что десантники, обученные отрядом 3294 ВМС США в июле 1945 г., нанесли

на своих судах удар по Парамуширу на Курильских островах ровно через десять дней после прибытия в Петропавловск. Другие участвовали в операциях против японских позиций в Северной Корее и на острове Сахалин.

Операция по ленд-лизу, проведенная в Колд-Бей, увенчалась успехом несмотря на языковой барьер, крайне неблагоприятные погодные условия и неудовлетворительное состояние многих судов, предназначенных для передачи. В данном отношении операция "Хула-2" являет собой редкий пример успешного советско-американского сотрудничества в заключительные месяцы войны. В то время, когда нарастала неопределенность в отношениях СССР и США, советские и американские моряки были изолированы в Колд-Бей от того недоверия, которое устанавливалось в отношениях между Вашингтоном и Москвой.

Ветераны помнят...

Американский исследователь Ричард Рассел из Исторического центра ВМС США поведал нам об одном из самых крупных проектов американо-советского сотрудничества во время второй мировой войны — передаче Советскому Союзу по ленд-лизу 149 военных кораблей различных классов и обучению и подготовке для их обслуживания 12.400 офицеров и матросов.

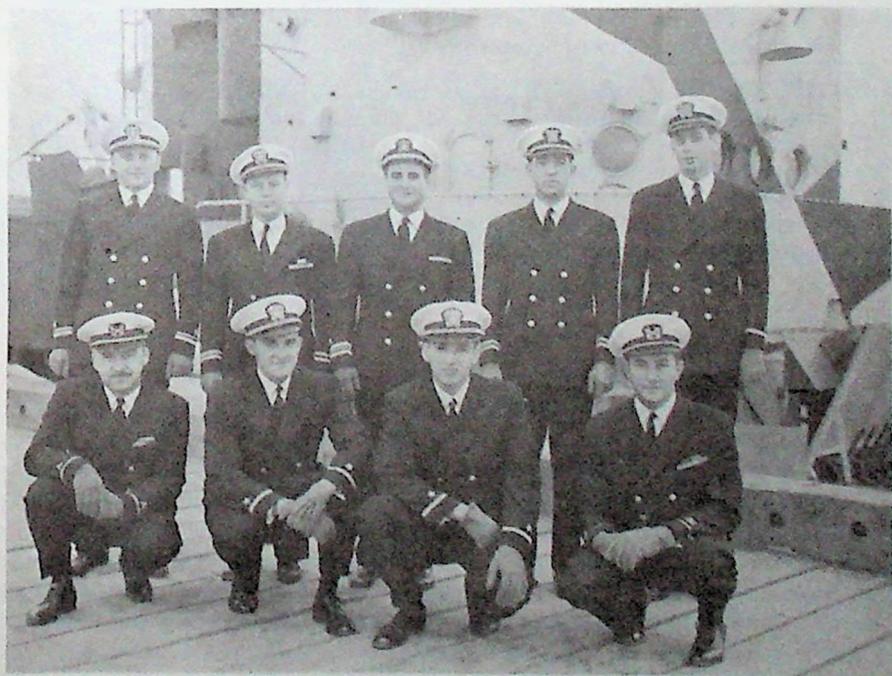
В советской литературе во времена холодной войны старались не акцентировать внимание на проектах широкомасштабной помощи Соединенных Штатов Советскому Союзу, принижалось значение поставок по ленд-лизу. Хотя упоминание об операции "Хула" имеется в нескольких книгах. Так, в воспоминаниях адмирала Кузнецова Н.Г. отмечалось, что Соединенные Штаты пообещали прислать нам "фрегаты, тральщики, охотники за подводными лодками, торпедные катера и десантные суда, в общей сложности более 250 единиц. В преддверии боевых действий на море эти суда были очень кстати. Мы немедленно укомплектовали команды и направили их в Америку... Небольшие суда, которые мы получили весной и летом 1945 года из США, очень пригодились нам главным образом для высадки десантов в портах и на островах, занятых противником. После мы вернули корабли их владельцам¹".

В другой работе американский исследователь Дж. Стефан писал, что программа ленд-лиза на Тихом океане включала в себя не только поставки грузов с американского Запада на советский Дальний Восток. С мая по сентябрь 1945 г. в Колд-Бее (штат Аляска, США) прошли обучение около 15 тыс. советских моряков Тихоокеанского флота, которые в дальнейшем плавали на 138 надводных кораблях, переданных Советскому Союзу по ленд-лизу².

Небольшое исследование, которое провел автор этих строк на основании справочника "Корабли и суда ВМФ СССР. 1928-1945", позволили установить, что Советский Союз получил по ленд-лизу из США 34 единицы тральщиков типа "АМ", 43 единицы тральщиков типа "ВМС", сторожевые корабли ЭК типа "Ф" - 28 единиц, десантные суда ДС типа "ЛЦИ" - 30 единиц, большие охотники за подводными лодками типа "БО" - 78 единиц, сторожевые катера типа "МО" - 60 единиц.

Советские офицеры тральщика ТЩ-334 в кают-компании
(третий справа с орденом Красного Знамени капитан корабля
старший лейтенант А.К.Метелев)

Американские офицеры тральщика АМ-149 Огюри
(в центре капитан-лейтенант Стеннингтон)

Для примера выделим два тральщика - ТЩ-589 и ТЩ-590, которые сыграли важную роль в Курильской десантной операции. Оба корабля входили в состав ВМС США под номерами YMS-237 и YMS-75 соответственно. 17 апреля 1945 г. они были приняты в Колд-Бее советской комиссией от союзников в счет поставок по ленд-лизу и в конце того же месяца вошли в состав Северной Тихоокеанской флотилии.

Тральщик ТЩ-334 (до 13 февраля 1945 г. - АМ-149 Огюри) 7 августа 1945 г. вошел в состав ТОФ. Стал флагманом командующего Камчатского оборонительного района³.

Когда я занимался поисками материалов на эту тему, то неожиданно наткнулся на дневниковые записи капитана этого корабля Метелева А. К., которые были помещены в сборнике "Слово освободителей", опубликованном в областной печати в Южно-Сахалинске⁴. Мои дальнейшие расследования дали поистине потрясающий результат: оказалось, что Алексей Константинович, как у нас говорят, жив и здоров и живет в Подмоскowie, в Перedelкино. В Москве проживает и сигнальщик с этого же тральщика Пучков Владимир Васильевич. А в Петропавловске на Камчатке — бывший матрос с ТЩ-334. История заговорила!

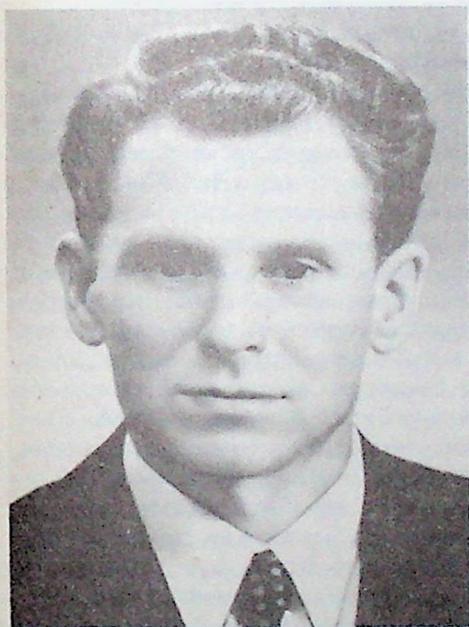
Мои многочисленные беседы с Алексеем Константиновичем позволили воссоздать подлинную картину плодотворного и дружественного сотрудничества двух военных союзников — СССР и США, которые в тяжелейшие годы второй мировой войны умели находить общность своих стратегических интересов, примером чего, несомненно, является операция под кодовым названием "Хула", осуществленная в заливе Колд-Бей на Аляске.

Б.Славинский

-
1. Кузнецов Н.Г. "Курсом к победе". Издание третье. М., Воениздат, 1989, с. 433-434.
 2. Советско-американские экономические отношения в бассейне Тихого океана. М., 1987, с. 118-119.
 3. Бережной С.С. "Корабли и суда ВМФ СССР. 1928-1945." Справочник. М., Воениздат, 1988, с. 308, 311.
 4. Слово освободителей. Воспоминания участников боев за освобождение Южного Сахалина и Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1985.

Мемуары

Начало заграничного этапа работы Из воспоминаний Посла СССР в Китае А.С.Панюшкина

От редакции. Александр Семенович Панюшкин (1905-1974) дважды был Послом СССР в Китае: в первый раз в 1939 по 1944 годы, а затем - в 1952-1953 гг. В последние годы жизни он начал работать над воспоминаниями, используя при этом дневниковые записи, а также закрытые в то время архивные документы, в том числе собственные донесения в Москву - письма, содержавшие оценки ситуации, записи бесед с китайскими руководителями и т.п. Значительная часть рукописи была издана в виде книги "Записки посла. Китай. 1939-1944 гг.", вышедшей в 1981 г. в закрытом порядке тиражом 100 экз.

Раздел рукописи А.С.Панюшкина о работе в Китае в 1939-1941 гг., содержащий ряд документов и материалов, не вошедших в книгу, мы предлагаем вниманию читателей.

30 июля 1939 г. мы прибыли в тогдашнюю военную столицу Китая город Чунцин, расположенный на реке Янцзы в провинции Сычуань. Через день, т.е. 1 августа, я посетил Чан Кайши в качестве уполномоченного Совнаркома по реализации советско-китайского торгового договора и имел с ним беседу. Это была моя первая встреча с Чан Кайши, о котором я много слышал и кое-что уже знал по рассказам товарищей и сотрудников нашего полпредства. Я с интересом рассматривал этого человека, стоявшего во главе одного из крупнейших государств мира. Стройный, худой, подтянутый, с маленькими бегающими глазками и коротко подстриженными седеющими усами. Его движения казались медленными, неторопливыми. Однако первые минуты беседы показали, что передо мной хитрый восточный политик, умеющий превосходно

скрывать свои истинные чувства и мысли. Впоследствии я много раз встречался с ним. В целом у нас сложились неплохие отношения. По крайней мере внешне он старался казаться доброжелательным к нашей стране и ее представителям.

20 августа 1939 г. в связи с трагической гибелью в автокатастрофе полпреда СССР в Китае И.Т.Луганец-Орельского, НКИД СССР запросил агреман у китайского правительства на назначение меня Полпредом СССР в Китае, и 26 августа получил согласие на это.

25 августа Чан Кайши устроил в мою честь обед и пригласил меня прибыть к нему примерно через час, чтобы побеседовать. В ходе состоявшейся беседы он интересовался моей оценкой обстановки в связи с заключением пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, о возможности в скором времени войны в Европе. Он расценивал этот пакт как "большой удар по Японии", в результате чего Япония окажется совершенно изолированной. Я со своей стороны поинтересовался, какую реальную помощь Китаю оказывают Соединенные Штаты. Чан Кайши попытался было уклониться от прямого ответа, но затем на мой уточняющий вопрос сказал, что "отношение правительственных кругов США к Китаю очень хорошее. Китай получает от Америки политическую и моральную поддержку". Но правительство США, говорил далее Чан Кайши, в своих действиях ограничено Конгрессом, и оно будто бы не может "оказать такую же помощь, какую оказывает СССР". Последняя помощь от Америки, заметил он, это заем в 21 млн. амер.долл. от 15 июля 1938 г. Я, конечно, не мог согласиться с тем, что Соединенные Штаты Америки не в состоянии оказать большую помощь Китаю и сказал об этом Чан Кайши.

Чан Кайши затем поставил вопрос о заключении пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Китаем, о котором Сунь Фо говорил еще в мае 1939 г. в Москве. Чан Кайши просил меня выяснить - не наступило ли время вновь вернуться к этой проблеме. Зная позицию Советского правительства по этому вопросу, я тут же разъяснил Чан Кайши, что "политика Советского Союза заключается в обеспечении коллективной безопасности, а не в заключении локальных военных союзов". Поэтому, сказал я, позиция Советского Союза во многом будет зависеть от того, насколько активную антияпонскую политику будут проводить США, Англия и Франция. Сейчас же английское правительство, заключив соглашение Крейги-Арита, фактически вступило в антикитайский союз с японским милитаризмом, ибо соглашение по существу санкционировало совершенные Японией захваты, одобрило японские акции в Китае и вдохновляло Японию на продолжение войны в Китае. Тем не менее я пообещал Чан Кайши сообщить о его просьбе в Москву. Затем наш разговор переключился на положение на военных фронтах Китая. Чан Кайши отметил, что в последнее время на фронтах наблюдается затишье и что только на юго-востоке провинции Шаньси происходят боевые действия. Он высказал просьбу, чтобы я оказывал ему содействие советами по военным и политическим вопросам.

После беседы состоялся обед, на котором присутствовали также ряд сотрудников полпредства и других советских представительств в Китае. Помнитса, были товарищи Северный, Иванов, Барышников, Романов, Скворцов. А с китайской стороны - г-жа Чан Кайши, Кун Сянси, Хэ Инцинь, Вэнь Вэньхао, Чэнь Лифу и др. После этой встречи с Чан Кайши мне предстояло еще вручить верительную грамоту номинальному главе Китайской республики президенту Линь Сэню. В связи с тем что японцы часто бомбили Чунцин, Линь Сэнь большую часть времени проводил на курорте в горах Эмэйшань в провинции Сычуань. Чтобы не затягивать мое официальное вступление в

должность полпреда, я, по совету Чан Кайши, выехал туда. Это был мой первый выезд за пределы китайской военной столицы.

1 сентября 1939 г. я был принят президентом Китая г-ном Линь Сэнем, которому я вручил свои верительные грамоты. По обычаю мы обменялись при этом краткими речами. Вручая верительные грамоты, я сказал: "Народы Союза Советских Социалистических Республик питают искреннюю дружбу к китайскому народу и с глубоким сочувствием оценивают его героическую борьбу за национальную независимость. Народы СССР твердо уверены в том, что эта борьба великого китайского народа увенчается полной победой. В чрезвычайно напряженной международной обстановке наших дней последовательная миролюбивая политика СССР сочетается с дружественной помощью народам, подвергающимся агрессии. Народ Китая и его правительство знают, что в их самоотверженной борьбе за национальную свободу и независимость помощь со стороны СССР оказывается им не на словах, а на деле. Моей задачей полномочного представителя и Чрезвычайного Посла СССР в Китае является дальнейшее развитие и укрепление дружественного сотрудничества между нашими странами".

Президент в своем ответе подчеркнул безграничную симпатию правительства и народа Китая к СССР за действительную помощь его стране, что является доказательством того, что Советский Союз всегда выступает против агрессии. Обязанности посла в любой стране нелегки, но особенно сложными они были в Китае, где шла война против японской агрессии и одновременно продолжалась невидимая, скрытая гражданская война. Как советский человек я, конечно, не мог не сочувствовать борьбе китайского народа, руководимого компартией за свое национальное и социальное освобождение, но как дипломат я был вынужден встречаться и вести переговоры с китайскими государственными деятелями, среди которых были не только антикоммунисты и антисоветчики, но и прояпонские элементы, скрытые капитулянты, готовые пойти на предательство национальных интересов.

Вечером 5 сентября 1939 г. я встретился с одним из влиятельнейших деятелей того времени, председателем Исполнительного Юаня Китая г-ном Кун Сянси. Его влияние объяснялось также тем, что он был свояк Чан Кайши. Этот номинальный глава китайского правительства был изощренным политиком, имевшим широкие родственные и финансовые связи с влиятельными семьями Китая. В течение многих лет Кун Сянси работал компрадором в отделе компании "Стандарт Ойл". Поэтому он пользовался поддержкой компрадоров. Большую помощь ему оказывала его жена. Фактически они ведали личным бюджетом Чан Кайши. Мне было известно, что Кун Сянси был противником войны с Японией и выступал за заключение мира с ней. Он мотивировал это тем, что "Сунь Ятсен творил революцию при помощи японцев. Среди японцев много хороших людей. Дружба между Китаем и Японией должна существовать. Эти две страны должны помогать друг другу, ибо другого пути нет". По мнению Кун Сянси, "события 18 сентября 1931 г." (начало оккупации японцами Маньчжурии) произошли по вине и молодости Чжан Сюэяна, а в "инциденте в Лутоуцяо" в июле 1937 г., положившем начало японо-китайской войне, виноват командующий 89-й армией генерал Сун Чжэюань, который плохо относился к японцам. Кун Сянси считал, что если бы ему удалось заехать в Токио на обратном пути из Англии, куда он ездил на коронацию английского короля, "то лутоуцяоских событий наверняка не было бы". После начала японо-китайской войны Кун Сянси уговаривал Чан Кайши пойти на переговоры с японцами о прекращении военных действий и о заключении мира. Он рекомендовал Чан Кайши не выдвигать перед японцами

особых требований. Однако в отличие от Ван Цзинвэя Кун Сянси всячески маскировал свою прояпонскую, капитулянтскую позицию и не выступал с открытым забралом. Доверенными лицами Кун Сянси в Исполнительном Юане были: генеральный секретарь Вэй Даомин - чиновник, взяточник бандитского пошиба, и Чжэн Миньсю, бывший мэр города Нанкина, долгое время не возвращавшийся из-за границы в Китай потому, что был связан с делом о воровстве антикварных предметов из пекинских музеев.

В первой беседе 5 сентября 1939 г. Кун Сянси пытался убедить меня в необходимости вступления СССР в войну с Японией. Заметив, что правительство СССР, заключив договор о ненападении с Германией, будто бы получило большую свободу для своих действий на Дальнем Востоке, он заявил: "Япония воюет в Китае, одновременно происходят большие стычки на монголо-маньчжурской границе. Надо сдвинуть нашего общего врага и уничтожить его. Если имеется опасность нападения двух тигров и если имеется возможность убить одного тигра, то надо его убить, а с оставшимся, легче будет справиться".

В тот же день 5 сентября 1939 г. я встретился с министром иностранных дел Ван Чунхуэем. Это была уже не первая наша встреча. Мне приходилось встречаться с ним в качестве уполномоченного Совнаркома по реализации советско-китайского торгового договора. У нас установились к этому времени хорошие отношения, и он рад был приветствовать меня в новом качестве. Он заверил меня, что "китайский народ и правительство уверены в искренней дружбе со стороны СССР", и выразил желание "укрепить нашу личную дружбу путем частых встреч". Безусловно, я мог только искренне поддержать это дружеское высказывание Ван Чунхуэя. Как показали последующие годы, он оказался добропорядочным человеком, хотя и не всегда правильно ориентировавшемся в международной обстановке.

Затем 7 сентября 1939 г. у меня состоялись беседы с министром экономики Вэнь Вэньхао, военным министром генералом Хэ Инцинем, а 8 сентября - с министром внутренних дел Чжоу Чунсю. Меня, конечно, особенно интересовало военное положение Китая, положение на фронтах. В этом отношении информация военного министра Хэ Инциня представляла определенный интерес. Он рассказал, что весь фронт в Китае разбит на 10 военных районов, из них два военных района - в тылу японцев в провинциях Шаньси, Хэбэй и Шаньдун, остальные тянутся с севера на юг до провинции Гуандун. По словам Хэ Инциня, против более 100 китайских дивизий на фронте японцы имели в то время 38 дивизий, однако численность японской дивизии превышает 20 тыс. человек, тогда как китайская дивизия насчитывает 10-11 тыс. человек. Основное сосредоточение сил с обеих сторон, указал Хэ Инцинь, имело место в провинции Шаньси, в Центральном районе и в районе Кантона. Все это безусловно представляло интерес для изучения соотношения сил для будущего хода японо-китайской войны.

Как известно, Хэ Инцинь был японофилом и противником войны с Японией. Но он действовал довольно гибко. Он не имел своих войск и не пользовался поддержкой в армии. С Чан Кайши его связывала старая дружба. В 20-е годы он командовал полком Национально-революционной армии, а затем дивизией и корпусом в войсках, подчиненных Чан Кайши.

7 сентября, т.е. в тот же день, когда я встречался с военным министром, я встретился с заместителем председателя Исполнительного Юаня и секретарем Верховного Совета государственной обороны Чжан Цюнем, человеком, близким к Чан Кайши. Он так же, как и Хэ Инцинь, был противником войны с Японией. По-

сле лугоуцяоских событий в июле 1937 г. он ездил в Лушань и пытался уговорить Чан Кайши в нецелесообразности ведения войны сопротивления.

8 сентября я встретился с министром просвещения Чэнь Лифу, а 9 сентября - с министром коммуникаций Чжан Цзяо. Хотя эти беседы носили зачастую протокольный характер, тем не менее было приятно слышать от собеседников выражение благодарности за помощь, которую оказывал Советский Союз китайскому народу в его героической борьбе против японской агрессии, а также выражение чувств дружбы в адрес советского народа.

9 сентября 1939 г. я встретился с начальником гарнизона города Чунцина генералом Лю Ши, работавшим с советскими военными советниками еще со времен Северного похода и хорошо знавшим Блюхера, Бородина и др. В тот же день меня по собственной инициативе посетил директор китайского банка г-н Сун Цзывэнь. Это был интересный и влиятельный человек, тесно связанный с английским и американским капиталом. Он был лично знаком с президентом США Франклином Рузвельтом, премьер-министром Англии Болдуином, главой французского правительства Лавалем, ставшим впоследствии предателем Франции. Но особенно значительным было его влияние в самом Китае в результате тесных связей с крупнейшими финансовыми магнатами того времени. Да и сам он был одним из крупнейших финансовых магнатов, крупнейшим банкиром. Благодаря родственным связям (его сестры были замужем за Сунь Ятсеном, Чан Кайши и Кун Сянси), он имел доступ в самые высшие правительственные круги тогдашнего Китая.

18 сентября 1939 г. меня посетил маршал Фэн Юйсян. Это была довольно известная личность в Китае. В 1924 г. в разгар войны между У Пэйфу и Чжан Цзолинем, он выступил против У Пэйфу, занял Пекин и произвел государственный переворот. Тогда Фэн Юйсян заявил о поддержке антиимпериалистических лозунгов Сунь Ятсена, переименовал свои войска в национальную армию, запросил военную и иную помощь у Советского Союза, которая ему была предоставлена. Он вступил в контакт с Гомиьнданом и КПК и ослабил репрессивный режим, установленный милитаристами в Северном Китае. Его национальная армия стала важным фактором военной и политической жизни Китая. Летом 1927 г. Фэн Юйсян вслед за Чан Кайши и Ван Цзинвэем выступил против революции, однако в последующие годы неоднократно находился в конфликтах с Чан Кайши. После оккупации японцами Маньчжурии в 1931 г. Фэн Юйсян начал выступать за сопротивление японским агрессорам. В мае 1933 г. он организовал Объединенную народную армию сопротивления Японии, которая боролась против оккупации провинции Чахар японскими войсками, но в августе 1933 г. эта армия потерпела поражение. В 1935 г. Чан Кайши назначил Фэн Юйсяна заместителем председателя Военного совета, но этот пост фактически был лишь номинальным. Во время японо-китайской войны Фэн Юйсян выступал за решительную борьбу с захватчиками и за сотрудничество между Гомиьнданом и КПК.

В состоявшейся 18 сентября беседе Фэн Юйсян сказал: "Я лично никогда не забуду той помощи, которую мне оказывал Советский Союз, когда я дрался против милитаристов. Мне Советский Союз помог предоставлением тысяч винтовок, многих орудий, самолетов и военных советников. Когда я вижу советских людей, то всегда вспоминаю эту помощь". Фэн Юйсян воспользовался затем этим поводом, чтобы заявить, что Советский Союз должен был оказывать будто бы большую помощь Китаю, чем он оказывал в то время. Это заявление нельзя было оставить без ответа, так как я прекрасно понимал, что советский народ, оказывая помощь китайскому народу, посылал не излишки

своей продукции, а отнимал у себя кровное, чуть ли не последнее, по-братски делаясь наличными довольно скудными ресурсами. Поэтому я ответил маршалу: "Советский Союз помогал материально Китаю, помогает и будет помогать. Некоторые китайские деятели в борьбе с Японией сбрасывают со счетов своей борьбы четырехсотмиллионный китайский народ, а мобилизация, организация и развертывание широкого движения этой массы народа обеспечит победу. Сочетание той материальной помощи, которую получает Китай от СССР и других стран с правильной организацией борьбы масс за национальную независимость является гарантией победы Китая".

При последующих встречах Фэн Юйсян упорно продолжал говорить о необходимости более эффективной помощи Китаю со стороны Советского Союза. Он считал, что Советский Союз должен был заключить с Китаем военный союз, чтобы совместными силами изгнать японских разбойников с китайской земли и этим самым обеспечить подлинный мир на азиатском материке. В сущности он ратовал за то, чтобы Советский Союз вступил в войну против Японии.

20 сентября 1939 г. меня принял на своей квартире Чан Кайши. Поводом для встречи было прибытие в Китай главного военного советника комдива товарища Волгина, которого я представил генералиссимусу. Товарищ Волгин передал Чан Кайши привет от маршала Советского Союза К.Е.Ворошилова, а также его пожелание успехов Китаю в борьбе против японских агрессоров. Он сообщил Чан Кайши, что перед своим отъездом из Москвы имел беседу с товарищем Ворошиловым, который просил приложить все старания и умение делу помощи китайской армии в борьбе против японских захватчиков. Чан Кайши поблагодарил товарища Волгина и сказал, что он может заходить к нему для решения любых вопросов.

Как известно, по просьбе китайского правительства Советский Союз направил в Китай сотни советских добровольцев-летчиков и других военных специалистов, в том числе военных советников. Первая группа военных советников из СССР прибыла в Ханькоу 15 июня 1938 г. В их числе находились три общевойсковых командира, пять артиллеристов, три связиста, один танкист, один сапер и один инженер-фортификатор. В 1939 г. их насчитывалось 81 человек. Они вели работу непосредственно в китайских войсках и штабах. В числе военных советников в Китае были такие видные советские полководцы, как В.И.Чуйков, П.С.Рыбалко, П.Ф.Батицкий, А.И.Черепанов, А.В.Благодатов.

Перед военными советниками стояла трудная и сложная задача: в короткий срок не только обучить личный состав китайской армии владению советским оружием, которое в больших количествах поступало в Китай, но и привить командному составу современные знания по приемам и формам вооруженной борьбы, чему китайская армия не была обучена. Советские военные советники проделали большую работу по оказанию помощи китайской армии и обучению ее личного состава.

Сложность работы наших советников заключалась в частности в том, что китайский генералитет в свое время учился в военных учебных заведениях США, Англии, Японии, Германии, Франции, Италии и Швеции, поэтому приходилось иметь дело не только с разным уровнем подготовки, но и с разными школами, разными подходами к решению задач. Другой трудностью было наличие провинциальной обособленности и связанного с ней многообразия организационных форм и взглядов на использование войск в бою и т.п. Однако самым неприятным и парадоксальным, пожалуй, было то обстоятельство, что нередко, когда верховный главнокомандующий, т.е. Чан Кайши, принимал и одобрял разработанные нашими военными советниками рекомен-

дации, спуская их в виде приказов на места, эти приказы под разными предлогами не выполнялись фронтовым командованием. Имели место случаи, когда командующий китайской армии, получив приказ о наступлении, вместо наступления отводил свои войска в тыл, вместо того, чтобы оборонять город, сдавал его врагу, и за все это не нес никакого наказания. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что китайская армия включала в себя три основных формирования войск: войска центрального нанкинского правительства, или так называемые войска Чан Кайши, соединения и части провинциальных войск, во главе которых стояли фактически независимые от центрального правительства губернаторы провинций, и соединения китайской Красной армии, переименованные в 8-ю армию (18-я армейская группировка) и Новую 4-ю армию. Это были три совершенно различные воинские формирования; они резко отличались друг от друга как по своей организационной структуре, вооружению и принципам комплектования, так и по политической направленности, воспитанию и обучению. Формально они подчинялись высшему военному органу нанкинского правительства - Военному совету, возглавляемому Чан Кайши, а на деле действовали самостоятельно и обособленно. Все они воевали с оглядкой друг на друга, стараясь сохранить свои собственные войска и готовы были "пожертвовать" войсками соседей. Для китайского милитариста потерять армию означало потерять власть. Поэтому общим для них было стремление сохранить в целостности свои войска, чтобы впоследствии, когда начнется борьба за власть, быть в состоянии оказывать вооруженное давление. Этим же страдали и Чан Кайши, и Мао Цзэдун.

Основу китайской армии составляли войска центрального нанкинского правительства Чан Кайши. В их состав помимо 71 пехотной дивизии входили все виды вооруженных сил, имевшиеся в то время в Китае, а также ряд военно-учебных заведений, готовивших командный состав не только для центральных, но и для большинства провинциальных войск. По вооружению, военной подготовке и дисциплине армия центрального правительства намного превосходила провинциальные войска.

Осложняло военные действия китайской армии и работу наших военных советников и то обстоятельство, что намечаемые и разрабатываемые военно-оперативные мероприятия довольно часто становились известны противнику, так как его агентура находилась даже среди ближайшего окружения Чан Кайши. Несмотря на все это, советские военные советники работали самоотверженно, в кабинетах не сидели, большую часть времени находились в войсках, выезжали на передовую, учили показом и примером, помогали организовывать наступление и оборону.

Когда наши военные советники прибыли в Китай, японская армия победоносно шествовала по полям войны; она захватила приморские районы, наиболее развитые в промышленном и сельскохозяйственном отношении провинции Северного и Центрального Китая, в частности Чахар, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, большую часть провинций Суйюань, Шаньси, Аньхуэй, и вторглась в провинции Хэнань, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун. Противник захватил ряд крупных городов: Бэйпин (Пекин), Тяньцзинь, Шанхай, Тайюань, Баодин, Цзинань, Ханьчжоу и тогдашнюю столицу Китая Нанкин. Китай лишился около 80 миллионов населения, 60% залежей угля и железной руды, 40% добываемой соли и около 30% собираемых сельскохозяйственных продуктов. Резко снизился и военно-промышленный потенциал Китая, хотя некоторые крупные военные арсеналы были демонтированы и вывезены в глубь страны. Боевые потери (убитые, раненые, пропавшие без вести и др.)

китайской армии, за время боев за Бэйпин и Тяньцзин, Шанхай и Нанкин и другие города составили около 800 тыс. солдат и офицеров - примерно 40% личного состава 176 пехотных дивизий, существовавших на 1 января 1938 г. Особенно чувствительными были потери в технике: из 23 эскадрилий военно-воздушных сил (около 500 самолетов) осталась одна, из двух танковых батальонов - один, артиллерии 50%, из тридцати кораблей военно-морского флота общим водоизмещением 50 тыс. тонн остались две канонерские лодки, базировавшиеся на озере Дунтинху. Все это сильно снизило боевые возможности китайской армии и породило разнобой во взглядах на продолжение войны. Среди правящих кругов Китая усилились капитулянтские настроения. Их подогревали западные дипломаты, заинтересованные в сохранении статуса-кво в Китае и в направлении японской агрессии против Советского Союза. В этой сложной и запутанной обстановке шла подготовка к битве за Ухань, к овладению которым готовилась японская армия. В этой битве японский генеральный штаб преследовал цель окружить полумиллионную китайскую армию и принудить правительство Китая к капитуляции. Задача была не новой. С самого начала японо-китайской войны правящие круги Японии не раз пытались принудить правительство Чан Кайши к капитуляции, но успеха не имели. Это ставило под сомнение возможности японской военщины и японской армии поставить китайское правительство на колени. В середине лета 1938 г., сосредоточив около половины действующих в Китае военных сил на уханьском направлении, японский генеральный штаб решил одним ударом разгромить китайцев и закончить войну.

Верховное командование китайской армии ставило перед своими войсками более скромную задачу: маневрируя пространством и временем, используя подготовленные рубежи обороны, обескровить наступающие японские части и, как минимум, на одном из рубежей остановить их продвижение на запад Китая и вынудить к отходу на исходные рубежи.

Сразу же по прибытии в Китай советские военные советники включились в осуществление этой задачи, считая ее вполне выполнимой. Они помогли разработать соответствующий план военных операций, рекомендовали в каждом районе создать ударные армейские группы, поставив перед ними определенные задачи и т.п.

Сражение за Ухань продолжалось более трех месяцев. По данным китайского генштаба, общие потери японцев убитыми, ранеными и пленными составили 300 тыс. человек. Китайские потери составили примерно такое же количество.

Одной из важнейших причин длительной обороны Уханя явилась советская помощь вооружением, активная работа военных советников и боевые успехи советских летчиков-добровольцев, которые оказывали существенную помощь китайским войскам, штурмуя колонны наступавших японских войск.

Когда я представлял Чан Кайши главного советника Волгина, Чан Кайши высказал много похвал в адрес Советского Союза и советских военных советников. Он отметил, что с приездом советских советников китайские войска стали лучше воевать, поэтому имеются значительные успехи в деле сопротивления японской агрессии.

Следует также подчеркнуть, что присутствие советских военных советников в китайской армии способствовало поддержанию сотрудничества между Гоминьданом и КПК и их войсками, удерживало многих китайских генералов от открытых действий против китайских коммунистов. Хотя наши военные советники, само собой разумеется, не вмешивались во внутренние

китайские дела, тем не менее их пребывание в Китае вынуждало даже наиболее реакционные круги воздерживаться от открытых враждебных выступлений против КПК, 8-й и Новой 4-й армий.

По мнению наших военных советников, китайская армия была способна не только оказать серьезное сопротивление японским оккупантам, но, при определенных условиях, могла выбить их из пределов страны. Однако разношерстность войск, разнотипность их организации и вооружения, а главное нежелание многих китайских генералов, особенно командующих провинциальными частями, подвергать риску свои войска, отсутствие взаимодействия между ними, невыполнение приказов верховного командования и т.п. были причиной неудач и тяжелых поражений китайской армии.

К моменту моего прибытия в Китай накопилось много вопросов, подлежащих решению. Одним из этих вопросов, имевших важное значение для поддержания регулярных связей между Советским Союзом и Китаем, был вопрос об установлении авиалинии между нашими странами. Переговоры об открытии авиалинии Хами - Алма-Ата начались раньше еще в конце 1938 г. Предполагалось, что для эксплуатации этой авиалинии будет создана смешанная компания. В связи с переговорами об открытии авиасообщения между Алма-Атой и Хами китайское правительство попросило Советский Союз передать Китаю один из трех закупленных Аэрофлотом для этой линии американских самолетов, так как в то время в Китае не было свободных машин, которые могли бы поддерживать сообщение на участке Чунцин - Хами. Было очень приятно, когда 5 декабря 1939 г. после решения многих сложных политических и экономических вопросов из Чунцина вылетел первый пассажирский самолет в город Хами по новой линии Чунцин-Москва.

Во время одной из встреч Чан Кайши доверительно сообщил мне, что он намерен послать в Москву человека из высшего состава военных деятелей для разрешения ряда вопросов. На мой вопрос, кого он думает послать, Чан Кайши сказал, что это еще окончательно не решено, но он предполагает направить Хэ Яоцзу, который раньше был посланником Китая в Турции. Генерал Хэ Яоцзу был одним из доверенных лиц Чан Кайши. Одно время он был губернатором провинции Ганьсу, а во время японо-китайской войны возглавлял канцелярию верховного главнокомандующего. Через него шли все доклады главнокомандующему от военных, политических и административных учреждений. Через него отдавались и все распоряжения по управлению страной и часто приказы по войскам, минуя генеральный штаб и даже командующих военными районами. Канцелярия руководила личной разведкой Чан Кайши, которая осуществляла слежку за членами правительства, генералами, партийными и общественными деятелями. В канцелярию входил отдел по делам военных советников. В отношении наших военных советников генерал Хэ Яоцзу вел себя корректно, делился новостями и даже высказывал желание отправить сына на учебу в СССР.

Как выяснилось позднее, Чан Кайши, направляя Хэ Яоцзу в Москву, имел намерение назначить его послом Китая в СССР вместо Ян Цзэ. По словам Чжан Юаньфу, представителя нанкинского правительства при синьцзянском провинциальном правительстве, с которым я имел беседу в начале декабря 1939 г., вопрос о назначении нового китайского посла обсуждался в окружении Чан Кайши. В частности, рассматривались также кандидатуры Шао Лицзы и вдовы Сунь Ятсена - Сун Цинлин. Однако Чан Кайши остановился пока на Хэ Яоцзу.

Чжан Юаньфу был информированным человеком и интересным собеседником. Во время бесед он касался обширного круга вопросов. Так, характеризуя Центральное правительство, он говорил, что в нем имеются неустойчивые элементы, которые не прочь заключить мир с японцами. Например, Хэ Инцинь и Чжан Цюнь. Имеются, говорил он далее, бюрократы, для которых на первом месте стоит вопрос сохранения своих постов. Например, Кун Сянси, Ван Чунхуй, Вэнь Вэньхао, Чжан Цзяо и др. Но все они идут за Чан Кайши. Что касается последнего, то он является решительным сторонником продолжения войны до конца. Вся полнота власти находится в руках Чан Кайши. Остальные члены правительства никакого значения не имеют. По словам Чжан Юаньфу, во время обеда, который состоялся у Чан Кайши 13 декабря 1939 г., последний говорил, что в ближайшие 30 лет отношения между Китаем и СССР будут становиться все более прочными. Это соображение Чан Кайши мотивировал тем, что после победы над Японией, Китай должен будет строиться минимум 30 лет. В этот период помощь СССР Китаю будет крайне необходимой. Далее Чжан Юаньфу говорил о значительном улучшении отношений к Советскому Союзу со стороны китайских деятелей. Дружба Китая и СССР, говорил он, крепнет постепенно и постоянно на базе не дипломатии, а главным образом на основе практической советской помощи.

На мой вопрос об отношении США к Китаю, Чжан Юаньфу заявил, что оно очень хорошее. Находясь еще в Ханькоу, Чан Кайши лично обратился к Рузвельту с вопросом, как он относится к Китаю. Рузвельт ответил длинной телеграммой, в которой указал, что симпатизирует Китаю и желает ему победы. Развивая вопрос о своих симпатиях к Китаю, Рузвельт писал, что в раннем детстве вместе с родителями он жил в Ханькоу. О том времени у него остались очень хорошие воспоминания. Поэтому по возможности он будет оказывать помощь Китаю. Однако, заметил Чжан Юаньфу, Рузвельт указал в этой телеграмме, что он в своих действиях ограничен законом и парламентом, должен считаться с общественным мнением и учитывать обстановку. Тем не менее, писал Рузвельт, он сделает все, чтобы Китай "имел почетное место".

В действительности отношения между США и Китаем были довольно сложными. С одной стороны, с начала японо-китайской войны США проводили так называемую политику "невмешательства" в эту войну, которая на деле означала помощь Японии в войне с Китаем. США не прекратили поставок в Японию стратегических материалов и сырья даже после начала японо-китайской войны. Американские монополисты (Морган, Форд, Дюпон и др.) были тесно связаны с японскими концернами и оказывали им большую помощь в расширении военного производства, получая от этого огромные прибыли. В обмен на золото и серебро они поставляли некоторые военные материалы и Китаю, но в значительно меньших размерах, чем Японии. Американцы долгое время отказывали Китаю в займах на том основании, что не выгодно давать китайцам деньги, потому что с них все равно невозможно ничего получить. Вот когда китайцы закончат войну, тогда в целях поддержки экономического строительства Китая американцы могут предоставить им заем. Лишь в 1939 г. они представили Китаю кредит в сумме 25 млн. долл. под тунговое масло. В течение 5 лет Китай должен был поставить США 220 тыс. т тунгового масла. В то же время, ссылаясь на позицию "невмешательства" и "нейтралитета", США отказывались поставлять Китаю под этот кредит вооружение, в котором он крайне нуждался. В основном они поставляли автомашины и горючее. С другой стороны, - правящие круги США устами Рузвельта и госсекретаря Халла заявляли, что в отношении Китая они будут придерживаться позиции Вашингтонской конференции девяти держав, но огра-

ничивались выражением сочувствия Китаю и другими дипломатическими жестами, пожеланиями "кончить дело миром" и т.п.

Следует подчеркнуть, что в определенной степени правящие круги США были заинтересованы в войне между Японией и Китаем, рассчитывая на то, что в ходе войны обе стороны будут истощены и тогда им можно будет навязать такой мирный порядок, который наиболее отвечал бы интересам США на Дальнем Востоке.

Правящие круги Англии также проводили политику "невмешательства" в японо-китайскую войну и в определенной степени также были заинтересованы в ослаблении обеих воюющих сторон, чтобы с избытком восстановить свои интересы на Дальнем Востоке. В то же время они опасались роста национально-освободительной борьбы китайского народа, и Япония им нужна была как жандарм для борьбы с революционным движением как в Китае, так и на Дальнем Востоке, и прежде всего против СССР.

Что касается Франции, то она была готова также пойти на многие уступки Японии, лишь бы они не затронули ее интересы в Индокитае. Фашистская Германия с самого начала японо-китайской войны стремилась склонить Китай к капитуляции.

С началом войны в Европе в сентябре 1939 г. в позициях указанных выше стран в отношении японо-китайской войны произошли серьезные изменения. Если до европейской войны Англия и Франция были заинтересованы в сопротивлении Китая японским захватчикам и поддерживали в известной мере китайское правительство, то после начала войны в Европе они были заинтересованы в скорейшем прекращении войны в Китае. Они рассчитывали использовать ресурсы Китая для европейской войны, привлечь Японию ценой частичного признания ее завоеваний в Китае на сторону англо-французского блока и направить ее против СССР. Правящие круги США поддерживали эту позицию Англии и Франции. Поэтому через своих представителей в Китае они оказывали давление на Чан Кайши, чтобы он пошел на мир с Японией. Япония, в свою очередь, тоже была заинтересована в скорейшем прекращении войны в Китае. Активную деятельность в этом направлении проявлял Ван Цзинвэй и его сторонники. 10 сентября 1939 г. Ван Цзинвэй обратился к чунцинскому правительству вновь с призывом прекратить войну между Китаем и Японией, подчеркнув, что в момент обострения международного кризиса Китай и Япония нуждаются в тесном сотрудничестве. Таким образом, значительно возросла опасность капитуляции Китая перед Японией.

Конкретно вмешательство Франции, Англии и США в японо-китайскую войну проявлялось в следующем: правительство Франции неоднократно ставило вопрос перед китайским правительством через Велингтона Ку о прекращении войны с Японией. На французов, в свою очередь, давили японцы, требуя от них не пропускать предназначенные для Китая товары через Аннам, тем самым стремясь завершить экономическую блокаду Китая и заставить его пойти на мир. К началу 1940 г. в Хайфоне находилось 18 тыс. т различных грузов германского происхождения. Французы, боясь, с одной стороны, японцев - дрожа за свой Аннам, с другой стороны, в силу одностороннего декрета о блокаде германских товаров (товары даны в кредит и за них Китай должен поставить Германии различные руды), не пропускают германские, а попутно и советские товары через единственно удобный на сегодня выход к морю. Причем японцы свое давление на французов перевели на довольно "увесистый" разговор - бомбежку Кунмин-Юньнаньской железной дороги. Японцы это делали для того, чтобы французы давили на китайцев пойти

на мир с Японией. Видимо, французы получили от японцев некоторые заверения в том, что их интересы на Юго-Западе Китая не будут после мира ущемлены Японией. Такое положение с транзитом товаров через Аннам было очень большим ударом для Китая, ибо другого такого же удобного пути для провоза грузов китайцы тогда не имели.

Франция была готова пойти на выполнение всех требований японцев, лишь бы они не затронули ее интересы - Аннам и китайскую провинцию Юньнань. Однако между Францией и Англией в этом вопросе имелись противоречия. Англия, так же как и Франция, хотела иметь свое влияние на Юго-Западе Китая. Для этого она стала строить Кунмин-Бирманскую железную дорогу, намереваясь выкачивать богатства Китая из юго-западных провинций: Сычуань, Сикан, Юньнань, Гуанси (руды, тунговое масло, шерсть, поступающую из северо-западных провинций). В этом вопросе их интересы сталкивались с американскими. США являлись тогда почти монополистом в закупке сычуаньского тунгового масла.

Несмотря на имевшиеся между ними серьезные межимпериалистические противоречия в Китае и на Дальнем Востоке, Англия, Франция и США с началом европейской войны ставили перед собой в сущности одинаковые задачи: 1) "помирить" Японию с Китаем за счет Китая; 2) с избытком восстановить свои интересы в Китае и на Дальнем Востоке; 3) Сохранить Японию и натравить ее на СССР.

В связи с началом войны в Европе произошли серьезные изменения в политике и настроениях правящих кругов Китая. Капитулянтские элементы и их лидеры, особенно Хэ Инцинь, Чжан Цюнь, Кун Сянси и др., активизировали свою деятельность, настаивая на необходимости пойти на мир с Японией. Они подчеркивали, что Китай один вести войну против Японии не может, а друзья Китая ненадежны. Начались колебания и среди так называемых "твердо" стоящих на позициях продолжения войны до победного конца. Даже такие лица, как Сун Цзывэнь, стали сомневаться в благоприятном исходе войны Китая с Японией. Они полагали, что китайский вопрос может быть разрешен только после окончания европейской войны; Чан Кайши придерживался такого же мнения. Он считал, что европейская война закончится быстро, в течение одного года, и возлагал на нее большие надежды в плане разрешения и японо-китайской войны. Он говорил, что Китай не может открыто говорить о своей дальнейшей внешней ориентации, о своей ориентации в международной политике. В данное время, указывал он, Китай должен пристально наблюдать за развивающимися событиями в Европе и только после разрешения европейского вопроса определить свое отношение к различным странам, т. е. свою внешнюю политику. Поэтому он дал указание министерству пропаганды не публиковать каких-либо статей с оценкой отношения Китая к США, Англии, Франции, Германии, СССР и другим странам, мотивируя это нежеланием обострять взаимоотношения с этими странами, так как Китай не знает, какая из этих стран будет действительно другом Китая.

А.С.Титов - в 1939-1942 гг. - сотрудник Полпредства СССР в Китае, в 1945-1947 гг. - сотрудник Генконсульства в Пекине, 1948-1950 гг. - вице-консул и и.о. Генконсула в г.Тяньцзине, уполномоченный ВОКС'а, в 1964-1987 гг. - научный сотрудник ИДВ РАН.

Восток-Запад

Китайские либералы XX века: поиски синтеза культур Востока и Запада

© 1995

С. Белоусов

Адам Смит в свое время заметил: "Единственное, чем Китай мог бы похвастаться на встрече всех наций мира, так это выкриком "Я приготовил чай!" На протяжении веков так оно и было. Желтый Дракон - символ императорской власти - безмятежно дремал под шелковым балдахином. Но потом все изменилось.

Двадцатый век стал для Китая веком небывалой революционной трансформации во всех областях жизни общества, что сопровождалось болезненным и неоднозначным, порой непоследовательным, но по сути неизбежным процессом отказа от всего старого и отжившего, веком, в котором ведущие умы были заняты поисками политической стратегии и тактики национального возрождения. И если однажды Наполеон имел все основания заметить, что "Китай спит", то теперь страна и ее мысль пробудились.

Многие традиционные институты, господствовавшие в обществе на протяжении двух тысячелетий, продемонстрировали свою историческую неадекватность по мере военного, экономического и культурного проникновения Запада в Китай в XIX в. Их разложение "должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух"¹. Значительное активизирующее воздействие на этот процесс, помимо "опиумных войн", оказали позднее Синьхайская революция 1911 г., первая мировая война, октябрьский переворот 1917 г. в России и, наконец, "движение 4 мая" 1919 г. в Китае. История "Поднебесной" как история медленных ритмов, устойчивых стереотипов и табуированных традиций закончилась. В конечном счете человечество стало свидетелем парадоксального факта: "Опиум, вместо усыпляющего, оказал пробуждающее действия"².

Предваряя дальнейшее изложение, сразу же поясним, что в контексте данной работы нас будут интересовать не аксессуары "философской веры", а анализ эволюции идей, преемственность традиции и, разумеется, параллель-

ные изменения в ее лоне. В этой связи можно вспомнить слова А.Моруа: "Цивилизации подобны заколдованным замкам. Они существуют лишь до тех пор, пока мы в них верим".

Итак, невольное убеждение в несомненных преимуществах некоторых сторон западной цивилизации, рост недовольства зависимым положением страны и обусловленное этим обострение националистических настроений, но и - одновременно - отказ от геополитической детерминированности своей судьбы (т.е. осознание передовой частью интеллектуалов принципиального единства судеб исторического развития Китая и остального мира), равно как и, добавим, консолидировавшее их понимание необходимости кардинальных реформ, - все это заставило представителей либеральной интеллигенции обратиться к заинтересованному и подробному (хотя, надо сказать, и беспорядочному и порой какому-то лихорадочному) изучению западных доктрин, которые, с их точки зрения, можно было в той или иной степени использовать для осуществления национальной реконструкции в кратчайшие сроки.

Иными словами, тяжелое международное положение, сложная внутриполитическая ситуация, сложившиеся в Китае к началу XX в., и стремление вывести страну из кризиса, поставило идеологов "новой" интеллигенции перед сложной альтернативой, связанной с отношением к освященным веками традициям: должны ли они быть сохранены или отброшены? Возможен ли синтез старого и нового, традиционализма и модернизма? В какой степени должны быть сохранены черты старой "веры" и философии, догматы отечественного духовного наследия (прежде всего канонизированные основным формантом ортодоксальной идеологии - конфуцианством) и в какой мере возможны заимствование, имитация или адаптация ценностей инациональной (и как многие считали, чужеродной) западной культуры - от оптимального решения этого принципиального "вопроса вопросов", связанного в конечном счете с выбором пути общественного развития, самым непосредственным образом зависело направление политических и социально-экономических реформ.

Важно отметить, что Китаем и китайцами кризисная ситуация воспринималась особенно болезненно. Ведь это был кризис в еще недавно высокосбалансированном обществе с веками складывавшейся и шлифовавшейся автохтонной культурой. Поэтому, с одной стороны, усиливавшийся натиск буржуазии на весь комплекс конфуцианской и вообще отечественной системы ценностей и сама мысль о возможности, а может быть и неизбежности, отсечения отдельных частей от этого незыблемого, казалось бы, монолита (т.е. отречение от глубоко укоренившихся в сознании социально-политических доктрин и интегрированных в общество институтов) порождало серьезные трудности хотя бы психологического характера. С другой стороны, формирование современной национальной государственности, несомненно, требовало новой структуры. Но традиционное и здесь могло предложить компенсацию. Оно подсказывало, что любая заимствованная идея может и должна быть "переварена" и адаптирована к национальной самобытности - только в этом случае она сможет прижиться и оказать позитивное воздействие на процесс "национальной реконструкции" (гайцзао) или "национального возрождения" (цзайшэн). Как бы то ни было, вряд ли мы ошибемся, если скажем, что в интеллектуальной области, как и во всех прочих, революция не была тотальной: в большинстве случаев "новая" интеллигенция Китая при решении дихотомии "Восток - Запад" приходила к выводу о необходимости ассимиляции европейских доктрин в контексте национальной специфики.

Главной и наиболее динамичной силой в процессе поиска рецептов, реально обеспечивающих модернизацию Китая в соответствии с требованиями

времени, стало новое поколение интеллигенции, формированию которого способствовали изменения социально-исторических условий, коренные перемены в сфере образования и т.п. К этому поколению интеллектуальной элиты принадлежали и создатели китайской версии европейской социал-реформистской концепции "государственного социализма" Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь - лидеры Прогрессивной партии (Цзиньбудан) и Исследовательской группы (Яньцзюси), а впоследствии Государственно-социалистической партии (Гоцзя шэхуэй дан) и Демократическо-социалистической партии (Миньчжу шэхуэй дан)³.

Люди, вступившие в жизнь в один и тот же исторический период и воспитывавшиеся в одной социальной среде, неизбежно подвергаются, прежде всего в период своего формирования, аналогичным влияниям. Поэтому Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь интересуют нас как типичные (хотя и далеко не ординарные) фигуры китайского "ренессанса" XX в., заметные представители узкого и элитарного, но весьма и весьма влиятельного социального слоя "litterati", в индивидуальной деятельности которых, в трактовке традиционного наследия, прежде всего конфуцианства, сфокусировался дух времени, общественное сознание породившей и сформировавшей их эпохи.

Тогдашних представителей интеллектуальной элиты, пытавшихся на свой лад осмыслить национальное возрождение, в широком идейно-политическом плане можно разделить на три основные группы: "традиционалисты", "западники" и "синтезаторы"⁴. Будучи представителями "новой" интеллигенции, воспитанной, с одной стороны, в духе старокитайских, конфуцианских представлений, а с другой, - непосредственно соприкоснувшейся с новой системой образования и достижениями европейской цивилизации, Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь испытывали значительное влияние и национальной традиции, и западной мысли, став в результате наиболее характерными представителями синкретического реформизма. Их идеологическая ориентация определялась пропагандой идеи "синтеза западной (буржуазной) философии и китайской традиционной идеологии, главным образом конфуцианства"⁵.

Во избежание недоразумений сразу же поясним, что понимается в данном случае под синтезом, какое концептуальное содержание вкладывается в понятие синкретического реформизма.

В последние годы наши востоковеды приложили немало усилий для методологического обоснования концепции синтеза традиционного и современного в развивающихся странах⁶. Эти усилия нашли свое завершение в фундаментальном труде "Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного"⁷. Авторы монографии акцентируют тот существенный момент, что применительно к странам Востока надо говорить не только и не столько о наличии традиций, сколько о сохранении самих структурных элементов традиционного. Другими словами, процесс общественного развития этих стран обуславливается не параллельной эволюцией восточного и западного, традиционализма и модернизма; речь идет об их синтезе, т.е. "их компромиссной структурно-функциональной сочлененности, сцепленности и взаимодействии, альтернативой чему явился бы распад данного общественно-государственного организма". Подчеркивается также, что традиционное на Востоке модернизируется не само по себе, а именно в синтезе, который в большинстве случаев представляет собой общественный компромисс. Процесс этот интересен взаимным влиянием; с одной стороны, в ходе синтеза традиционное трансформируется под воздействием современного, а с другой, - идет встречный процесс: "Современное также видоизменяется, определенным образом приспособляется к традиционному, иначе компромисс (синтез) был бы просто невозможен"⁸.

Возвращаясь к конкретным условиям Китая, отметим, что в первые десятилетия XX в. в китайском либерализме уже отчетливо оформилось направление, стремившееся к синтезу традиционализма и модернизма⁹. Его представители (Лян Цичао, Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь, Хэ Линь, Чэнь Лифу и др.) вслед за Б. Расселом (который, кстати, одним из первых выдвинул идею синтеза Востока и Запада) придерживались той точки зрения, что альтернатива строгому следованию традициям (позиция, в частности, "неоконфуцианской школы" - синь жуцзя - Лянь Шумина, Сюн Шили, Фэн Юланя) заключается отнюдь не в огульном отрицании самобытных структур и ценностей (позиция Ху Ши и вообще группы "сомневающих в древности" - и гу пай - Гу Цзегана, Цянь Чюаньтуна, Мэй Сыпина, а также "неонигилистов" во главе с анархистом Чжу Цяньчжи)¹⁰ и, рассматривая отечественное культурное наследие как необходимый атрибут и духовную основу национального возрождения, пытались тем не менее переосмыслить связь традиционного и национального, признавая возможность и необходимость нового, современного прочтения традиций, конфуцианского наследия и модернизации китайского общества с учетом достижений западной цивилизации.

Здесь можно отметить, что возникновение тенденции синтеза не было чем-то неожиданным для Китая. Напротив. В новейший период истории синкретический подход был характерен для китайских идеолого-политических деятелей всех поколений и направлений. По крайней мере в XX в. - от Лянь Цичао и Сунь Ятсена, через Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня, Фэн Юланя и Хэ Линя и до Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина (исключение здесь - разве что все тот же Ху Ши). Очевидно, что помимо тех или иных объективных факторов здесь сказывается не только социальная позиция, но и выработавшийся веками практицизм китайского ума, предписывающий утилизировать все, что, как представляется, может служить поставленной цели, коль скоро цель эта велика и насущна.

Таким образом, амбивалентность переживаний заставляла китайцев, в том числе Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня, искать перспективу Китая на пути синтеза позитивных, с их точки зрения, элементов китайской и западной цивилизаций. Их подход характеризовался стремлением найти аналоги зарубежных учений в отечественной, прежде всего конфуцианской, традиции и выработать их собственную трактовку. Это, впрочем, как уже говорилось, присуще всей китайской традиции заимствования иностранного (да в стране высокой культуры иначе и быть не может). Если использовать выражение академика В.М.Алексеева, они пытались, вслед за Лян Цичао, сочетать собственно "туземный материал с некоторыми теориями уже европейского типа"¹¹. Однако понимая, что известное заимствование европейских доктрин и институтов неизбежно, они тем не менее снисходительно считали Запад лишь объектом заимствования, к которому в силу объективных, но преходящих обстоятельств, они вынуждены обращаться на данном, неблагоприятном для оригинальной мысли этапе. Иными словами, значительное влияние стереотипов традиционного мышления, конкретнее - его китаеццентристские аспекты - заставляли их расценивать себя как представителей древнейшей цивилизации с наиболее развитой системой духовных ценностей, а потому не подлежащими внешней контаминации и обладающими достаточной степенью иммунитета к обаянию и тем более диктату европейской культуры. Западу в их расчетах отводилась пассивная роль: он рассматривался не более как потенциал средств совершенствования китайской цивилизации.

Взгляды Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня на синтез культур Востока и Запада претерпели существенную эволюцию. Например, кажется парадок-

сальным факт самого активного их участия в "движении за новую культуру" (тем более, что возглавлявшиеся ими периодические издания оказались в числе наиболее решительных и влиятельных сторонников радикализации идеологии). Ведь главным объектом атаки движения было конфуцианство, а лидеры Исследовательской группы незадолго до этого зарекомендовали себя как раз как адепты "сохранения и возрождения в новом качестве непреходящих ценностей этого учения". Но именно эта последняя оговорка - о "новом качестве" - и объясняет кажущийся парадоксальным факт резкой перемены их идеологической ориентации. Дело в том, что к концу 10-х годов большинство представителей "новой" интеллигенции, декларируя свою приверженность западничеству, по-прежнему испытывали влияние глубоко интегрированных в сознание традиционных стереотипов. Подчас сама критика конфуцианства приобретала традиционные черты (например, у У Юя), и даже такой впоследствии решительный сторонник марксизма, как Ли Дачжао, считал, что "классическое" конфуцианство (а не "фальсифицированное", с которым и велась, по его мнению, борьба) может способствовать развитию прогрессивных социальных идей¹². Что касается Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня, то росло их увлечение западными ценностями, идеи "национальной реконструкции" и "самоусиления" все гуще окрашивались в модернизаторские тона, поскольку перспективы "возрождения былого величия Китая" все больше отождествлялись с модернизацией по западному образцу¹³. В результате они оказались перед сложной дилеммой, связанной с отказом либо от традиционализма, либо от модернизма. Сохраняя приверженность первому, но и осознавая необходимость его "осовременивания", они стали искать выход на пути вестернизации традиции.

В своих работах, написанных в 30-е годы, Чжан Цзюньмай, развивая идеи, выдвинутые Лян Цичао еще в 1918-1919 гг., настаивал, что реформа в Китае должна начаться с области человеческих отношений и призвана сконструировать новую культуру¹⁴, которая послужит основой формирования современных политической и экономической систем. Иначе говоря, Чжан Цзюньмай, как, впрочем, и Чжан Дунсунь и некоторые другие их влиятельные единомышленники, видел тесную связь между политической и социально-экономической жизнью китайского общества, с одной стороны, и культурой, - с другой. Культурные идеалы и ценности возникают в ходе общественной практики, оказывают на нее свое воздействие и тем самым включаются в нее вместе с социально-экономическими институтами. Скорее всего он был прав, поскольку проблему выбора путей культурного развития действительно нельзя было решать в отрыве от проблем политических и социальных - и, соответственно, наоборот. Однако Чжан Цзюньмай (для которого культура состоит из идеального и материального, но именно сознание определяет материальное в культуре) безоговорочно отдавал приоритет духовному, утверждая, что политические и экономические преобразования зависят в первую очередь от трансформации "философии жизни" в сознании людей, а это, в свою очередь, должно обеспечить становление новой культуры. "При новой культуре, - писал Чжан, - со всей неизбежностью произойдет политическая и экономическая перестройка; без нее же политическая и экономическая перестройка будут как деревья без корней, как воды без источников"¹⁵.

Таким образом, с точки зрения Чжан Цзюньмай, все или почти все стимулы, исходящие из экономической, политической, социальной сферы неизбежно проходят сквозь фильтры ментальности и культуры и только потом в преобразованном (порой существенно) виде становятся пружинами социального интереса и поведения.

Надо сказать, что Чжан Цзюньмай, обращаясь к проблеме развития культуры в рамках своей концепции синтеза, признавал, что комплексу старокитайских конфуцианских стереотипов и культуре в целом присущи определенные, порой существенные недостатки. Такие ее черты, как абсолютная монархия, зависимое положение в семье, недостаточное внимание к воспитанию логического мышления в системе образования и т.п. препятствовали свободному полету мысли и оставляли негативный след в формировании крупнейших философских систем. Все это предопределяло скептическое отношение китайцев к изучению и познанию законов природы¹⁶. Кроме того, Чжан заявлял о слабости интеллектуальной традиции китайской цивилизации в мысли ее "исторической актуальности", применимости в неизменном виде в новую эпоху¹⁷. Он считал, что конфуцианство времен Ханьской династии (206 г. до н.э. - 220 г. н.э.) и неоконфуцианство (ли сюэ) периода Сун (960-1279) не могут в своем оригинальном виде служить той духовной основой, на которой должно строиться современное развитие Китая. "От Конфуция и Мэн-цзы, - писал Чжан, - до неоконфуцианства при династиях Сун и Мин основное внимание уделялось разработке моральных принципов. Сущностью и духом современных систем правления является демократия, черты которой нельзя найти в классических учениях Китая. Что касается образования, то современные методы дедукции и индукции также отсутствуют в китайской традиции. Чем продолжать поклоняться могилам древних, лучше откровенно признать тот факт, что нашу будущую культуру надо создавать заново"¹⁸.

Однако в отличие, скажем, от Ху Ши (выдвинувшего, как известно, лозунг "Покончим со всем этим конфуцианским вздором!" - дадао Кунцзя дьянь) критика социальной и культурной отсталости Китая отнюдь не сочеталась у Чжан Цзюньмая с нигилистическим отношением к конфуцианству и национальной культуре в целом, с проповедью всесторонней и безоговорочной вестернизации страны. Напротив. Чжан до конца жизни верил в мессианский характер китайской культуры, прежде всего конфуцианского (и неоконфуцианского) комплекса ценностей. Поэтому "создавать культуру Китая заново" в его понимании означало: воспринять все лучшее в культуре Запада, перенести на условия Китая и использовать для утверждения последнего в мире. Несмотря на то, что заимствования, вплоть до имитации, невозможно избежать на первоначальном этапе, в принципе для Китая важен не слепой механический плагиат, но творческое переосмысление положительных, с его точки зрения, аспектов западной цивилизации, то есть тех, "в которых страна нуждается в наибольшей степени" и которые, к тому же, более других отвечают понятию "национальной самобытности" (миньго тэсэ). Китай не должен копировать фасад европейской культуры, но воспринять самое ее "актуальное существо" (ее "дух современности") и адаптировать применительно к традиционным китайским ценностям, избегая огульного отрицания собственного культурного наследия. Из последнего, в свою очередь, также необходимо отобрать те элементы, которые "могут быть применимы в новую эпоху". Вкратце, "Китай не должен потерять себя" - только в этом случае у страны будет мерило отбора и основа создания синтетического учения¹⁹.

Испытывая значительное влияние взглядов Р.Эйкена и А.Бергсона, прежде всего разработанных ими концепций "метафизики духа" и "интуитивного восприятия", Чжан Цзюньмай, тем не менее, не принял полностью их "антиинтеллектуализма", предлагая сделать в этом вопросе уступку неокантианству²⁰. Это колебание китайского теоретика между витализмом и идеализмом, интуицией и разумом в значительной степени объясняется воздействием прочно укоренившихся в его создании положений классической

китайской философии - ведь "всепроникающая" функция интуиции и принцип "разума" (в неоконфуцианской трактовке) существовали и даже доминировали в китайской мысли на протяжении веков. Поэтому теории Р.Эйкена, А.Бергсона, И.Канта не были для Чжан Цзюньмай откровением - они были для него новыми лишь постольку, поскольку давали логический эквивалент отечественным доктринам: теоретические построения первых двух европейских философов являлись необходимым дополнением к воззрениям крупнейшего философа XV-XVI вв. Ван Янмина (Ван Шоужэня), а в учении Канта он нашел много сходных черт со взглядами одного из основоположников неоконфуцианства Чжу Си. Но главный вопрос для него заключался в поисках тех моментов, которые объединяли бы учения этих мыслителей в единую стройную систему, т.е. в достижении синтеза интуитивного и интеллектуального. В результате Чжан предпринимал попытки предложить собственный вариант решения проблемы, тем более что он, как, кстати, и Чжан Дунсунь, был убежден в способности отечественной традиции к крупному синтезу, обосновывая свою уверенность ссылкой на адаптацию буддизма и создание собственного направления в этом учении (школы чань). Если Китай был способен к этому в прошлом, рассуждал Чжан Цзюньмай, нет никаких оснований сомневаться, что это удастся и в современную эпоху, уже применительно к достижениям западной культуры²¹.

Что касается Чжан Дунсуна, то он стремился подходить к проблеме синтеза с аналогичных позиций: для него характерны попытки решить ее путем проведения параллелей между философией Востока (в первую очередь, конечно, Китая) и Запада, выявляя сходство и различия между ними не через поверхностное изучение внешней стороны общественных институтов, а путем анализа сущностного содержания основных концепций, созданных двумя цивилизациями²². Иначе говоря, существенным параметром его методологии был сравнительно-типологический подход к изучаемым цивилизациям, обществам и институтам. Компаративистика играла роль эксперимента.

Как и Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь видел истоки своих взглядов в национальной традиции, определенные элементы которой он считал возможным включить в вырабатывавшуюся им на протяжении всей жизни концепцию "синтетической демократической системы". Признавая, что его трактовка, например, феномена личности была сформирована в основном путем заимствования из зарубежных учений²³, Чжан Дунсунь, тем не менее, настаивал: такие черты отечественного наследия, как "признание важности индивидуального" и "уважение к человеческому достоинству" могут и, более того, должны получить дальнейшее развитие, что позволит им сблизиться с западной концепцией личности²⁴.

Разрабатывая свою трактовку демократии, Чжан Дунсунь заимствовал концепцию "общей (единой) воли" (цзыю чжи) и теорию "народного согласия" (о которых, кстати, сочувственно отзывался и Чжан Цзюньмай, а еще раньше - и Сунь Ятсен, в чьем принципе "народовластия" вполне ощущается влияние "Общественного договора") у Ж.-Ж.Руссо, пытаюсь (как, например, и член группы "Новолуние" либерал Ло Лунцзи) связать их с учением английского философа-утилитариста И.Бентама о "пользе для большинства людей", считая, что его трактовка (как практическая формула, выраженная в соотношении "общественное благо" = "всеобщему счастью") вполне применимо к определенной стадии развития демократии²⁵.

Чжан Дунсунь испытывал и заметное влияние идей И.Канта, рассматривая мораль как "самоограничение", практикуемое разумным существом; она играет главную роль в нравственном формировании как отдельной личности,

так и общества в целом. С другой стороны, Чжан не избежал воздействия и традиционной веры самих китайцев в моральное развитие и "самосовершенствование" (цзы сю), прежде всего неоконфуцианских идей периода сунской и минской династий²⁶.

Релятивистское отношение Чжан Дунсуня к конфуцианскому наследию, стремление найти в нем хотя бы приблизительные аналоги западным идеям и категориям наиболее отчетливо видно на примере интерпретирования им феномена свободы, не имевшего удовлетворительного аналога в национальной традиции. Однако Чжан находил его эквивалент в китайской концепции "самоудовлетворения" (цзы дэ), которое достигается, когда "каждый следует своей природе" и "живет в гармонии с разумом" (или, по выражению Мэн-цзы, когда "Вся тьма вещей обретает полноту внутри меня")²⁷. Свобода, таким образом, не была для Чжан Дунсуня синонимом произвола.

Таким образом, Чжан Дунсунь и Чжан Цзюньмай персонифицировали ту форму восточного философского национализма, которая проявляется чаще всего в попытках найти в древней и средневековой отечественной мысли идеи, аналогичные или тождественные положениям современной буржуазной философии и даже предвосхитившие их. В целом можно сказать, что в предложенной ими модификации синкретического реформизма Чжаны следовали в своих рассуждениях в известной степени за лидером реформаторов Кан Ювэем и - в большей степени - за своим учителем Лян Цичао, который одним из первых среди китайцев выдвинул идею синтеза двух культур. Их трактовка в определенной степени вызывает также реминисценции и с известной формулой Чжан Чжидуна: "Китайское - за (духовную) основу, западное - для (практического) применения" (Чжунго бэнь вэй, Сифан ши юн)²⁸. Свою позицию в этом вопросе Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь недвусмысленно выразили, в частности, позднее, в 1938 г., в письме к Чан Кайши, где писали: "Мы придерживаемся той точки зрения, что Китай, будучи государством древних традиций, должен развиваться под влиянием традиционных систем мышления". Далее, говоря о том, что Сунь Ятсен "в своих попытках адаптации западных политических идеалов никогда не забывал привести в них дух китайской традиции", авторы письма подчеркивали, что полностью солидаризируются с таким подходом к проблеме²⁹.

Хотя идеи синтеза, выдвинутые Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем, формально относились прежде всего к области формирования национальной культуры, в целом значение их концепций шире, они несут в себе более глубокое содержание. Предлагавшийся вариант синтеза распространялся на сферу политической и социальной философии, этики и культуры в целом (симбиоза гуманитарной культуры и социокультуры, - т.е. "цивилизации"), на всю совокупность личной и общественной жизни. В силу благоприобретенного "отвлеченного рационализма" западной философии, наложившегося на стереотипы традиционного мышления, Чжаны надеялись со своих национал-реформистских позиций создать оригинальную универсальную систему взглядов, синтезирующую в себе экономические, политические и просветительские идеи. Чжан Цзюньмай, как говорилось выше, утилизировал не только идеализм Канта, иррационалистическое учение Р.Эйкена о "духовном (внутреннем) единстве" и "динамический процесс" Бергсона, но и функционализм английского логика и философа А.Н.Уайтхеда³⁰ и, кроме того, неоконфуцианскую "философию разума". Система его взглядов предстала в результате как сложный конгломерат из концепций Эйкена, Бергсона и Ван Янмина³¹.

Что касается Чжан Дунсуня, то генеалогия сделанного им акцента на "разуме" или "интеллекте" (лисин) восходит, с одной стороны, также к не-

оконфуцианству, а с другой, - к учениям Канта и отчасти Б.Спинозы; социологический же аспект его мировоззренческих позиций складывался под влиянием идей таких современных теоретиков, как немецкий социолог К.Маннгейм и польско-австрийский социал-дарвинист Л.Гумплович. Надо сказать, что сам Чжан Дунсунь вполне отдавал себе отчет в эклектизме собственной системы, откровенно определив ее гносеологический синтез как "эпистемологический плюрализм" (доюань жэньши лунь), включавший, по признанию самого философа, элементы учений И.Канта, К.И.Льюиса (американского философа и основателя современной модальной логики), того же А.Н.Уайтхеда и даже элементы теории английского астронома, сторонника релятивистской космологии А.С.Эддингтона. Однако это признание в эклектичности вряд ли можно назвать самокритичным, поскольку Чжан с некоторым даже апломбом любил повторять, что хотя ему и "приходится называть себя эклектиком", тем не менее, при интеграции различных элементов чужих теорий в общую стройную систему, им была выработана "не менее оригинальная собственная трактовка"³².

В данном случае воздействие отечественного духовного наследия сводилось, по существу, к доминирующему влиянию конфуцианской доктрины - и как системы принципов, лежащей в основе социально-политической структуры общества, и как квинтэссенции китайской морали и культуры; что касается западной мысли, то здесь можно говорить о воздействии широкого спектра буржуазных учений и теорий. Увидев перспективу развития Китая на путях достижения синтеза преимущественных, с их точки зрения, сторон восточной (традиционной китайской) и западной цивилизаций, Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсунь стали одними из создателей самостоятельного направления общественно-политической мысли и соответствующего политического движения, которое можно дефинировать как синкретический национал-реформизм, расценивавшийся будущими теоретиками "государственного социализма" в качестве "повивальной бабки" социал-реформистских нововведений в контексте национальной специфики.

В нашей научной литературе последних лет отмечается, что при констатации "многослойности мировоззрения" необходимо определить, что представляет собой конечная форма: синтез равноправных элементов, либо результат поглощения и переработки одним из них идей и методов другого. С нашей точки зрения, в рассматриваемом случае есть все основания говорить о доминировании второго подхода, сводившегося, вкратце, к реинтерпретации национальной традиции, ее "осовремениванию" путем ассимиляции некоторых сторон западных теорий.

Необходимо подчеркнуть, что концепция синтеза, чтобы не остаться мертворожденной, должна характеризоваться некоторыми важнейшими чертами, без которых она не получает права на существование: это, прежде всего, динамичность синтетической модели, а также антагонистическое единство составляющих синтез компонентов³³. Оба этих обстоятельства чаще всего игнорировались Чжан Цзюньмаем и Чжан Дунсунем, в результате чего создавалось превратное впечатление о возможности достижения синтеза, гармоничности взаимоотношений между традиционным и современным (восточным и западным). Подобную трактовку можно рассматривать как наглядный пример того, что только путем отхода от конкретно-формационной трактовки (т.е. ценой выхолащивания конкретно-исторической сущности из понятий традиционализма и модернизма) возможно представить их взаимосвязь как "органическую". Лидеры Исследовательской группы по существу развивали несколько деформированный западным влиянием конфуцианский идеализм,

пытаясь достичь его компромиссной структурно-функциональной сочлененности с различными теориями Запада. В широком историческом смысле подобный вариант синтеза бесперспективен: он допускает известную количественную эволюцию, тогда как для принципиальных качественных изменений необходима радикальная эволюция в политической области, которая позволила бы безболезненно "вплести" традиционное в современное³⁴.

Тем не менее, нельзя, разумеется, говорить о какой-то бесплодности усилий Чжан Цзюньма и Чжан Дунсуна. Они искренне и небезуспешно боролись против превращения традиции в мертвый реликт и вполне убедительно (безотносительно к практическому результату) доказали, что история духовной культуры действительно имеет своей целью аккумуляцию общечеловеческих духовных ценностей и оживление их в интересах ныне живущих поколений, чтобы превратить классическое наследие в реальную духовную и, более того, материальную силу современности.

Конкретно-исторический анализ созданной Чжан Цзюньма и Чжан Дунсунем разновидности синтетической модели представляет интерес еще и потому, что они не ограничились конструированием теории культурно-исторического синтеза традиционного (китайского) и современного (западного), а экстраполировали ее на возможность "сочетания" капитализма и социализма. Говоря конкретнее, политическая доктрина возглавлявшейся ими Государственно-социалистической партии, основанная на национал-реформистской идее "третьего пути" развития, трансформировалась в практической области в концепцию "среднего политического курса" (чжунцзянь лусянь), лежащего между линиями гоминьдана и компартии, а в более широком плане - между капитализмом и социализмом. Одной из главных характеристик этой концепции стала конфуцианская "политэкономическая" идея о государственном регулировании социально-экономических процессов, контроле государства над ключевыми отраслями экономического организма - в противоположность знаменитому политэкономическому лозунгу физиократов "Laisser faire, laisser passer". Идея государственного вмешательства чрезвычайно импонировала китайским либералам, поскольку аналоги ее легко можно было найти в истории Китая (вспомним хотя бы реформы Ван Мана). Кроме того, китайская версия "государственного социализма" строилась на доктрине гармоничного сочетания интересов всех слоев общества, на чем неизменно настаивало конфуцианство. Говоря современным политологическим языком, имелось в виду социальное партнерство и сотрудничество на основе национальной идеи³⁵.

В целом, теория синтеза китайской и западной культур, традиционного и современного отражала настроения той значительной и влиятельной части китайской либеральной буржуазии, которая ратовала за осуществление определенных верхушечных реформ, необходимых, с ее точки зрения, для превращения Китая в независимое и сильное национальное государство.

В заключение можно вспомнить слова Германа Гессе, который отмечал, что при анализе дихотомии (реальной или мнимой) "Восток - Запад", человека "вдруг озаряет странная мысль о возможности синтеза обоих миров. Ибо в великом незнакомце Конфузии мы открываем, по существу, те же самые глубинные свойства, что давно знакомы нам у великих людей западной истории"³⁶.

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. - Соч. - Т. 9. - С. 100.
2. Там же. - С. 99.

3. См.: С.Р.Белоусов. Китайская версия "государственного социализма" (20-40-е годы XX в.). - Москва, 1989.
4. Внутри этих групп, безусловно, существовали свои градации, связанные с той или иной степенью категоричности отношения к возможности использования ценностей отечественного наследия в новых исторических условиях. Надо сказать, что в некоторых работах дается несколько иная классификация - упоминаются, в частности, "националисты-традиционалисты", "националисты-либералы" и т.п. (In: China in 1920s: Nationalism and Revolution. - N.Y., 1976); однако, как нам представляется, предлагаемый здесь вариант наиболее точно отражает тогдашнюю расстановку сил.
5. В.Г.Буров. Современная китайская философия. - Москва, 1980. - С. 40.
6. См.: О.Е.Непомнин. Переходное общество в Китае: Этапы восхождения синтезированной системы. - Москва, 1981. - С. 40-50; Л.Р.Полонская, А.Х.Вафа. Восток: Идеи и идеологи. - Москва, 1982.
7. Эволюция восточных обществ: Синтез традиционного и современного. - Москва, 1984.
8. Эволюция восточных обществ. - С. 12.
9. См.: О.Е.Непомнин. Переходное общество в Китае. - С. 40-41, 49-50.
10. См.: Чжоу Лунбин. "Цюаньпань сихуа" лунь дэ гоцуй хэ сяньцзай (Прошлое и настоящее концепции "полной вестернизации"). - Хунци, 1987. - N 8. - С. 28-34; Е.Ю.Стабурова. Анархизм в Китае. - М., 1983. - С. 125.
11. В.М.Алексеев. Наука о Востоке: Статьи и документы. - Москва, 1982. - С. 177.
12. См.: Р.Фельбер. Отношение Ли Дачжао к традициям старого Китая. - Китай: Общество и государство. - Москва, 1983. - С. 230-233; С.Р.Белоусов. Судьба китайского марксиста. - Москва, 1988.
13. См.: Д.Н.Воскресенский. Место Запада в рассуждениях китайских литераторов начала XX в. о "самоусилении": Общество и государство в Китае. - Москва, 1981.
14. В контексте данной работы и применительно к синкретической концепции Чжан Цзюньмай и Чжан Дунсуня понятие "культура", "культурное развитие" подразумевает, разумеется, не трактовку О.Шпенглера из "Заката Европы" ("цивилизация - это стагнация культуры"). Имеется в виду цивилизационное взаимодействие, т.е. не столько гуманитарная культура, создающая духовно-эстетические ценности, но симбиоз последней с социокультурной, вырабатывающей стереотипы мышления, мировоззрения и социального поведения в рамках конкретно-исторического общества (страны, народа). Иными словами, этот симбиоз, дефинируемый в китайском языке биномом вэньмин ("цивилизация", "культура" в широком смысле), предполагает традиционную китайскую трактовку понятия и самого феномена "культуры" - как основного детерминанта жизни и общественного развития.
15. Чжан Цзюньмай. Лиго чжи дао. И мин: гоцзя шэхуэйчжуи (Принципы создания основ государства: Государственный социализм). - Б.М., 1939. - С. 278.
16. Чжан Цзюньмай. Минжи чжи Чжунго вэньхуа (Китайская культура завтрашнего дня). - Шанхай, 1936. - С. 106, 114.
17. Чжан Цзюньмай. Лиго чжи дао. - С. 277; в этой связи можно вспомнить, что Чан Кайши в свое время также говорил, что для спасения "полумертвой культуры" Китаю необходимо "нападение со стороны культуры западной".
18. Чжан Цзюньмай. Минжи чжи Чжунго вэньхуа. - С. 132.
19. Там же. - С. 159-160.
20. Чжан Цзюньмай. Во чжи чжэсюэ сысян (Мои философские взгляды). - Цзайшээн цзачжи, 1953. - Т. 4. - N 17.
21. Ch. C. Tan. Chinese Political Thought in the Twentieth Century. - Garden City (New York), 1971. - P. 264.
22. Разработке проблемы синтеза, компаративистскому изучению особенностей китайской и западной систем мышления и ценностей была посвящена трилогия, написанная Чжан Дунсунем в 1940-1945 гг. и полностью опубликованная в 1946 г. В нее вошли три книги: "Знание и культура", "Мысль и общество", "Разум и демократия". Цель этих работ заключалась в том, чтобы "на основе сравнительного анализа двух культур предсказать в какой-то степени перспективы развития китайской мысли, дополненной положениями европейской философии". - Чжан Цзюньмай. Цяньян (Предисловие). - В кн.: Чжан Дунсунь. Сысян юй шэхуэй (Мысль и общество). -

- Шанхай, 1946. - С. 1-6. В некоторых аспектах позиция Чжанов в вопросе о синтезе Востока и Запада аналогична тезису Чэнь Лифу, говорившего, что "слияние китайской и западной культур - благо для человечества". - In: Chen Lifu Eastern and Western Cultures: Confrontation or Conciliation. - New York, 1972. - P. 61 ff.
23. Подобный подход Чжан Дунсунь объяснял тем, что на Западе концепция личности стала результатом развития самосознания, а в Китае личность растворилась в концепции социально-культурной общности - "человек един с природой" - и в иерархической системе китайской семьи.
 24. Чжан Дунсунь. Лисин юй миньчжу (Разум и демократия). - Шанхай, 1946. - С. 66.
 25. Чжан Дунсунь. Сысян юй шэжуэй. - С. 167.
 26. Это видно, в частности, из утверждений Чжан Дунсуня о том, что изменение индивидуальных привычек, взглядов, мироощущения и поведения требует личных усилий человека и не зависит от перемен в экономических условиях существования.
 27. Чжан Дунсунь. Лисин юй миньчжу. - С. 178-179.
 28. Одна из программных статей Кан Ювэя, написанная еще в 1913 г., так и была озглавлена: "Полное подражание Европе и Америке и сбрасывание со счета национального наследия - пагубная ошибка Китая". - Кан Ювэй. Чжунго дяньвэй у цзай цюаньфа Оу Мэй цзинь ци го цуй шо. - Бужэнь, 1913. - N 6. Что касается Лян Ци чао, то он еще в первое десятилетие XX в. на страницах таких изданий, как "Чжэн лунь", "Гофэн бао" и др., ратовал за сохранение отечественных ценностей и познание их сущности с помощью научных методов Запада. - См.: Китай: История, экономика, культура. - Москва - Ленинград, 1940. - С. 415.
 29. Пипань Чжунго цзычаньцзеци чжунцзянь лусянь цанькао цзыляо (Справочные материалы по критике среднего курса китайской буржуазии). - Пекин, 1958. - Т. 3. - С. 2-4.
 30. Симптоматично, что А.Н.Уайтхед был соавтором трехтомного труда "Principia Mathematica" (1910-1913), написанного вместе с Б.Расселом, чьи взгляды, как уже отмечалось выше, также оказали далеко не последнее влияние на формирование мировоззренческих позиций Чжан Цзюньма и Чжан Дунсуня.
 31. W. Bauer. China and the Search for Happiness: Recuring Themes in Four Thousand Years of Chinese History. - New York, 1976. - P. 364.
 32. Чжан Дунсунь и в последующие годы предпринимал попытки дальнейшего совершенствования своей концепции, в частности, в работе "Мышление, язык и культура", опубликованной в 1938 г. в журнале "Шэжуэйсюэ ши" (Мир социологии).
 33. Эволюция восточных обществ. - С. 10-11.
 34. Эволюция восточных обществ (Обсуждение) // Народы Азии и Африки, 1987. - N 1-3.
 35. См.: С.Р.Белоусов. Об одной разновидности китайского буржуазного национализма // Проблемы Дальнего Востока. - 1983. - N 2.
 36. Восток - Запад. Исследования, переводы, публикации. Москва, 1982. - С. 207.

Клуб Конфуция

Теория конфуцианской личности (selfhood): самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии*

© 1995

Чэн Чжунъин

Конфуцианская концепция самосовершенствования ("сюэци" или "сюэнь") предполагает саморефлективное понимание индивидуальности-"самости" (self). Вне зависимости от того, является ли индивидуальность субстанцией или сущностью, обладающей собственной независимостью, это всегда центр и источник делания вещей, движения чьего-то тела или выбора в аспекте цели или видения. Помимо этого, индивидуальность-"самость" обладает рефлексивной самосознающей способностью рационального мышления, которая формулирует себя в логическом и моральном рассуждении и может развивать себя во взаимодействии с природой, культурой, знанием и историей. Обладая этим процессом развития и взаимодействия, человеческая индивидуальность-"самость" также может быть представлена как растущая в отношении к ее способностям и философским воззрениям или ценностным ориентациям. Эта динамическая и творческая сторона понятия индивидуальности-"самости" должна быть признана как отражающая тот факт, что "самость" всегда вовлечена во время и в мир. Мы можем называть эту сторону "самости" активной стороной "самости" или активной "самостью".

Но есть и другой аспект "самости", а именно та ее сторона, что дает ей идентичное сознание или сознание само-идентичности среди всех изменений в активной "самости" и тем самым возможность размышлять о вещах и своих собственных временных взаимодействиях с миром с дистанцированной или трансцендирующей точки зрения, которая предстает скрытой, неуловимой и как бы надвременной. Это та "самость", которая часто обозначается как онтологический субъект личности. Когда Декарт доказывает, что "я мыслю, следовательно я существую", осуществляющая мышление актуальная "самость" не открывается в "Я" ("I"), которое Декарт обозначает для нас как "Я".

В этом отношении субъектная "самость" не нуждается в рассмотрении как надмировое и надвременное. Некто может думать и рефлексировать во времени, хотя то, о чем он думает и рефлексировать нет нужды рассматривать как происходящее во временной последовательности. Мы называем эту "самость" "трансцендентной", поскольку она трансцендирует и дистанцирует себя от актив-

Чэн Чжунъин - почетный доктор ИДВ РАН, профессор Гавайского университета в Маунао (США).

* Тезисы доклада при вручении ему диплома "Почетный доктор ИДВ РАН"

ной "самости" и ее действию для размышлений о них: она трансцендирует, поскольку есть нечто, могущее быть трансцендированным и поскольку есть независимый источник помимо того, что объективно дано в активной "самости" для трансцендирования. Но мы по-прежнему не должны воспринимать этот трансцендентный аспект "самости" или рефлексивную "самость" как некое "трансцендентальное" условие для трансцендированной активной "самости".

Напротив, следует думать, что трансцендентная и рефлексивная "самость" является "трансцендентальной данной" со стороны трансцендированного, или, иными словами, то, что трансцендировано, служит как "трансцендентальное условие" для трансцендентного и нет необходимости в том, чтобы постулировать или овеществлять (geify) трансцендентный аспект "самости" как независимую сущность.

Подобным образом нам не надо постулировать фиксированное сверхвремя или вечность за пределами времени для того, чтобы думать о времени или о сверхвремени. Мы можем думать, что трансцендентная "самость" по-прежнему находится внутри временных структур, которые вращивают индивидуальность- "самость" (активную "самость") и субъект (трансцендентную "самость") "самости" путем рефлексии, ориентированной во времени. В конфуцианских текстах активная "самость" обозначается как "цзы", показывая то, что достигнуто, тогда как трансцендентная "самость" обозначается как "цзи", показывая источник. Полная концепция "самости" как "цзы цзи" используется в современном китайском языке.

Различение между "цзы" и "цзи" не исключает их взаимодействия и взаимного включения. Фактически самосовершенствование возможно из-за такого взаимодействия и взаимного включения, как выражено между знанием и действием, размышлением и учебой, формой и содержанием, субстанцией и функцией. Можно видеть любое теоретическое и ретроспективное действие "самости" как предмет трансцендентной "самости" и любое практическое и проджективное действие "самости" как предмет активной "самости". Оба связаны тем путем, на котором они вместе образуют самотворческую и каузальную автономность "самости". Здесь мы можем говорить о сердце-разуме (синь) личности или человеческой самоиндивидуальности (self) и ее связи с моральной природой (син) личности. Мы также должны видеть, как это самотворчество и каузальная автономия должны пониматься в функционировании моральной природы (син) в отношении к высшей реальности - Небу (тянь), которая также должна пониматься как обладающая рефлексивным (и тем самым трансцендентным) аспектом и активным аспектом.

В заключении речь пойдет о существовании свободы воли и ее функциях в конфуцианской личности, представляющей творческое единство сознания, моральной природы и Неба. Конфуцианская воля (цзи) хотя и неотъемлема от конфуцианской "самости", тем не менее является свободной именно в принципиальном понимании термина, как он встречается в западной философии. На основе этого понимания свободной воли мы увидим не только то, что самосовершенствование возможно, но и то, что моральная ответственность является необходимостью, а демократизация - в высшей степени желанной целью. Можно спорить о том, что сама по себе возможность самосовершенствования требует теории свободы воли как таковой в качестве предпосылки. В свете этого всеобъемлющий интерналистско-натуралистский этический и моральный универсализм может быть представлен и установлен из конфуцианства.

Традиции

1996 ГОД — ГОД МЫШИ (КРЫСЫ)

В некоторых китайско-русских и русско-китайских словарях китайское слово "шу" переводится на русский язык и как "мышь", или как одновременно "мышь и крыса". Так, в русско-китайском словаре, изданном в Москве в 1951 г., слово "мышь" переводится на китайский язык как "лаошу" ("почтенная мышь"), а слово "крыса" - как "далаошу" ("большая почтенная мышь"). В китайско-русском словаре, изданном в 1955 г. в Москве, китайское слово "шу" переводится на русский язык и как "мышь", и как "крыса". При ознакомлении с различными источниками китайского гороскопа автор пришел к выводу, что чаще всего встречается "год мыши", но не "год крысы".

Человек, родившийся в год Мыши (1900, 1912, 1924, 1936, 1948, 1960, 1972, 1984, 1996) согласно китайскому гороскопу, обладает приятной наружностью, целеустремлен, трудолюбив, отличается аккуратностью, бережлив щедр только к тем, кого уважает. Такие люди честны и открыты, однако легко впадают в гнев и долго не могут сохранить внешнего спокойствия.

Женщина, родившаяся в этот год, наделена развитым воображением; будучи мелочной, она остается честной, обладает способностью быть последовательной в делах. Ей удастся устроить свою жизнь и преуспевать в ней. Но ее жизнь может быть бурной, чревата серьезными неудачами.

Пусть каждый мужчина и каждая женщина согласно китайскому гороскопу, находят в себе положительное и отрицательное.

Русские в Китае

Культурное наследие дальневосточного Русского Зарубежья (Краткий библиографический обзор. 1990-1995)

© 1995

Е.Таскина

В последние годы в России и за рубежом вышел ряд книг и публикаций, проливающих новый свет на многие стороны культурной жизни дальневосточного Русского Зарубежья. Выходившие на Западе после окончания второй мировой войны исторические исследования и мемуары о жизни этой части русской диаспоры¹ были, как правило, доступны лишь узкому кругу специалистов. Поэтому отрадно отметить, что за последние годы и в нашей стране вышел ряд книг и журнальных публикаций для широкого круга читателей, интересующихся этой темой.

Среди таких работ, прежде всего, назовем перевод интересного исследования американского историка Джона Стефана "Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925-1945" (М., 1992), где почти половина материала книги посвящена общественно-политическим аспектам и истории русской фашистской организации в Китае; книгу доктора исторических наук Г.В.Мелихова "Маньчжурия далекая и близкая" (М., 1991, 1994), раскрывающую многие события в истории КВЖД и Харбина, в культурной и общественной жизни этого региона (до 1917 г.). Повествование о том, как сохраняли свои русские корни харбинцы на протяжении почти полувека, подкрепленное многими источниками и личными воспоминаниями автора, дается в книге Е.Таскиной "Неизвестный Харбин" (М., 1992). На более узкие темы, раскрывающие культурную жизнь "русского Харбина", вышли воспоминания Л.Тышкова ("Воспоминания музыканта". - Екатеринбург, 1992) и Г.Сидорова ("Воспоминания скрипача. Музыкальный Харбин". - Омск, 1993). Попытка осмыслить судьбу этого острова русской культуры, перелистнув страницы его исторического прошлого, сделана журналистом О.Бобиным в небольшой книжке "Прощание с русским Харбином" (М., 1994).

Началось возвращение на Родину и литературного наследия русской дальневосточной диаспоры. В литературных произведениях русских авторов не-

сомненно можно найти отражение той атмосферы, в которой жили наши соотечественники, по разным причинам оказавшиеся за пределами России в те годы.

Так, в 1990 году в Москве вышли избранные произведения Арсения Несмелова "Без Москвы, без России. Стихотворения, поэмы, рассказы" с предисловием Е.Витковского. Этот яркий представитель литераторов первой волны эмиграции, а также Валерий Перелешин, поэт и переводчик молодого поколения, представлены в книге "Ново-Басманная, 19" (М., 1990) и других изданиях по Русскому Зарубежью. Новосибирское книжное издательство в 1991 году выпустило антологию "Харбин - ветка русского дерева" (предисловие Е.Таскиной), куда включены стихи и рассказы более тридцати авторов. Произведения известного в нашей стране писателя и историка Вс.Н.Иванова, в которых нашла отражение рассматриваемая тема, вышли двумя книгами: "Огни в тумане. Рерих - художник, мыслитель" (М., 1991), а также "Из неопубликованного" (Л., 1991). В солидном по объему литературно-художественном издании "Дорогой дальною" (М., 1991), вышли воспоминания, стихи и песни, рассказы и письма А.Н.Вертинского, который, как известно, в 30-40-х годах жил в Шанхае, гастролировал в Харбине и других городах Китая. Во Владивостоке вышел небольшой сборник рассказов Альфреда Хейдока "Звезды Маньчжурии" (по харбинскому изданию 1934 года).

Попутно заметим, что ВГБИЛ стала выпускать выборочный указатель публикаций под общим названием "Литература Русского Зарубежья возвращается на Родину" (М., 1993), начав, на наш взгляд, очень нужное дело. В вышедшем вып. 1, ч. 1 и ч. 2 есть и имена "дальневосточников".

Нельзя не заметить, что дальневосточное крыло Русского Зарубежья, культурная жизнь его первого и второго поколения - в которой достаточно много специфики, отличающей ее от жизни на Западе - в последние годы стала предметом внимания некоторых зарубежных специалистов, а также издателей, выпускающих редкую литературу малыми тиражами. Так, в 90-е годы на русском языке вышли мемуары В.Санникова о периоде японской оккупации в Маньчжурии ("Под знаком восходящего солнца". - Сидней, 1990); Э.Штейн издал факсимильное собрание поэтических произведений А.Несмелова ("Без России". - Орэндж, 1990), антологии "Остров Лариссы", "Елене" и др.

Из научных изданий, выпущенных недавно за рубежом, на наш взгляд, следует подробнее остановиться на двух названиях. Это XXVI том "Записок" Русской академической группы в США (Нью-Йорк, 1994) и "Россияне в Азии", № 1 - литературно-исторический ежегодник, изданный Центром по изучению России и Восточной Европы при Торонтском университете (Торонто, 1994)². В "Записки" (под ред. проф. Н.Жернаковой) входят 15 основных статей, пять из которых посвящены теме "Русского Харбина". В них рассматривается общественно-культурная, религиозная и политическая жизнь Харбина, система образования, литературное творчество местных авторов, просветительская деятельность И.И. и А.П.Серебренниковых в Китае, дается описание их архива, находящегося в настоящее время в США. В сборнике также помещен некролог поэту и переводчику Валерию Перелешину.

Сборник "Россияне в Азии" (редактор проф. О.Бакич) полностью посвящен дальневосточной теме. Не считая редакционного предисловия, он содержит четыре раздела: Поэзия, Воспоминания, История, Коллекции и архи-

вы. В сборнике представлены неопубликованные ранее стихи Валерия Перелешина. Увлекательно написанные мемуары журналистки Ю.Крузенштерн-Петерец повествуют о раннем периоде города Харбина, о жизни Пограничной стражи Заамурского округа, части которой были расквартированы вдоль линии КВЖД. Этот материал, как и дневниковые записи русского уполномоченного России в Урге И.Я.Коростовца ("Девять месяцев в Монголии") публикуются впервые и несомненно представляют большой интерес. Сборник завершает библиографический раздел - описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета, уже не первое десятилетие, занимающейся собиранием литературы о жизни русской диаспоры на Дальнем Востоке и, прежде всего, изданной в Китае.

Похожим по профилю с описанным выше ежегодником "Россияне в Азии", является альманах "Рубеж" (ред. А.В.Колесов), два номера которого вышли во Владивостоке (№ 1 - 1992, № 2 - 1994). В этих двух выпусках прошли воспоминания дальневосточного натуралиста и писателя Н.А.Байкова, публикации Арсения Несмелова, его переписка с И.Голенищевым-Кутузовым и И.Якушевым; стихи и переводы Валерия Перелешина; рассказы А.Хейдока и новеллы П.Балакшина; стихи Марианны Колосовой; воспоминания В.Петрова ("О русском Шанхае") и Н.Е.Доценко (о работе в харбинском "Рубеже"). О судьбе оставшихся в Харбине русских пожилых людей, как и о его русском прошлом, размышляет в своей статье А.Батуева, недавно посетившая этот город.

Как известно читателям журнала "Проблемы Дальнего Востока", на его страницах с конца 80-х годов регулярно публикуются материалы этого плана - полагаем, что нет необходимости их перечислять. Рубрика "Русские в Китае" в последнее время в журнале стала регулярной. Из других отечественных изданий; на страницах которых публикуются исторические материалы, уделит внимание теме дальневосточного Русского Зарубежья журнал "Родина" (в № 2 за 1995 г.). В этом историческом журнале был опубликован очерк О.Бобина "Осколок Российской империи", а также небольшая, но важная статья, подписанная инициалами М.А., "Простите нас, братья" - о проблеме военных - еще с периода русско-японской войны 1904-1905 гг., - и гражданских кладбищ, разрушенных в период "культурной революции".

С конца 80-х годов на страницах "толстых" литературно-художественных журналов России прошло достаточно большое число публикаций дальневосточных литераторов: Арсения Несмелова, Вс.Н.Иванова, Валерия Перелешина (журналы "Знамя", "Октябрь", "Юность", "Литературная учеба", "Дальний Восток", "Новый мир" и др.). Журнал "Знамя" опубликовал материал о дальневосточных зарубежных периодических изданиях; журнал "Звезда" - о харбинском "Рубеже" и шанхайском "Понедельнике". В "Урале" были опубликованы воспоминания А.Дворжицкой и очерк Н.Кузнецова. Знакомство со всеми этими материалами несомненно расширяет представление читателя о малоизвестном пласте русской культуры за рубежом³.

Интересным источником информации являются и "малотиражки" - вестники общественной ассоциации "Харбин" в Новосибирске - "Харбинъ" и "На сопках Маньчжурии", а также "Русские в Китае" (учредителями последнего является отделение ассоциации "Харбин" в Екатеринбурге и Свердловский областной архив). На страницах этих вестников публикуются главным

образом воспоминания и письма соотечественников по Харбину и Шанхаю, разбросанных в настоящее время не только по разным городам России, но и многим странам мира.

Аналогичными изданиями, выходящими на русском языке за рубежом, являются: "Политехник", "Австралиада", "Друзьям от друзей" (Австралия) и др.

В рамках данного краткого обзора нет возможности остановиться на газетных публикациях по рассматриваемой теме. Отметим только, что внимание дальневосточному Русскому Зарубежью уделяют газеты: "Голос Родины" (Москва), "Семь дней - Экспресс" (Сыктывкар), "Народная газета" (Чита), "Магнитогорский рабочий" (Магнитогорск), в ближнем зарубежье - "Есиль" (Акмола). Можно найти немало публикаций о русском прошлом Харбина и Шанхая на страницах "Нового русского слова" и "Русской жизни", выходящими в США.

Данный библиографический обзор не претендует на полноту освещения вопроса (Например, в обзор не включены диссертационные работы и публикации в научных сборниках по литературоведению, истории и экономике, а также научные труды на иностранных языках). Он ориентирован на широкого читателя, интересующегося темой культурной жизни Русского Зарубежья, в частности - его дальневосточной ветви.

1. П.Балакшин. Финал в Китае. т. I, т. II, Мюнхен, 1958; Ю.Граузе. Китайские фрагменты, Иерусалим, 1976; З.Жемчужная. Пути изгнания, США, 1987; В.Перелешин. Два полустанка, Амстердам, 1987; В.Петров. Город на Сунгари, США, 1984, 1988; В. Петров. Шанхай на Вампу, США, 1985; Е.Рачинская. Перелетные птицы, США, 1982; Е.Рачинская. Калейдоскоп жизни, США, 1982 и др.
2. Эти издания представляют особый интерес потому, что в двух солидных исследованиях по вопросам культурной жизни Русского Зарубежья, опубликованных на Западе - П.Ковалевского ("Зарубежная Россия". - Париж, 1971) и М.Раева ("Russia Abroad". - США, 1990), сведения о дальневосточной русской диаспоре представлены крайне скудно.
3. Из современных литераторов, корни которых уходят в зарубежную почву, в нашей стране о "русском Китае" пишут: Ю.Абдашев (Краснодар), М.Ильвес (Магадан), Л.Кравченко (Новосибирск), Г.Морозова (Киселевск), Н.Перминова (Вятка), В.Янковский (Владимир). В Тбилиси живет писатель Л.Хайндрава, издавший несколько книг художественной прозы о жизни в Харбине и Шанхае. Произведения этих авторов могут в значительной степени расширить - а порою и изменить - представления читателей о зарубежной жизни наших соотечественников, создававшиеся в свое время под влиянием ранних произведений писательницы Натальи Ильиной.

Культура

Это молодое девяностолетнее китайское кино...

© 1995

С.Торопцев

Вынесенная в заголовок характеристика - отнюдь не дань литературной образности: действительно, в столь почтенном возрасте китайское кино молодо. Вот только не "все еще", а "уже" - молодо не потому, что неостановимо развивалось все эти десятилетия, а потому, что после многих лет и хаоса, и застоя, и насильственных преобразований - в нем некоторое время назад зародились обновляющие процессы. Они захватили еще не весь организм китайского киноискусства. Но и таких сочных побегов, как фильмы Чжан Имоу, Чэнь Кайгэ, Хоу Сяосяня, Ли Аня, достаточно, чтобы увидеть, как исчезает седина дряхлеющего Фауста и он оборачивается пылким юношей. Возможно, слишком долго естественное развитие китайского кино искусственно сдерживалось, и теперь оно берет свое.

1995 год для китайского киноискусства - год двойного юбилея: собственное девяностолетие и столетие мировой кинематографии, неотторжимой частью которой оно является. Китай знаком с ней уже 99 лет. Всего лишь через год после парижского изобретения братьев Люмьер "заморский аттракцион" попал в Шанхай, где 11 августа 1896 г. в ярмарочном балаганчике парка "Сюйюань" состоялось первое представление "западного театра теней". Через год появилась уже целая серия французских и американских лент, затем еще и еще, вызывая ажиотаж зрителей и газетчиков: "Удивительные ленты театра электрических теней, показываемые мастером электрических лучей с Запада. Люди двигаются и перемещаются, человек пробуждается и открывает глаза..."

Китай был одной из первых стран, захваченных новым и тогда еще ничего, кроме развлечения, не обещавшим изобретением. В том же 1896 г. с ним познакомились 29 стран - и столь же отдаленная Индия, и более близкая Англия, и Россия, на год отстала Япония. Не станем считать это ни художественным достижением, поскольку в тот период кинематограф еще не вошел в эстетические сферы, ни даже национальным коммерческим триумфом, ибо возили тогда этот балаганчик по дальним городам и весям европейцы. В Китай первые ленты доставил испанец А.Рамос.

Через девять лет, и уже не в Шанхае, а в Пекине был снят отечественный фильм - "Гора Динцзюнь". От 1905 г. и ведет отсчет китайская кине-

матография. По времени это опять-таки совсем неплохо: на шесть лет, правда, позже Японии, но на три года раньше России. К сожалению, до наших дней не сохранилось это фотоателье "Фэнтай" на столичном базаре "Люличан", где фотограф Жэнь Инфэн крутил ручку громоздкого заводного сооружения, фиксируя на пленке живописных генералов в пышных сценических нарядах: первый китайский фильм был эпизодом из классического романа "Троецарствие" в пластике традиционного музыкально-драматического спектакля жанра цзинцзюй.

Можно лишь попытаться представить, насколько органичным было это действо на Люличане - издавна существовавшем и продолжающем существовать рынке художественных изделий. В соседних лавках рядами стояли безмятежные Будды, не замечая суетного мира, висели свитки художников, запечатлевших золотых рыбок или креветок в изящных извивах точеных тел, продуманные и декоративно выстроенные пейзажи, лежали холодные камни, инструментами умельцев превращенные в нагромождения гор, утонченный бамбук или маленькую печатку, которой в качестве личной подписи пользовался каждый человек, введенный в систему социальных связей...

Традиционный театр, на сцене или на пленке, был тут весьма органичен. Но можно ли в этом замысловатом, тщательно сконструированном искусственном мире представить себе киноленту типа "Прибытия поезда" Люмьеров? Весьма трудно. Первые льмьеровские фильмы были слепком с действительности, фиксировавшим реальное событие в момент, когда оно происходило, и впечатляющая мощь этих лент заключалась в деталях, апеллировавших к жизни, к бытию. Корни последующего развития западного искусства лежат больше в литературе - романтической форме широкого полотна жизни человека, чей внутренний мир, воссоздаваемый с психологической глубиной, был окружен жизнеподобным внешним миром.

Для Китая же ленты, продемонстрированные в Шанхае в 1896 г., действительно оказались лишь "заморским аттракционом", чуждой экзотикой, не давшей всходов. Чуждой не только эстетически, но и мировоззренчески, не вписывающейся в образ собственной жизни, в ее стиль, традиции, обычаи. Быть может, символичен тот бесстрастно зафиксированный историками факт, что в 1904 г., когда английский посланник в Пекине преподнес императрице Цыси проекционный аппарат, тот во время демонстрации во дворце люмьеровских фильмов... взорвался. Произошла как бы аннигиляция несопоставимых миров. А через два десятилетия глава китайской правительственной делегации в Нью-Йорке на вопрос об отечественной кинематографии удивленно ответил, что он не знает о существовании "фильмов, сделанных китайской компанией". Явно не из-за их художественного уровня, а исключительно потому, что понятие "кинематограф" привычно связывалось с мировоззренческими и культурными ценностями западной цивилизации, с большим, чем восточная, пиететом относящейся к материальному, вещественному миру в его реальном бытии и существенных связях.

Китайское кино с самого начала обратилось не к реальности за стенами съемочного павильона, а к театральной сцене, фиксируя яркое, красочное, динамичное, но - очищенное, отфильтрованное, выверенное действо, для которого ведущим было воспроизведение события в условно-дидактичной форме: ведь это оставались спектакли старинного театра.

Итак, китайское кино в своем фундаменте имеет: а) воспроизведение события; б) условно-дидактическую форму. Отсюда вытекают как минимум два следствия: 1) вторичность человека, который рассматривался не как активная движущая сила события, а лишь как его носитель, участник, подчи-

ненный элемент; 2) на первый план выходила идея как очищенный от случайного субстрат события, несущий сутоубо воспитательную нагрузку.

То, что составляет суть фильма в западном его понимании, - монтаж как объединяющий процесс, - в китайском фильме на протяжении десятилетий оставалось не более чем техническим средством. Фильм не преодолевал своей дискретности, разорванности на эпизоды, которые внешне далеко не всегда содержательно стыковались, хотя в перспективном итоге занимали свое место в общих фабульных характеристиках. Успех произведений Чжан Имоу на мировом экране, думается, прежде всего в том, что он решительно преодолел эту традиционную дискретность художественного произведения, подчинив фабулу единую сюжету, передаваемому языком образов.

Как к этому относиться - вопрос непостоянной. Фильмы Чжан Имоу вошли в круг западных представлений о сути кино как искусства, а поскольку в мировой кинопрактике эти представления считаются единственно верными, то и китайское кино лишь с появлением фильмов Чжан Имоу было признано как искусство. В ход пошло даже определение "феномен китайского кино", хотя в данном случае точнее было бы говорить о "феномене Чжан Имоу", отошедшего от привычной китайской эстетики кино. Был совершен скачок - но это если смотреть с евроцентристской точки зрения. В КНР же фильмы этого режиссера отнюдь не были приняты однозначно "на ура", китайцы, не только зрительская масса, но и многие профессионалы, видели прежде всего не сюжет, не характеры, не образный строй, а идею, выступающую через отдельные детали. И потому сурово порицали фильмы Чжан Имоу уже хотя бы за то, что в них китайский крестьянин плохо одет, бывает не просто весел, но и разнуздан, что, по привычным представлениям о дидактичности искусства, дискредитирует идею крестьянства как социально-политически прогрессивной общественной силы. Для таких критиков на первый план выступали те микрособытия фабульных эпизодов, которым в романтическом кинематографе положено не самодовлететь, а подчиненно работать на углубление человеческого характера, на объемность образа.

Вот почему надо помнить, что те различия между китайским и евроамериканским киноискусством, которые до самого последнего времени на протяжении десятилетий бросались в глаза, - это различия не в профессиональном мастерстве, а в менталитете, в мировоззрении, выходящем на пленку в той или иной форме. Утверждать, что кино Европы и Америки "хорошее", а китайское "плохое", - некорректно. Оно просто "другое".

Однако отнюдь не только вековые мировоззренческие нормативы сделали его "другим". Исторический путь китайского кино весьма своеобразен и во многом отличается от путей большинства других стран, где кинематография развивалась единым потоком во времени и пространстве. Временной разрыв еще может быть понятен нам, россиянам, прошедшим через советский этап "до основанья, а затем..." Но кинематограф России 1917 г., при всех бурных кипениях его молодых сил, непоставим с устойчиво развитым кинематографом Китая 1949 г., когда он расслоился на два потока, один из которых, на Тайване, как бы продолжил предыдущее развитие, но в искусственных условиях локального эксперимента, а другой, в КНР, и вовсе остановился.

Но разрыв единого временного потока - лишь одна сторона процесса. В китайском кинематографе произошел, в дополнение ко временному, еще и пространственный разрыв. На сегодняшний день мы можем говорить как минимум о трех, а, возможно, и четырех направлениях китайского кино: КНР, Гонконг, Тайвань (те самые "три территории на двух берегах", которые в последнее время ищут точки соприкосновения), а также США, куда по разным

причинам уехало много кинематографистов (как из КНР, так и с Тайваня), и они, подчиняясь "правилам игры" голливудских спонсоров, стали делать свое китайское кино в более близких западному зрителю художественных стандартах, порой весьма интересно, но иногда опуская планку до массового ширпотреба.

Гонконг и США в данном случае вторичны. Основные же потоки китайского кино - континентальное и островное. Именно к их историческому пути необходимо присмотреться более внимательно, чтобы в сходстве и различиях найти ответ на вопрос, что же такое - китайское кино.

Обычно их принято противопоставлять. Итальянский киновед и синолог Марко Мюллер считает современное кино Тайваня более "китайским", чем континентальное, утратившее мягкость и сентиментальность как генетические свойства нации, именно в такой тональности склонной воспринимать окружающий мир.

Подмеченная Марко Мюллером черта - объективна и реальна. Но ведь и японские фильмы мы можем оценивать в таких же категорийных понятиях - "мягкость" и "сентиментальность". А Тайвань как раз в год изобретения кинематографа (1895) был отторгнут от континентального Китая и на полвека подпал под колониальный диктат Японии. Серьезного развития кинематограф - как производящая индустрия - в этот период на Тайване не получил, но первые опыты съемок, как под руководством японских профессионалов, так и самостоятельные, уже были, появились кадры кинематографистов, возникла категория кинозрителя, ведь фильмов, преимущественно японских, демонстрировалось немало, активно строились кинотеатры (в конце 40-х годов, когда Тайвань вернулся в границы Китая, он по оснащенности кинотеатрами занимал третье место в стране). Нельзя не подчеркнуть, что тенденция оккупационной политики заключалась в "окультуривании" островитян, что практически означало вытеснение целого ряда традиционных элементов китайской культуры, заменяемых японскими. Так что даже еще в начале 50-х годов многие тайваньцы продолжали жить в домах японской конструкции и автоматически вставляли, когда в кинотеатре на экране появлялось изображение японского императора.

Таким образом, предстоит еще тщательно разобраться, принадлежат ли объективно существующие мягкость и сентиментальность тайваньских фильмов к их китайским этническим корням или это привнесенные элементы японского мировидения. Можно поискать и христианские напластования, достаточно сильные у островитян разных поколений. И вообще подумать, нет ли закономерности, системности в постоянных отторжениях Тайваня от китайского континента - то Португалия, то Япония, то сегодняшние труднопроходимые барьеры, возведенные политикой.

Что касается континентального потока китайского кино, то провозглашение в 1949 г. в Пекине Китайской Народной Республики соорудило, прежде всего своими практическими шагами, непреодолимую стену между той кинематографией, которая развивалась в Китае четыре с лишним десятилетия, и той, которая должна была бы стать ее преемником, но фактически начала развиваться как бы "от нуля" - по новым критериям, приспособиваясь к новой социальной этике, хотя и старыми кадрами, что уже само по себе создавало серьезные противоречия.

Педанты могут возразить, не найдя документированных свидетельств официального отказа от достижений кинематографии 30-40-х годов. Да, это так, элементы "откровенности" появились лишь в 60-е годы, да и то не на официальном уровне, а на волне хунвэйбиновской стихии, когда прямо и недвусмысленно призывалось "разгромить традиции кинематографии 30-х го-

дов" ("30-е годы" для ослепленных политическим фанатизмом хунвэйбинов были лишь условным кодовым знаком, но он попал в точку: прапамять о кинематографии 30-х годов, мощно, по-новому проявившейся в конце 40-х, когда абстрактные нормативы конфуцианской морали стали воплощаться в живых и конкретных человеческих образах, видимо, никогда не умирала в тайниках кинематографического сознания и дала новые всходы уже в 80-е годы как на континенте, так и на острове).

В нашей стране после 1917 г. официальные документы тоже были достаточно сдержанны, но вот в частной беседе, как вспоминает рисовавший портрет Ленина художник Ю. Анненков, вождь высказался весьма цинично: "Искусство для меня... что-то вроде интеллектуальной слепой кишки, и когда еге пропагандная роль будет сыграна, мы его - дзык! дзык! - вырежем. За ненужностью".

Так что "антифеодальные" формулировки, лежавшие в основе культурной политики КНР, не следует понимать с прямолинейной буквальностью. В конце концов бесплатные школы для бедняков (как цель) и ростовщичество (как средство) главного героя фильма "Жизнь У Сюня" трудно, строго говоря, отнести к "пережиткам феодализма". И тем не менее именно в таком ключе звучала официозная критика в ходе первой в КНР "кампании идеологического перевоспитания" 1951-1952 гг. Первой и направляющей, определившей ход последующих по нарастающей - к "культурной революции".

Было бы неоправданным благодарением, прельстившись торжественностью отмечаемой даты, не вспомнить про столь внехудожественные акции. К величайшему сожалению, они имели непосредственное отношение не только к политике страны, но и к ее кинематографии - и как раз своей внехудожественностью. Потому что именно в эти сферы - политические, политиканствующие - они перетягивали кинематографию КНР. Как можно дальше от эстетики - не признаваясь в этом, но политизируя саму эстетику.

Политизация кинематографии, разумеется, не была самоцелью. Это скорее следствие социальной нестабильности, неуверенности как самого общества, так и его государственных институтов. Общество пребывало как бы на осадном положении, и созвучным этому положению была его кинематография. Это верно как для КНР на континенте, так и для КР на Тайване. Нюансы отличий, конечно, очевидны, определяемые и социально-политическим строем, и характеристиками экономических тенденций, и гражданским климатом. Но и там, и тут с самого начала в основу легло не созидание, а противостояние. На Тайване официально и публично ввели военное положение, в тисках которого островитяне существовали почти четыре десятилетия - до 1987 г. Наиболее почитаемым персонажем фильма был солдат, защищающий родину, привилегированной тональностью - пропаганда достижений. В КНР военного положения не декларировали, но фактически патриотизм как "естественный" настрой лояльного гражданина был ориентирован на солдата и его действия в боевой обстановке, в крайнем случае, обстановке чрезвычайной ситуации формально мирного времени, но максимально приближенной к боевой.

Впрочем, нельзя забывать, что с самого своего возникновения в Китае в начале века кино стало едва ли не в первую очередь ареной борьбы - надвигающейся современной цивилизации, чьим носителем был этот "заморский аттракцион", с отчаянно сопротивляющейся архаичной цивилизацией Китая рубежа XIX-XX вв. И в этом плане весьма символично, что первыми киногероями Китая стали brave генералы из фильма "Гора Динцзюнь" 1905 г.

Однако "поиск врага" - далеко не лучшая цель для художественного произведения. Не замыкаясь на самой себе, она, эта цель, будучи поставлена

как пропагандная задача, стремительными метастазами захватывает уже не только произведения, изображающие "противника" ("империалист" с его "агентами" в КНР, "коммунист" со своими "агентами" на Тайване), но вообще все искусство в целом. "Поиск врага" постепенно становится общей атмосферой, тональностью, настроением. Человек в таких условиях перестает "жить" - он только "борется", везде, со всеми, включая и самого себя.

А ведь китайская кинематография 30-40-х годов отчетливо шла к достаточно высокому гуманистическому уровню. Человек как носитель нравственных начал, а не только мерило общественной морали, семья как наиболее комфортное пространство для поддержания этой нравственности, художественный образ как многомерный выразитель авторской мысли, а не просто плоско-символический знак, мелодрама как утверждение частного над общим - вот те верстовые столбы, которые в тот период начинали обозначать китайскую кинематографию как искусство. Оно выходило на мировой уровень.

Известный американский кинематографист Джей Лейда, опубликовавший в 1972 г. одну из первых за пределами Китая и весьма фундаментальную историю китайской кинематографии, увидев фильм режиссера Юань Мучжи "Городские сцены" (1935), заметил, что "художник, создавший "Городские сцены", должен быть поставлен рядом с Клером и Кавальканти". Этот фильм - крайне любопытное соединение социального исследования нижних слоев общества в некоем "преднеореалистическом" духе - с жанром музыкальной комедии, где контрапунктом, казалось бы, малосопоставимых приемов формируется острый и горький сарказм.

Увы, в той же тональности прозвучала и судьба самого Юань Мучжи. В 1937 г. он поставил свой последний художественный фильм "Уличные ангелы", которому впоследствии своеобразную оценку дали хунвэйбины "культурной революции": "...ратует за буржуазный гуманизм. Распространяет вульгарные, низменные интересы. Музыка фильма - желтые песни, отравившие молодежь". В 1938 г. Юань Мучжи оставил Шанхай, Мекку китайского кино, и отправился в Яньань, анклав коммунистической армии Мао Цзэдуна внутри Китая Чан Кайши. Искусству он предпочел политику. Подняться выше хроники там не было условий - ни материальных, ни идеологических. Плох не вид кинематографии, в котором Юань Мучжи пришлось работать, а "жанр" - пропаганда, убивающая искусство, что особенно печально для художника такого масштаба, как Юань Мучжи. Нет, он не отгородился от искусства, он явно жаждал вернуться - на "новом" идеологическом уровне. Для этого он отправился в СССР, где стажировался у великого Эйзенштейна на "Иване Грозном", который тот снимал в Алма-Ате. Этот опыт ему, увы, не пригодился. Художник оказался зажат административными тисками: в 1946 г. Юань Мучжи занят восстановлением и управленческой организацией студии в Чанчуне, после 1949 г. возглавляет в Пекине управление кинематографии, однако печально известная "кампания идеологического перевоспитания" 1951-1952 гг. отправляет Юань Мучжи в отставку. Так, в неизвестности для мира, он и просуществовал до смерти в 1976 г. - ничего, абсолютно ничего больше в кино не сделал. Его - "дзык! дзык!" - отрезали за ненадобностью.

В 30-е годы вызревал талант актрисы Жуань Линъюй, которую тот же Лейда назвал "одной из великих актрис в истории кино, совершенно и более всего для него приспособленных, как Грета Гарбо... Подобно Гарбо, она обладала способностью преобразовать банальный и дешевый материал... и заставляла вас верить в то, что вы являетесь свидетелем подлинной радости или страдания". Трагичной была и ее судьба - она покончила с собой, не вписавшись в общественную ситуацию середины 30-х годов.

Одной из самых высоких вершин 40-х годов был фильм режиссера Фэй Му "Весна в городке" (1948). Лейда его не отмечает, думается, потому, что ему этот фильм, скорее всего, не показали: в КНР (а Лейда в 60-е годы работал советником в Пекинском киноархиве) его социологизаторски считали "отсталым", "мещанским" и даже "вредным" - вплоть до переоценок последнего десятилетия. По гуманистическому настрою, личностному восприятию мира, мелодраматической увлеченности чувствами и переживаниями персонажей, часто передаваемых монтажными средствами без диалогических точек над *i*, - этот фильм через пропагандные десятилетия протягивает руку китайскому "новому" киноискусству 80-х годов, вызревшему как на континенте, так и на Тайване.

"Весна в городке" - фильм камерный, всего с пятью персонажами, тихий, локальный - фабула замкнута внутри небольшой усадьбы на городской окраине, меж каких-то развалин, - но зритель, настроившись на волну его скрытой эмоциональности, начинает понимать, что этот фильм, оказывается, крепко связан с современной ему социальной действительностью - намеками, аллюзиями, ассоциациями. Он не дает "урока" зрителю, а внешне малозначимыми поступками и словами выявляет импрессионистические мимолетные настроения персонажей, формируя у зрителя какое-то щемящее чувство сопричастности. С утилитарных позиций, возможно, трудно ответить на вопрос, зачем снят этот фильм. Вся ценность его - в человеческих образах, в их многомерном внутреннем мире, который явно первичен, своим индивидуальным восприятием оживляя внешнюю действительность. Потому-то и нельзя его, как пытались в КНР, осудить за будто бы "бегство от действительности": это ее оценка, попытка понять место человека в той тревожной, нестабильной объективной реальности, в какой пребывал Китай после разрушительной восьмилетней войны с Японией и в начавшемся вооруженном противоборстве Гоминьдана и КПК.

1949 год, вновь рассекший многострадальный Китай на части, вынудил кинематографистов по обе стороны Тайваньского пролива отказаться от развития гуманистических структур, предложенных "Весной в городке", и взять на вооружение другие методы. Именно "на вооружение", потому что пропагандистская тональность искусства в КНР, и КР откровенно приближалась к военизированной, замещая, вытесняя само искусство.

Пути двух потоков китайского кино, однако, направились в разные стороны. То, что во второй половине 80-х годов они оказались в чем-то созвучными, - всего лишь историческая случайность. Либо некая иррациональная неизбежность, для осуществления которой потребовалось внести коррективы в государственные структуры и общественное сознание китайцев и на континенте, и на острове.

Ведь для китайца, где бы он ни находился, собственный этнос абсолютно первичен. Поэтому континентальный Китай и островной Тайвань мы не можем не рассматривать как - в идеале - единое целое. Значит, к ним вполне возможно применить выводы теории неравновесных структур, приняв при этом утвердившуюся точку зрения, что в реальности полностью закрытых систем не бывает и взаимодействие между ними происходит всегда, вопрос лишь в его интенсивности. В таком случае, установление системных связей между структурами - дело лишь времени, которое играет тут конструктивную роль. Теория нестабильности, разработанная в рамках современной физики и распространяющаяся в последнее время на общественные науки, показывает исторический процесс как смену устойчивого и неустойчивого периодов, чередующихся с неизбежностью, мало подвластной волевым решени-

ям властных индивидов. В рамках этой теории 1949 год можно рассматривать как точку бифуркации - резкой смены пространственно-временных координат исторического процесса, вблизи которой характер этого процесса начинает определяться не только крупными событиями, но и так называемыми "малыми возмущениями".

Скажем, "левые" мировоззренческие тенденции большинства заметных кинематографистов Китая привели их к решению остаться на континенте в структуре коммунистической власти, а Тайвань таким образом лишился квалифицированных кадров. Однако это вынудило Тайвань заняться их выращиванием, а КНР - "идеологическим перевоспитанием", поскольку "левизна" творческой интеллигенции оказалась явно недостаточной для жесткой коммунистической политики, подминавшей под себя культуру. Так сразу выявились принципиально разные тенденции в кинематографической сфере КНР и КР.

Кино КНР все дальше и дальше погружалось в жесткость, одномерность, воспроизводя кристаллизованные, неподвижные псевдохудожественные структуры. Практически осуществляли это, конечно, кинематографисты - те, кто снимал фильмы, но была это их не вина, а беда. Паразитируя на старом конфуцианском тезисе "литература должна нести Учение", властная идеология в лице формулирующих ее органов прагматизировала и политизировала деятелей искусства, резко сокращая их художественные потенции границами пропагандистской актуальности. Степень требовательности внутри этой сферы стремительно возрастала, и в результате появился, например, снятый в первой половине 60-х годов фильм "Лэй Фэн", восхищавший зрителей своей "образцовостью". Пресса писала о многочисленных порывах последователей героя совершать добропорядочные, но довольно наивные "добрые дела", скажем, остаться в кинотеатре после сеанса, чтобы подмести пол. Однако с началом в 1966 г. "культурной революции" даже этот фильм оказался, по мнению хунвэйбинов, выражавших ультраревOLUTIONную политико-идеологическую стихию, неполноценным и неблагонадежным: герои такого плана, как Лэй Фэн, должны быть идеальны и бессмертны, а в фильме он погибает. Кроме того, продолжателями их дел положено быть персонажам такого же уровня, а в фильме это "средний персонаж", то есть человек с изъянами. И уж совсем "политической ошибкой" стал мелькнувший в кадре "плохой" портрет Мао Цзэдуна.

Пусть читателя не смущает, что, говоря о кинематографии КНР, я постоянно обращаюсь к высказываниям не просто непрофессионалов, а людей, враждебных профессионализму и искусству, - хунвэйбинов "культурной революции". К сожалению, принципиальной разницы между их откровенными оценками и более завуалированными статьями критиков тех лет не было. Вся атмосфера в КНР в течение трех десятилетий была настолько политизирована, что мышление, по крайней мере на поверхности публичных проявлений, просто не знало иных категорий. Те же, кто выходил "за рамки", подвергались нападкам разной степени жесткости, например, Чжун Дяньфэй или Цюй Байинь, в 50-х и 60-х годах, в сущности, только намекнувшие, что фильм не может быть продолжением доклада с трибуны партсобрания. Но привычка оказалась настолько сильна, что даже в уже более лояльные 80-е годы призыв молодого критика Чжу Дакэ к типологическому анализу вызвал настороженный ропот "охранителей".

С прямо противоположными знаками, но тоже сильно ангажированной в течение довольно продолжительного периода после 1949 г. была кинематография Тайваня. Для нее это было время фактического становления, поскольку в предыдущие два периода - японской оккупации и возвращения в грани-

цы Китая - кинематография на острове оставалась больше организаций проката ввозимых фильмов, чем собственным производством.

Принципиальное различие в том, что, если в КНР после 1952 г. кинематография существовала исключительно как государственный механизм, управляемый партийными рычагами, то на Тайване в партийно-правительственном ведении была лишь часть кинематографии. Рыночная стихия, поначалу слабая и беспомощная, саморегулировалась, и среди "мыльных пузырей" постепенно стали возникать солидные и серьезные компании, в той или иной степени отделявшие себя от лобовых пропагандистских методов официозного кино. Независимое производство и спасло тайваньское киноискусство.

Более того, оно перестроило и сам официоз. Именно под эгидой одной из правительственных студий в начале 80-х годов возникло течение, сомкнувшее тайваньское кино с мировой кинематографией, выведшее его на международный уровень, - так называемое "новое кино". В России о нем мало знают, несмотря на проведенный осенью 1993 г. в нескольких наших городах фестиваль, который, к великому сожалению, остался единственным.

Но достаточно назвать "Город скорби" Хоу Сяосяня, победивший на престижном Венецианском кинофестивале. Постановщика европейские критики называли "режиссером будущего". А фильм - о нем интересно рассказать именно в плане развития пропагандистских методов. Он весьма социологичен по своему содержанию, то есть в фокусе его внимания - общество, его внутренние тенденции, ступени развития, связи между составляющими его индивидами. В нем остались чуть заметные следы бывшего пропагандистского кино: так, сразу бросаются в глаза внешние характеристики "положительных" и "отрицательных" персонажей, причем, если первые уже отошли от идеализации, то вторые задержались на этапе некоторого шаржирования. Но в целом говорит фильм на языке художественных образов, он и сам в целом - единый образ неспешной, величественной реки Истории. Для его понимания необходимо знать тайваньскую действительность, но для его анализа одной действительности, как это бывало с пропагандным направлением, мало: надо войти в структуру локальных характеров, увидеть их человеческие взаимоотношения, прочувствовать их внутренний мир, заметить разбросанные по тексту многочисленные знаки-намекы.

На премию "Оскар" претендовал фильм Ли Аня "Свадебный банкет" - несколько американизированная картина, не углубляющаяся в психологию характеров, но построенная на логически последовательной цепи фабульных звеньев. Кстати, в предыдущей картине того же режиссера "Толкающие руки", которая была включена в программу российского фестиваля, возникает мотив трудной совместимости восточной и западной культур, порой, при слишком тесном сближении, аннигилирующих. В "Свадебном банкете" этот мотив продолжен на несколько парадоксальном уровне - как гомосексуальный контакт китайца и американца. Основная масса "нового кино" Тайваня 80-90-х годов, не столь, как эти две картины, известная миру, так же пронизана художественным поиском. Из ведущих его черт можно назвать такие, как нередкое отсутствие крепкого сюжета, замененного эссеистическими фабульными размышлениями; смешение временных пластов, когда "вчера" и "сегодня" идут единым потоком, без каких бы то ни было формальных "прокладок", как это и происходит в человеческом сознании; уход диалога с привычного места главного выразителя авторской мысли; душевно неустроенные персонажи. Перечень характеристик можно продолжить, но и эти уже показывают пово-

рот к человеку как к призме, через которую и подаются все авторские идеи, преломляясь в прихотливых гранях личностной индивидуальности.

В середине 80-х годов - обратите внимание на относительную синхронность - приблизилось к человеку и кино на континенте. На Тайване этот процесс протекал более плавно, естественно, имел меньше внешнего прессинга, "новое кино" постепенно вызревало в недрах общества и кинематографии, не тратя сил на показную борьбу с уходящими традициями. В КНР же рождение "нового кино" проходило стремительней, в более решительном отталкивании от прошлого, в условиях борьбы с не желавшими сдавать позиций пропагандистскими тенденциями, которые теми или иными способами поддерживались руководящими верхами, что значительно ослабляло позиции новаторов.

Первые фильмы этого направления появились в КНР на рубеже 1984-1985 гг. - "Желтая земля", "Один и восемь", "Закон охоты" и другие. Фамилий их авторов - Чэнь Кайгэ, Чжан Цзюньчжао, Тянь Чжуанчжуан, У Цзыню (среди них был и Чжан Имоу, но в качестве оператора, через два года он вошел в когорту новаторов уже и как режиссер) - нет не только в издававшемся тогда многотомном биографическом справочнике деятелей кино, но даже и в специальном издании, посвященном новой генерации. Они еще не обрели имен, лишь пару лет до этого закончив Пекинский институт кинематографии. Мир кино взбудоражили их дебюты. Это была свежая кровь, обновляющая китайское киноискусство.

Оба эти потока "нового кино" на континенте и на острове роднит тяготение к художественному поиску, авторскому индивидуальному стилю, человеку как проблемному стержню всей эстетической конструкции. Социологически же они двинулись в разных направлениях. На Тайване предшествовавшие "новому кино" фильмы так называемого "здорового реализма" предпочитали сельскую натуру, в естественности которой и демонстрировали вековечно здоровые моральные ценности своих персонажей, а "новое кино", отражая действительность урбанизовавшегося общества, принялось заселять своими героями города, которые давили их "натуральность" непривычностью, душевным дискомфортом своих искусственных схем. В КНР, где в течение десятилетий природность деревни была подменена догматическими сооружениями идеологического "единства", несколько оппозиционно, фрондирующе настроенное "новое кино" увлеклось патриархальностью деревенского быта, уединенностью заброшенного одинокого поселения, а то и вовсе безлюдной равниной, по которой совершают марш герои "Одного и восьми" или скачут стремительные кони "Закона охоты".

В последние годы в этом регионе появилась и еще более "новая" тенденция - некоего "общекитайского" кинематографа. В наиболее распространенном варианте это выглядит так: режиссер (плюс некая часть съемочной группы) из КНР на тайваньский или гонконгский капитал снимает на континенте и выпускает фильм обычно как продукцию Гонконга (что в политическом смысле менее раздражающе, чем если бы торговая марка была тайваньской). В рамках такого "новейшего" кино существуют самые разные течения, прежде всего, конечно, развлекательные, в том числе и боевики "кунфу" как современные, так и "костюмные". Но есть и очень серьезный кинематограф, позволяющий говорить о каком-то новом явлении.

В первую очередь это, конечно, знаменитые фильмы Чжан Имоу и Чэнь Кэйгэ. В прошлом году на премию "Оскар" выдвигался фильм Чэнь Кайгэ "Прощание с наложницей" (в оригинале "Баван прощается с наложницей" - название спектакля традиционного жанра цзинцзюй, сцены из которо-

го исполняют актеры-герои фильма). Он же победил в Каннах, завоевав Золотую пальмовую ветвь.

18 июня прошлого года в Тайбэе состоялась премьера другого каннского лауреата - фильма Чжан Чмоу "Жить". Как и предыдущие "Цзюйдоу", "Высоко висят красные фонари", "Цюцзюй обращается в суд", и эта его картина стала общей продукцией "трех территорий на двух берегах". Видимо, главной побудительной причиной такого сближения является желание оградить себя от прихотливой политической конъюнктуры.

Априорно кажется, что такая продукция должна быть подчеркнута аполитична. Разумеется, откровенно политических выпадов эти фильмы не содержат. Но столь ли они аполитичны? Тогда отчего премьера фильма "Жить" режиссера из КНР Чжан Имоу состоялась в Тайбэе, а в Пекине даже не было сообщено о каннской победе? Почему "Цзюйдоу" и "Высоко висят красные фонари" вышли в КНР в прокат с нелепой задержкой в несколько лет? Почему анализ "Прощания с наложницей" совершенно не адекватен той оценке, какую этот фильм получил в мире? Быть может, потому, что это откровенно авторское, личностное кино, а от независимого автора можно ждать любого витка в сторону от проторенной дорожки? Увидели же зарубежные критики в костюмных интерьерах фильма "Высоко висят красные фонари" завуалированные современные антитоталитарные мотивы. И в самом деле, на экране красный цвет фонарей сопровождает вполне реакционный конформизм, повиновение прихотям властелина, тогда как черный, наоборот, символизирует дух непокорной наложницы (фонарь над ее флигелем закутывают в черную ткань).

В последнее время в КНР появилась идея "бинарности": есть-де "истинно национальная" кинематография и "витринная", создающаяся "на потребу западному зрителю". К последней категории и относятся не все, но многие - знаменитые картины Чжан Имоу и Чэнь Кайгэ. Они якобы "не совсем" китайские.

Какой-то резон в этом есть. Самодостаточность в той или иной степени всегда была присуща китайскому общению с миром. Эта черта лишь усилилась в разделенном после 1949 г. Китае. Но Тайвань начал изживать ее намного раньше, открывшись для мира, в том числе и в искусстве. Это отнюдь не означает отказа от национальных традиций, но ведет к большей интернационализации мышления. Традиция одинаково сильна и на острове, и на континенте, однако на Тайване она, будучи все эти годы востребованной, лежит в глубине подсознания, а на первый план теперь выступает эстетический поиск в тех сферах, какие определяются уже не узконациональным, а мировым уровнем киноискусства. В КНР же художественные искания "нового кино" включают в себя элемент реставрации традиции, что замедляет его движение.

Китайская традиция не субъективна, а главная тенденция развития искусства в мире - движение к субъективности, что Европа ощутила раньше, чем Восток. И потому фильмы Чжан Имоу (я вновь и вновь возвращаюсь к ним, потому что это не просто веха, а этап) подводят черту под предыдущим развитием "дискретного" кинематографа в Китае, поднимая его на современный психологический уровень.

Тенденции обновления, "омолаживания" китайского кино - в личностном подходе. Появляются крупные фигуры, которым открывается широкое поле деятельности. Такого раньше не было. Китайское кино отказывается от провинциализма и выходит в мир, прежде всего, - с "трех территорий на двух берегах".

Мчашщиеся кони Сюй Бэйхуна К 100-летию художника

© 1995

Т. Пострелова

Сюй Бэйхун (1895-1953) относится к числу выдающихся живописцев, педагогов, теоретиков, стоявших у истоков формирования нового реалистического метода в китайском изобразительном искусстве новейшего времени. В основе этого метода - сплав лучших достижений традиционной художественной школы (гохуа) с передовыми эстетическими традициями и выразительными средствами, рожденными европейской культурой.

Бэйхун родился в бедной крестьянской семье. Первые профессиональные шаги в искусстве он сделал еще в отрочестве, помогая отцу в изготовлении лубочных картинок. В 1914 г. короткое время - из-за крайней стесненности в средствах - занимался в Шанхайском институте изобразительных искусств. Вновь он оказался в Шанхае - тогдашнем центре эстетической мысли и художественной культуры Китая - в 1916 г. Общение с профессиональными художниками способствовало расширению культурного кругозора Сюй Бэйхуна. Первыми творениями этого периода были листы "Бамбук" и "Снежный пейзаж", а также свиток "Лошадь" и др., в которых ощущается слияние двух пластов национальной культуры: лубка и гохуа.

В 1919 г., уже в Пекине, была устроена его первая персональная выставка, и он удостоился официальных приглашений преподавать в университете. Так начинал Сюй Бэйхун проводить в жизнь собственную методику художественного образования - дело, которому он впоследствии отдал много времени и сил. Тем не менее Сюй Бэйхун все отчетливее сознавал: "Замкнуться в пределах национального искусства - значит обескровить его и погубить". Стремясь глубже понять европейскую культуру, он начал еще в Шанхае изучать французский язык, использовал любую возможность, чтобы через французов - университетских преподавателей побольше узнать об изобразительном искусстве Запада. Побуждаемый такими мотивами, Сюй Бэйхун в 1918 г. побывал и в Японии. Однако ознакомление с искусством этой страны, а также с тамошними коллекциями европейской живописи и графики привело его к выводу, что у японских художников те же проблемы, что и у китайских.

Сюй Бэйхун. Мчащаяся лошадь, 1941

1919-1927 гг. правомерно назвать парижским периодом жизни Сюй Бэйхуна (хотя художник нередко совершал поездки и в другие страны Европы, а также на родину и в Сингапур).

Почти 8-летнее прямое приобщение к художественной культуре Запада было для Сюй Бэйхуна многогранным, интенсивным и весьма плодотворным, несмотря на то, что он прибыл в Париж уже довольно зрелым мастером гохуа. Осмысливая и довольно отчетливо представляя себе главные творческие задачи и цели обучения в Европе, он в напряженном режиме осваивал новые навыки, приемы и принципы, часто чуждые либо совсем не известные традиционной китайской живописи и графике. Сюй много работал в мастерской и под началом П.А.Ж. Даньяна-Бувре, которому очень многим обязан, научившись построению композиции, светотеневой моделировке, колористическим решениям.

Во Франции, Англии, Германии, Бельгии, Италии, Швейцарии натурные этюды, зарисовки, копирование музейных экспонатов, самостоятельные тематические композиции, портреты и автопортреты, оформление и иллюстрирование книг, использование самой многообразной техники (тушь, водяные краски, акварель, темпера, гуашь, масло, карандаш, уголь, пастель, сангина) мало-помалу позволяли Сюю проникать в тайны западной живописи и рисунка. Вместе с тем все это формировало его собственный художественный почерк и как бы подсказывало направление к прогрессу, к преобразованию изобразительного искусства его страны на путях синтеза китайской и европейской школ.

Наследие парижского периода творчества Сюй Бэйхуна обширно и многогранно. Одних только рисунков - свыше 300. Среди произведений того времени - своего рода серия, пронизанная любовью к отчизне, щемящей тоской по родному краю ("Глубокое размышление", "Сон", "Звуки флейты"), портреты. Они красноречиво засвидетельствовали профессиональное возмужание художника, хотя их признанию западной публикой могла благоприятствовать и тогдашняя мода на восточное искусство.

Непростые задачи решались художником в серии автопортретов, созданных углем либо маслом (на холсте и на дереве), иногда портретов-картин. В них он сам предстает в процессе исканий, исполненным достоинства и одухотворенным.

Конец пребывания в Европе ознаменовался несколькими по-своему примечательными и важными для Сюй Бэйхуна событиями. В 1924 г. его работы можно было видеть на парижских художественных выставках. Через год усилиями видного деятеля китайской литературы и театра Тянь Ханя организуется персональная выставка Сюй Бэйхуна в Шанхае. Еще два года спустя такой экспозиции китайский художник, избранный почетным членом Общества французских художников, удостоивается в Париже. Потом персональные выставки Сюй Бэйхуна становятся и в самом Китае и в других странах весьма частым явлением.

Творческая эволюция Сюй Бэйхуна 1919-1927 гг. - далеко не плавное прямое восхождение. Конечно же, на этом пути были трудности, неудачи и ошибки. Но в целом парижский период ознаменовался крупными и многозначительными сдвигами. Сюй Бэйхун вступал в этот период побуждаемый готовностью, по его собственным словам, возродить реалистические начала традиционной национальной живописи, не просто следуя традиции старых китайских мастеров, но и оперевшись на опыт Запада. Оказавшись тогда в совершенно иной среде, Сюй Бэйхун, шаг за шагом продвигался к намеченной цели - сумел не утратить свое, самобытное, сформировать оригинальные выразительные средства, собственный художественный почерк.

Период с 1927 по начало 1933 г. отмечен деятельностью Сюй Бэйхуна и как живописца, и как преподавателя высших художественных центров в Шанхае, Нанкине и Пекине. В Шанхае в созданном по инициативе и при активном участии Тянь Ханя Художественном институте Наньго Сюй Бэйхун возглавлял факультет западной живописи.

Некоторое представление о духовном мире Сюй Бэйхуна тех лет способны дать его автопортреты ("Лунная ночь в Тайчэне" и др.), а также портреты его родных, друзей, коллег ("Ребенок", "Спящий ребенок", "Портрет Жень Боняня" и др.).

Тематические композиции с мифологической, исторической либо бытовой сюжетной канвой - большие свитки и альбомные листы, выполненные в разной технике и манере, - часто подчеркнута национальные и народные по форме, сродни морализующим лубкам. В целом это еще более емкий рассказ мастера о времени и о себе. Например, одна из первых композиций "Когда рисуешь дракона, самое главное - нарисовать глаза", картины "На тему стихотворения Ван Фаньчжи", "Цзю Фангао", "Ожидание", а также большой программный холст "Тянь Хэн и пятьсот преданных". Тематические композиции Сюй Бэйхуна насыщены богатым и сложным ассоциативно-образным миром и требуют для их восприятия немалых познаний в истории и культуре Китая. Так пафос картины "Тянь Хэн и пятьсот преданных", написанной на исторический сюжет конца III века до н.э., - воспевание жертвенности во имя великой цели, предпочтение смерти существованию на коленях.

В жанровый репертуар произведений Сюй Бэйхуна конца 20-х - начала 30-х годов следует включить и пейзаж, и натюрморт, и анималистику, и циклы традиционного жанра "цветы и птицы", и серию сатирических листов.

Произведения с излюбленными художником мотивами и ситуациями, выразительными приемами и решениями, выполненные тушью либо водяными красками - "Утка", "Бакланы", "Остров", "На озере", "День длится, словно вечность", циклы с лошадьми и др., передающие красоту и величие природы, - реально выполняли большую, нежели может показаться с первого взгляда, общественно-значимую функцию. Ведь их глубинный смысл, заключенный в определенных, закрепленных многими столетиями символах, постигался легко и быстро. Сюй Бэйхун развивал традиции жанра и пользовался ими для художественного воплощения новых замыслов.

В 1930-1940-е гг. у художника появилось довольно много последователей среди юных китайских коллег. Это особенно явно проявилось, когда Сюй Бэйхун представлял художественную культуру его страны за рубежом. Организовав и возглавив выставку старой и новой живописи своей страны во Франции, Бельгии, Германии, Италии, СССР, а затем в ряде стран Востока, Сюй Бэйхун выступил в роли полпреда китайского искусства. В экспозиции были представлены работы 80 художников. Знатоки и широкая публика в Европе впервые получили возможность приобщиться к современному искусству Китая. В Брюсселе, Берлине и Милане прошли и персональные вернисажи Сюй Бэйхуна и получили хорошую прессу: более 300 откликов опубликовано в печати различных государств мира.

В Москве и Ленинграде выставка китайской живописи проходила летом 1934 г. Пресса, критика, художественная общественность единодушно отмечали заслуги Сюй Бэйхуна и как главного ее организатора, и прежде всего, как одного из самых выдающихся мастеров, в чьем творчестве наиболее рельефно выражены ведущие тенденции современной китайской живописи. Была признана важная роль выставки и в установлении культурного сотрудничества двух соседних государств.

Сюй Бэйхун. Лев и змея, 1939

Выставка стимулировала изучение русскими специалистами истории и тогдашнего этапа развития китайского изобразительного искусства. О ней появились работы В.Алексеева, Б.Денике, К.Евгеньева, К.Разумовского, А.Стрелкова, А.Кравченко и др. Выдающийся синолог В.М.Алексеев высказал немало весьма ценных по сей день наблюдений и суждений о "мире" китайской живописи, устойчивости эстетических категорий и их всеобщности для Запада и Востока.

Недолгий отрезок времени, проведенный Бэйхуном в СССР, стал, однако, важной вехой в развитии советско-китайских культурных связей, а также в судьбе самого Сюй Бэйхуна, как в чисто профессиональном отношении, так и тем, что расширил его творческие связи с зарубежными коллегами: Кукрыниксами, А.Кравченко, А.Рыловым, В.Конашевичем, М.Кончаловским, И.Грабарем, С.Меркуловым и др. Впервые ему открылись богатство и ширь русской живописи, графики и скульптуры. Все это не прошло бесследно для художественной культуры его страны. С 1936 года стали устраиваться выставки советского искусства в Шанхае, Нанкине и других городах.

1939-1940 гг. Сюй Бэйхун по приглашению Рабиндраната Тагора провёл в Индии, где он также популяризировал китайское изобразительное искусство. Тагор немало тому способствовал, постоянно подчеркивая при этом давность духовного общения народов Индии и Китая; творчеству Сюй Бэйхуна он посвятил специальный труд.

По возвращении на родину Сюй Бэйхун активно включился в работу на поприще художественного образования, проявив себя как новатор. Преподавание живописи и графики он вел по собственным учебным программам и методическим разработкам, ориентируясь на реалистическое познание и истолкование жизни, привлекая единомышленников.

Вся его деятельность вызывала критику гоминьдановских властей. Сюй Бэйхун оказался в числе тех, кто подвергался травле и гонениям. Преследования усилились, когда он активно включился в движение за установление единого фронта политических сил перед лицом начатой в 1931 г. японской агрессии в Китае. А с развертыванием в 1937 г. милитаристской Японией широкомасштабной войны против его родины стремился всеми доступными способами бороться против врага. Он помогал беженцам и борцам сопротивления деньгами, вырученными от выставок, от продажи своих произведений, принимал участие в создании плакатов, агитационных лубков, портретов бойцов антияпонского фронта, мечтал о создании своего рода художественной летописи сопротивления китайского народа японской агрессии, желая средствами искусства активно содействовать патриотическому подъему, охватившему страну. Сплочению патриотических сил способствовала еще раньше деятельность Сюй Бэйхуна по объединению работников литературы и искусства на борьбу за национальную независимость, смыкавшуюся с усилиями Лу Синя, Го Можо и их соратников.

Обстановка тех лет в полную силу высветила перед Сюем и вопросы "Для кого, что и как писать?". Позиция художника-гражданина отразилась и в его живописных и графических творениях.

Мало кто до Сюй Бэйхуна мог с такой силой передать в изображениях животных и растений собственное осмысление жгучих проблем времени. Свидетельства тому - композиции "Петух у подсолнечника", "Крик петуха в грозу", "Воспоминание о героях" (навечно памятью о самоотверженных защитниках Шанхая в январе 1932 г.), "Цветущая слива", "Орлы", "Летающий коршун", "Сорока", "Петухи", "Воробьи и бамбук", "Цветы и сливы".

Главными действующими лицами предстают то петух - сгусток силы и смелости, недремлющий страж, готовый в любой миг ринуться в бой, то львы, кони, а также милая сердцу китайцев мэйхуа - не только как знак весны, чистоты, целомудрия и гармонии вселенной, но и как символ любви к отчизне, бессмертия ее судьбы: ведь соки в тканях дерева не перестают жить и в лютой мороз.

Обширная группа свитков, альбомных листов, набросков с изображениями темы коней, ставшей у Сюй Бэйхуна страстью на всю жизнь, засвидетельствовала не только безупречное знание художником животных, но и совершенное решение этой темы. Мастеру удавалось выразить через нее едва ли не любую мысль, мечту. Силу и ум животных, их красоту и проворство, смелость и неистовость, неутомимость в движении и умиротворенность на отдыхе - кажется, все мог, сотни раз варьируя образ дикого скакуна, передать в своих работах Сюй Бэйхун. Основными же творениями того периода были свитки и картины. Это - "Сычуаньцы носят воду", "Хуай Су овладевает каллиграфией", "Моление пальме", "Сборщик плодов", "У колодца", "Прачки".

Узнав о вероломном нападении фашистской Германии на СССР, он воспринял обрушившуюся на советский народ беду, как свою. Он откликнулся свитком "Фиолетовая орхидея" с надписью, преисполненной участия к советским людям. Острая боль за их судьбы, равно как неизменно трепетная любовь к своей отчизне, к героям антияпонского сопротивления пронизывают созданные в течение этого года произведения различных жанров, выполненные то в технике туши, то маслом. Тема судьбы народа - самая актуальная в ту пору - решается художником аллегорически. Он по-новому прочитывает стародадовское предание, а также передает ее через символику изображенных цветов, птиц, деревьев.

Как не раз случалось и раньше, гоминьдановские власти отнюдь не склонны были всегда и все прощать Сюй Бэйхуну в его высказываниях и поступках. То

и дело его изводили преследованиями и клеветой, как было, например, после того, как в 1945 г. Сюй подписал пронизанное демократическими и патриотическими устремлениями воззвание прогрессивно настроенных работников искусства Чунцина. Сюй Бэйхуна травили, распространялись листовки с обвинениями художника, будто он "увечит гохуа". В 1947 г. проводилась кампания под лозунгом "Опрокинуть Сюя!", его единомышленники изгонялись с преподавательских постов.

Позиция Сюй Бэйхуна-преподавателя не расходилась с его творческими принципами. В лекциях, докладах и речах, выступлениях в печати, на занятиях со студентами он ратовал за осознанное использование всего лучшего из национального художественного опыта, отстаивал преемственность художественных традиций своей страны. Вместе с тем ополчался против слепого подражания всем приемам стародавней китайской живописи и не уставал разъяснять высокую ценность образов живописи и графики Востока и Запада.

Сюй Бэйхун был инициатором преподавания специальных курсов рисования плакатов, создания лубков, изучения народного декоративного творчества. Самостоятельными дисциплинами становились история Китая, художественная литература (преимущественно поэзия), каллиграфия, анатомия человека.

В том же направлении разворачивалась и деятельность Сюя Бэйхуна на исходе 1948 и 1949 годов. Весной 1949 г. он участвует в составе китайской делегации в I Всемирном конгрессе сторонников мира (Прага).

Тяжелый недуг, мучивший Сюй Бэйхуна давно, не позволил в полную меру содействовать решению многих задач культурного строительства в стране. Он являлся членом Народного политического консультативного совета, был одним из деятельных участников подготовки и проведения первых двух Всекитайских съездов деятелей литературы и искусства, возглавлял Всекитайский союз работников и изобразительного искусства, затем - Союз китайских художников. Всекитайской конференцией (Пекин, октябрь 1949 г.), учредившей Общество китайско-советской дружбы, Сюй Бэйхун был избран членом Центрального правления и немало сделал для расширения и углубления культурных связей с СССР.

В 1950 г. сбылись давние мечты Сюй Бэйхуна. Пекинское художественное училище, ректором которого он являлся, в результате многолетних (по меньшей мере с 1943 г.) стараний ряда представителей творческой интеллигенции во главе с Сюй Бэйхуном было преобразовано в Центральный институт изобразительных искусств (Академию художеств).

В печатных и устных выступлениях тех лет Сюй Бэйхун много внимания уделял повышению роли искусства в жизни общества, теоретическим, методическим и прикладным вопросам эстетического воспитания, а также художественного образования в учебных заведениях всех ступеней, подготовке новых поколений живописцев и графиков, которые овладевали бы не только вершинами самобытного мастерства корифеев китайского искусства, но и всем лучшим в европейской художественной школе.

Среди художественных произведений Сюй Бэйхуна последних лет заметное место занимают портреты, наметившие новый этап в его творчестве. Судя по сохранившимся эскизам и заготовкам, задумано было гораздо больше, но многое создать не удалось, не успел.

На листе 1951 г. "Мчющийся конь" - каллиграфическая надпись: "Лишь тот, кто служит народу, достойным может быть назван". В этой связи нельзя не напомнить слова, сказанные еще Лу Синем: "Творчество Сюй Бэйхуна, вся его жизнь проникнуты горячим духом служения народу. И он сам, подобно его рвущимся коням, вечно устремлен вперед".

Научная жизнь

Вручение дипломов "Почетный доктор ИДВ РАН"

В августе-октябре нынешнего года были вручены дипломы почетных докторов ИДВ РАН ряду видных зарубежных ученых и общественных деятелей за выдающийся вклад в развитие востоковедения и научных связей с Россией.

7 августа 1995 г. во время работы IX международного конгресса по китайской философии в Бостоне (США) был вручен диплом Почетного доктора ИДВ РАН исследователю китайской философии и культуры, профессору Гавайского университета в Маноа Чэн Чжунгину.

При вручении диплома д.филос.н. М.Л.Титаренко подчеркнул, что исследования проф. Чэна охватывают проблемы китайской онтологии, космологии и логики, учение "Книги перемен", неоконфуцианства, даосизма, буддизма, школ Чань и Хуань. По признанию многих исследователей, Чэн Чжунгин является одной из ключевых фигур в современной конфуцианской философии. В числе его недавних крупных публикаций можно назвать книгу "Новые измерения конфуцианской и неоконфуцианской философии".

При активной поддержке проф. Чэна в мае 1995 г. было учреждено Российское отделение международного общества китайской философии.

Профессор Чэн Чжунгин, принимая диплом, выразил Ученому Совету ИДВ РАН искреннюю благодарность и, в частности, заявил, что ИДВ РАН является одним из наиболее старых в мире научных центров, ориентированных на изучение Дальнего Востока и в особенности Китая. Это также один из крупнейших институтов, обладающий коллективом квалифицированных исследователей в различных областях истории, экономики и философии Дальнего Востока. В последние годы там получили развитие исследования в области китайской философии, наравне с китайской культурой и историей. Недавно опубликованная книга "Китайская философия: энциклопедический словарь", стала первой энциклопедией китайской философии на индоевропейском языке, содержащей тщательно отобранные словарные статьи, освещающие развитие китайской философии. Увидели свет и другие важные публикации по китайской философии и китайской культуре.

Затем профессор Чэн Чжунгин выступил с научным докладом, тезисы которого публикуются в настоящем номере журнала.

За крупный вклад в исследование проблем безопасности и южнокорейско-российских отношений Диплом почетного доктора ИДВ РАН был вручен послу Республики Корея в РФ г-ну Ким Сок Кю. Его доклад при вручении Диплома публикуется в этом номере журнала.

Диплом почетного доктора был вручен японскому китаеведу, декану факультета политических наук, профессору Университета Кэйо (Япония) Тацую Ямада за серию публикаций по различным аспектам истории Китая XX века. Доклад профессора Тацую Ямада при вручении ему Диплома на Ученом Совете ИДВ РАН будет опубликован в следующем номере нашего журнала.

За вклад в развитие и изучение перспектив корейско-российского научно-технического сотрудничества Диплом почетного доктора был вручен директору Института политики в области науки и техники Республики Корея профессору Ким Ен У. Его доклад на Ученом Совете ИДВ РАН публикуется в следующем номере журнала.

Китай, китайская цивилизация и мир

VI Международная научная конференция

С 11 по 13 октября 1995 г. в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук прошла VI Международная научная конференция под названием "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы". Основное внимание уделялось теме "Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке".

В работе VI Международной конференции наряду с российскими учеными участвовали и представители из КНР, Гонконга, Тайваня, Республики Корея, Японии и Европы. Работа конференции включала в себя четыре основных направления, соответствующих 4-м секциям: "Экономика КНР и других стран Восточной Азии. Проблемы экономического взаимодействия России и Китая в АТР", "Внешняя политика КНР и международные отношения на Дальнем Востоке. Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке", "Евразийская и китайская цивилизация и современность. Общее и особенное в политической культуре России и Китая. Опыт взаимодействия западных и восточных цивилизаций. Китайская философия и культура" и "Политические и социальные процессы в современном Китае. Перспективы развития политической ситуации в Китае, проблемы нового поколения руководителей страны. История и историография". Доклады и дискуссии отразили глубокий интерес ученых к решению насущных проблем, связанных с Китаем, Россией и АТР, а также свойственный большинству исследователей комплексный, межрегиональный и междисциплинарный подход.

Конференция и первое пленарное заседание были открыты речью председателя Научного совета по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения экономики РАН, директора Института Дальнего Востока, доктора философских наук, профессора М.Л.Титаренко.

С приветственным словом от Президиума РАН выступил вице-президент РАН, академик В.Н.Кудрявцев. Он выразил уверенность в том, что конференция принесет большую пользу, а изучение соседних с Россией стран будет иметь не только сугубо научное, но и практическое значение.

Следующим к участникам конференции с приветственным словом обратился посол КНР в России Ли Фэнлинь. От имени китайского посольства он горячо поздравил российских китаеведов с достигнутыми успехами и выразил уверенность, что российским и китайским ученым представляется возможность для углубленного обмена мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес. В своем выступлении г-н Ли Фэнлинь сообщил, что с конца 80-х гг., когда ситуация в мире меняется с быстротой молнии, АТР выделяется относительно стабильной обстановкой, продолжающимся экономическим ростом, открытостью по отношению к внешнему миру, активизацией сотрудничества. АТР представляет собой самый ди-

намичный и перспективный район мировой экономики, статус которого признается все большим числом стран. XXI век станет веком АТР, который будет конструировать всемирный экономический механизм XXI века. Огромные темпы экономического роста Китая должны еще более возрасти к концу столетия; в продвижении по пути строительства социализма с китайской спецификой за 15 лет достигнуты значительные успехи, несмотря на доставшееся в наследство вековую отсталость и множество экономических проблем. Китай является важным фактором безопасности в АТР, что способствует процветанию, миру и дружбе с окружающими странами. Китай должен вступить в XXI век мирным, развитым, стабильным и процветающим. Г-н Ли Фэнлин приветствовал участие России в АТР и отметил ее важную роль на мировой арене.

В выступлении академика РАН, президента Общества российско-китайской дружбы С.Л.Тихвинского был отмечен значительный вклад, вносимый китаеводами в развитие отношений между Россией и КНР. Несмотря на экономические трудности, в последнее время вышли в свет большие, яркие труды - такие, как философский словарь, материалы Коминтерна по Китаю, книги о китайских стратагемах и боевом искусстве ушу. Свой вклад в китаеведение вносят публикации журнала "Проблемы Дальнего Востока" и реферативного журнала "Китаеведение".

Директор Центра Восточных гуманитарных исследований при Пекинском университете профессор Сан Сыфэн вручил российским коллегам подарок - недавно опубликованные книги, которые имеют важное значение для изучения китайской культуры, и, в частности, древней литературы, а также выразил надежду на дальнейшее сотрудничество. Директор Института Дальнего Востока профессор М.Л.Титаренко в ответ поблагодарил за поддержку и дары от китаеведческих центров, ставшие экспонатом открытого в Институте Дальнего Востока культурно-информационного центра - "китайского зала".

В последовавшем за этим научном докладе на тему "Китайская цивилизация и евразийство" д.филос.н., профессор М.Л.Титаренко отметил, что Россия переживающая сейчас период испытаний, нуждается в общенациональной идеологии для сплочения и развития страны. Этой идеологией может стать новое евразийство. Российская мегацивилизация сохраняет контакт с цивилизациями других окружающих стран, взаимодействуя с ними; евразийство русской культуры - это факт, объективная реальность. Синтез культур Запада и Востока представляет собой альтернативу поглощению, ассимиляции одних цивилизаций другими, и в конечном счете сохраняет цивилизационное многообразие мира. Напротив, унификация, моноразвитие мировой культуры привели бы к ее гибели. Затем, дав характеристику такому понятию, как современное российское евразийство, М.Л.Титаренко остановился на взаимоотношениях и взаимной связи Китая и России. По его мнению, китайский опыт реформ не может быть механически перенесен на российскую почву: у России - собственный путь, отвечающий условиям и особенностям евразийской страны. Китайский опыт доказывает, что оптимальным для России был бы выбор евразийской парадигмы существования. Вопрос сохранения целостности России, как подчеркнул докладчик, связан с нашим сотрудничеством с Китаем, и ответы на не одинаковые, но сходные вызовы со стороны действительности должны быть "взаимно резонирующими", иначе неизбежна конфронтация. Эти ответы должны базироваться на трех принципах - со-развития, взаимодополняемости, обеспечения безопасности на основе со-

трудничества, - чтобы противостоять негативным тенденциям и избежать войны цивилизаций. В заключение профессор Титаренко призвал Китай и Россию к сотрудничеству на базе концепции евразийства.

В своем докладе член-корреспондент РАН, заместитель директора ИДВ РАН, д.и.н. профессор В.С.Мясников рассказал об участии российских ученых в традиционно проводимой в КНР конференции, обсуждавшей проблемы взаимодействия России и Китая в области международных отношений. Очередная III конференция КИСМО отразила глубокий научный анализ проблем, стоящих перед обеими странами на международной арене. Обе стороны согласны, что для начавшегося в нынешнем году нового этапа необходима новая модель отношений в области экономики и политики. В настоящее время тезис о сотрудничестве двух стран на конструктивной основе наполняется конкретным содержанием, для чего существует хорошая база - наработки дипломатов и экспертов двух стран за последние годы. Сделав обзор основных аспектов проблематики прошедшей конференции, таких как обсуждение и поддержка тезиса китайской стороны о структуре международных отношений, где все государства будут иметь равные права и равный голос, проблема соответствия ООН новым реалиям, региональная политика, и т.д. - профессор В.С.Мясников остановился на значении двусторонних отношений между Россией и Китаем для АТР. Он выразил согласие с тем, что АТР будет центром экономического и политического развития в XXI веке. Спектр же двустороннего сотрудничества, в котором заинтересованы обе страны, огромен, и одним из его аспектов является принятое с энтузиазмом предложение российских ученых о создании российско-китайского Комитета XXI века, правительственно-общественной организации, которая способствовала бы углублению взаимопонимания между двумя народами и государствами.

Ведущий сотрудник ИДВ РАН, к.и.н. А.С.Красильников выступил с докладом "Национальные интересы и безопасность России и Китая в АТР в начале XXI века", где осветил нынешнюю ситуацию и перспективы на будущее в области сотрудничества двух стран. Докладчик отметил, что существуют разногласия как в области национальных интересов России и Китая, так и в их подходе к проблеме безопасности. Коренные национальные интересы всех стран, по мнению А.С.Красильникова, состоят в повышении качества жизни и обеспечении безопасности граждан. Если прогнозы для КНР, чьи национальные интересы выражены в программе 4-х модернизаций, в конце XX века достаточно стабильны, то ситуация в России наименее предсказуема. Согласно прогнозу ученого, в начале XXI века в АТР будут усиливаться определенные противоречия, а политическая открытость стран может повести к нестабильности некоторых из них. Далее докладчик остановился на характеристике такого важнейшего фактора в обеспечении безопасности, как демографический. В заключение он обратил внимание слушателей на необходимость для России отказаться от элементов великодержавия в своей политике, что могло бы привести к изоляции страны. Наша страна заинтересована в стабильности КНР, чему способствует отказ от вмешательства во внутренние дела Китая.

Вице-президент Международного фонда им. Кондратьева, действительный член Российской Академии естественных наук Ю.В.Яковец посвятил свой доклад проблеме локальных цивилизаций. Докладчик остановился на трактовке различными учеными определения "локальных цивилизаций". В кратком обзоре он отметил вклад французских, американских, российских ученых в разработку таких тем, как циклы развития, ритмы

подъема и спада, носящие общемировой, общецивилизационный характер, историческое подразделение цивилизаций, их взаимодействие, и т.д. Эти исследования дают возможность по-другому взглянуть на клубки противоречий, свойственные переходному периоду. Своеобразие нынешнего периода - переход от жестко индустриального механизма к более гуманному обществу, перемещение эпицентра цивилизации на Восток - диктует необходимость понять суть и взаимодействие российской и китайской цивилизаций. Обе цивилизации при их специфичности роднит огромный потенциал и сближают сходные задачи. Им следует обдумать направления развития взаимно выгодного (в том числе и в экономическом плане) сотрудничества, а также выработать совместный подход к осмыслению XXI века и таким образом решить проблему взаимодействия цивилизаций в сложном, но интересном мире XXI века.

Директор центра Азиатско-Тихоокеанских исследований из Гонконга г-н Го Ияо посвятил свой доклад проблеме отношений Китая и России в контексте треугольника "Россия-США-Китай". То, что на положение Гонконга влияют все стороны этого треугольника, дает возможность сфокусировать внимание на анализе отношений Америки и Китая через призму Гонконга. Ряд приведенных докладчиком цифр убедительно свидетельствует о важности занимаемого Гонконгом места в китайско-американских экономических отношениях, а также о социально-политическом своеобразии положения Гонконга. Г-н Го Ияо выразил сомнение в целесообразности создания "своего Гонконга" в других районах Китая, т.к. в основном успех Гонконга - следствие сложившейся после II мировой войны исторической ситуации. Вместо этого, по мнению выступающего, следует осваивать внутренний рынок Китая и активизировать экономический рынок между Россией и Китаем, обладающий большим потенциалом.

Следующий доклад на тему "Дэн Сяопин. Предварительные итоги", сделанный д.и.н., профессором Ю.М.Галеновичем (ИДВ РАН), был посвящен характеристике Дэн Сяопина как одной из четырех важнейших политических фигур в истории Китая в XX веке. Характеристика эпохи Дэн Сяопина с точки зрения внутренней политики (политика в отношении крестьянского населения, решение демографических и национальных проблем, и т.д.) дает материал для подведения предварительных итогов деятельности китайского лидера. От этой эпохи унаследовано множество стоящих перед Китаем проблем, проявление которых может быть неожиданным, и требующих в настоящее время самостоятельного решения.

В своем докладе "Ядерная стратегия как элемент национальной безопасности Китая", к.воен.н. В.В.Стефашин (Академия Военных наук) дал подробный обзор истории отношения военных кругов в КНР к проблеме ядерного оружия, а также созданию собственного ядерного потенциала Китая, что повлияло на рост авторитета страны, усилило ее значение на мировой арене. В XXI веке Китай вступает в качестве ядерной державы и будет ею оставаться, но не следует при этом недооценивать политический фактор, реакцию мирового сообщества на развертывание ядерных средств.

Доклад к.филос.н. А.В.Ломанова (ИДВ РАН) был посвящен культурно-цивилизационному аспекту связей России и Китая в контексте теории евразийства. Выступление, озаглавленное "Россия и Китай: религиозно-философские параллели", было посвящено сравнению традиций России и Китая с точки зрения совершенно нового подхода - компаративистской философии и компаративистской теологии, дающего возможность для множества интересных сравнений. Сопоставляя подходы российских и за-

падных ученых, А.В.Ломанов приходит к выводу, что сравнение таких религий, как конфуцианство и христианство, возможно лишь на уровне личностных отношений. Цель этих сравнений - выход к новым культурам, чтобы, вернувшись в свою традицию, обогатить ее новым подходом. Приведя краткий обзор мнений о потенциале и перспективах конфуцианско-христианского диалога в XXI веке, докладчик отметил, что Россия сможет сыграть значительную роль в осмыслении китайской традиции.

Доклад д.и.н. профессора А.Г.Яковлева (ИДВ РАН), озаглавленный "Международно-политическая стабильность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Китай", был посвящен ситуации в АТР. Сохранение стабильности в регионе, вопреки прогнозам перемен, по мнению выступающего, есть результат устойчивости сложившейся там модели развития. Профессор Яковлев считает, что возможные перемены в политической ситуации в Китае вряд ли повлекут изменения в стабильном положении в АТР. Приоритет Китая - мир в регионе, поддержка которого связана с упрочением внутренней политики. По словам выступающего, Китай должен быть озабочен сохранением достигнутых успехов в достижении безопасности в дружеском кругу стран.

Следующим выступил г-н Пак Доо Бок (Институт стратегических исследований и национальной безопасности, Республика Корея) с докладом "Корейская политика КНР". Начиная с установления в 1992 г. дипломатических отношений между двумя странами, отношения развивались в основном в области экономики, что вызвало серьезный дисбаланс в области политического сотрудничества и сотрудничества в сфере безопасности. Ситуация в этих сферах не поспевала за развитием экономического сотрудничества, к тому же находясь под влиянием особых отношений КНР с Северной Кореей, в результате чего отношения между КНР и Южной Кореей по своему масштабу не смогли превзойти отношения КНР с Северной Кореей.

Однако, как отметил г-н Пак Доо Бок, в последнее время ситуация изменилась, началось выравнивание сложившегося дисбаланса. Затем докладчик остановился на экономическом аспекте корейско-китайских отношений, которые успешно развиваются, сотрудничество приобретает все более диверсифицированный характер.

Д.и.н. Б.Н.Занегин (ИСК РАН) подчеркнул, что на конференции удалось добиться междисциплинарного подхода к проблемам, волнующим ученых. Тема его выступления - геополитические основы взаимодействия Китая с Россией и Соединенными Штатами. Методика, предложенная геополитикой, позволяет найти нетрадиционный подход к изучению международных отношений между тремя мировыми державами, составляющими в целом своеобразную геополитическую структуру.

Профессор Э.П.Пивоварова (ИДВ РАН) посвятила свой доклад проблеме достижения баланса экономических и социальных интересов в ходе реформы экономической системы в КНР. В результате экономических реформ изменилась социальная структура китайского общества. Несмотря на существование ряда социальных проблем, в КНР разработана серьезная программа социально-экономического развития страны в XXI веке. В заключение профессор Пивоварова сделала вывод о тенденции к сближению различных мировых систем, с которыми страны АТР войдут в XXI век.

Темой выступления к.филос.н. В.Ф.Феоктистова (ИДВ РАН) явилась национальная специфика Китая в контексте мирового цивилизационного процесса. Ответив отрицательно на вопрос, возможно ли создание единой

мировой цивилизации, В.Ф.Феоктистов отметил, что в мире сейчас существуют скорее центробежные, чем центростремительные тенденции. Решение проблем, в том числе политических, невозможно без учета национально-культурных особенностей стран.

В своем докладе д.и.н., профессор Б.Г.Доронин (СПбГУ) обратился к проблеме взаимосвязи конфуцианства и истории, остановившись на прикладном аспекте конфуцианства - учения, ориентированного на практику. Он подчеркнул взаимосвязь государственной идеологии, китайской философии и историографии как компонентов китайской культуры.

Доклад к.э.н. О.Н.Борох (ИДВ РАН) "Китайская экономическая наука: поиск новой парадигмы" был посвящен формированию нового типа экономического мышления в Китае. О.Н.Борох охарактеризовала те направления, в которых будет осуществляться развитие современной китайской экономической науки, уделяющей большое внимание изучению достижений мировой теории.

Пленарное заседание последнего дня конференции открыло выступление д.и.н., профессора А.В.Меликсетова (ИСАА) "Историческое место "новой демократии" в Китае". Содержание доклада составили исторический обзор ситуации в КПК, дискуссий о "новой демократии" в 50-е гг. и их влияние на дальнейшую, в том числе и современную, ситуацию в Китае.

Перспективам социально-экономического развития Китая и российско-китайских отношений был посвящен доклад к.и.н. В.Я.Портякова (ИДВ РАН). Выступающий говорил о том, что социальные и экономические успехи Китая, ставшего одной из ведущих стран мировой экономики, неоспоримы, но это не исключает ряда серьезных проблем. В.Я.Портяков привел несколько возможных вариантов сценария экономического развития Китая, а также заметил, что дальнейшее стабильное развитие отношений между двумя странами имеет хорошие перспективы.

Профессор Гонконгского университета, почетный доктор ИДВ РАН г-н Хуан Чжилян представил вниманию слушателей доклад "Стратегия развития на двух берегах Тайваньского залива по схеме английской буквы f". С помощью этого графического символа из традиционной китайской философии профессор Хуан Чжилян охарактеризовал особенности стратегического развития нескольких районов Китая, а также отметил, что развитие России по такой же схеме обеспечит баланс во внешнеполитической стратегии страны.

Последним на пленарном заседании с докладом "Возможен ли конфуцианско-легистский вклад в политическую культуру России XXI века" выступил д.и.н., профессор Л.С.Переломов (ИДВ РАН). По его мнению, одной из основных причин нынешних экономических трудностей в России является недостаток политической культуры, который могло бы восполнить изучение конфуцианско-легистской теоретической концепции.

В оживленной дискуссии, последовавшей за докладом, приняли участие профессор Хуан Чжилян, к.филос.н. В.Ф.Феоктистов, д.э.н. И.Н.Наумов (ИДВ РАН), к.э.н. В.П.Курбатов (ИВ РАН), профессор В.Ф.Гельбрас (МГУ), и другие ученые.

В заключение слово было предоставлено руководителям секций конференции.

К.и.н. В.Я.Портяков, руководитель секции экономики, сообщил, что на заседаниях секции было заслушано 14 докладов, часть из них была посвящена российско-китайским отношениям, часть - современному этапу реформы в Китае. Основной блок выступлений составили доклады по аг-

рарным проблемам, вызвавшие дискуссию о судьбах аграрной реформы в Китае в ее различных аспектах, а также обсуждение аграрной ситуации на Тайване и в России. В результате дискуссии возникла идея о проведении специальной конференции по аграрной проблематике.

О работе секции "Внешняя политика КНР и международные отношения на Дальнем Востоке" рассказал д.и.н. А.Г.Яковлев, отметивший интенсивную работу участников конференции, живую дискуссию по ряду докладов, широкую тематику многих интересных выступлений. Бурная дискуссия на заседании секции подвела ученых к мысли о необходимости изменения структуры конференции в пользу более длительного обсуждения проблемных докладов. В ходе дискуссии, выветившей необходимость при рассмотрении конкретных проблем ставить их в контекст мирового развития, ученые получили хорошие ориентиры для дальнейшей работы.

К.филос.н. В.Ф.Феокистов, руководитель секции "Евразийская и китайская цивилизация и современность", отметил, что на заседание секции были представлены 11 докладов, присутствовали более 30 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Китая. Была затронута обширная тематика - от глубин древнекитайской философии до проблем книжного рынка. По сравнению с прошлым годом В.Ф.Феокистов отметил активное участие ученых и расширение тематики докладов.

Д.и.н., профессор А.М.Григорьев, руководитель секции "Политические и социальные процессы в современном Китае. История и историография" кратко ознакомил присутствующих с итогами работы секции. Были заслушаны 14 сообщений, опубликовано более 30 тезисов. Группа докладов была посвящена оценке современной политической ситуации в Китае, политической ситуации на Тайване; другая группа - истории Китая и КНР. Некоторые ученые избрали темой своих выступлений новые подходы к историографии использованию документов и архивных материалов. В целом профессор Григорьев отметил у участников конференции новую тематику, использование новых документов, интерес к общим проблемам.

В заключительном слове председатель Научного Совета по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения экономики РАН, директор ИДВ РАН, профессор М.Л.Титаренко оценил прошедшую VI Международную научную конференцию как новый шаг в углублении знаний о Китае. М.Л.Титаренко поблагодарил участников конференции, в том числе и зарубежных коллег и заявил, что обмен мнениями должен стать стимулом для дальнейшей исследовательской работы института.

М.Л.Титаренко сообщил, что проведение следующей, VII Международной научной конференции совпадает с 30-летним юбилеем ИДВ РАН. Он пригласил присутствующих принять участие в юбилейной конференции, которая состоится в сентябре или октябре 1996 г., и предложил тему конференции: "Китай: повестка на XXI век. Проблемы и потенциал устойчивого развития". Подтемой же станет история изучения Китая российскими синологами.

Социальные проблемы Китая на современном этапе

На заседании Ученого Совета Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН 28 июня 1995 г. была обсуждена проблема социальных реформ, происходящих в стране. С докладом "Некоторые аспекты социального реформирования китайского общества" выступила к.э.н. Муромцева З.А. В докладе было отмечено, что в конце 70-х годов Китай стоял на грани экономического и социального краха. Призывы к экономической модернизации Китая, провозглашавшие на протяжении 60-70-х годов, не были востребованы из-за отсутствия социальной базы. Подъем сельского хозяйства на основе семейного подряда в первой половине 80-х годов и отчасти бурное развитие волостно-поселковой промышленности во второй половине 80-х годов удержали страну от социально-экономического взрыва и стали социальными условиями для проводимых в стране экономических реформ. Однако в 90-е годы вновь встала задача обеспечения социальной базы китайского общества.

В настоящих условиях социальную базу реформ не могут поддержать ни сельское хозяйство, которому самому необходима экстренная помощь, ни волостно-поселковая промышленность, вбирающая ежегодно в 90-е годы в три-четыре раза меньше рабочей силы, чем это было в 80-е годы.

В последнее время государственные крупные и средние предприятия в Китае рассматриваются как фактор социальной стабильности и как регулятор социального распределения. Почти треть стоимости имущества крупных и средних предприятий обслуживает социальные потребности работников, включая жилье, образование, пенсионное и медицинское обслуживание.

Хотя считается, что государственная промышленность реформируется полтора десятка лет, ее оперативные механизмы по-прежнему слабо приспособлены к рыночной конкуренции, а система социального обеспечения и вовсе с трудом приспосабливается к рыночным условиям. Факторы сохранения социальной стабильности подвергаются все более серьезному напору рыночных сил. Государственные расходы на вложения в социальный капитал, человеческий капитал общества в переходных условиях увеличиваются незначительно. Вместе с тем невнимание к социальным проблемам китайского общества чревато тяжелейшими осложнениями.

В Китае в настоящее время разработан общий индекс социального развития, который включает 130 показателей, в том числе такие, как экология, занятость, научно-техническое, культурное развитие, общественная безопасность, спорт и т.д. Из 29 провинций и городов центрального подчинения 16 провинций по этому индексу занимают положение ниже среднего. В 90-е годы темпы прироста индекса социального развития, как отмечала китайская печать, ниже темпов прироста экономики.

Далее З.А.Муромцева остановилась на проблеме социальных условий усвоения новых технологий в Китае. Недостаточное развитие разделения труда и кооперирования, реальное состояние научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, дефицит подготовленных управленческих

кадров и инженеров осложняют степень восприимчивости китайской экономики передового технического и технологического опыта. Большие затруднения в модернизации Китая создает невысокий образовательный уровень населения. По данным, которые КНР предоставила ЮНЕСКО в 1991 г., лишь по начальному образованию Китай превосходит среднемировой уровень (93% против 79,2 в среднем в мире); по среднему образованию Китай отстает от среднемирового (соответственно 51 и 56,8%); по университетскому и вузовскому образованию отставание Китая значительно (соответственно 1,5 и 18,8%). К 2000 г. в КНР поставлена задача ликвидировать в основном неграмотность среди лиц молодого и среднего возраста.

Основные направления реформирования экономики до начала 90-х годов имели сравнительно небольшие социальные издержки, они уменьшали дефицитность народного хозяйства и создавали имущественные права хозяйствующих субъектов. Образование новых социальных слоев и групп населения усилило имущественное расслоение общества. Как показывают выборочные данные 1993 г., 10% семей имеют высокие доходы, 20 - выше средних и средние доходы и 70% - ниже средних. Это означает, что более двух третей населения страны продолжает жить в чрезвычайно трудном материальном положении. По официальным данным, в бедных сельских районах более 70 млн. крестьян едва сводят концы с концами и не имеют условий "тепла и сытости".

В выступлении к.э.н. Ганшина Г.А. было подчеркнуто, что в последние годы в Китае уделяется повышенное внимание к вопросам социальной сферы. Большое значение придается проблеме занятости, включая упорядочение миграции трудоспособного населения внутри страны. Совершенствуется общегосударственная система социального обеспечения. Наряду с этим, появились и некоторые тревожные симптомы. Сообщается, например, что крупные государственные предприятия, приспособившись к "рыночному климату", стремятся отказаться от объектов социальной сферы, находившихся у них на балансе: поликлиник, клубов, детских садов и т.п. В процессе рыночных преобразований элементы коммерциализации все острее вторгаются в такие сферы общественного бытия, как жилищные условия, здравоохранение, образование, искусство (недавно принятый Закон об образовании фактически ликвидирует бесплатное высшее образование). В беседах с представителями науки последние нередко сетуют на возрастающие экономические трудности в этой области.

В общем такие явления при переходе к рынку можно считать нормальными; важно, однако, чтобы они не переходили рубеж, который позволяет сохранять стабильность общества.

Д.э.н. Карлусов В.В. акцентировал внимание на термине "шэжуэй сяньдайхуа", который по его мнению, следует переводить с китайского несколько шире - не "социальная" (то есть не только социальная), а в целом "общественная модернизация". В случае подобной трактовки данного термина вполне проясняется его соотношение с поставленной в Китае задачей построения "социалистической рыночной экономики", а именно: настоящая задача выступает как базовая составляющая основной цели - модернизации общества. Второе замечание В.В. Карлусова касалось рассмотрения собственно социальных аспектов общественной модернизации в КНР, что экономика современного Китая является рыночно-переходной экономикой, и в течение последних полутора десятилетий в китайском обществе развивались и, очевидно, в обозримом будущем с гораздо большей интенсивностью будут развиваться соответствующие процессы классовобразования.

К.э.н. Чуванкова В.В. отметила, что ориентированность с конца 70-х годов на развитие многоукладной хозяйственной системы внесла существенные

изменения в сложившуюся в дореформенный период социальную структуру китайского общества и вызвала появление довольно значительного слоя населения, занятого предпринимательской деятельностью. К концу 1994 г. в индивидуальном и частном секторах экономики было занято 37,6 млн. человек (это примерно 6% экономически активного населения), в том числе в городах и поселках их насчитывалось 13,2, в деревне - 24,4 млн. человек.

По характеру отношения к средствам производства и формам распределения дохода занятых в предпринимательской сфере можно подразделить на три самостоятельные социальные группы: индивидуальные труженики; владельцы частных предприятий и инвесторы, вложившие средства в частные предприятия, но не участвующие непосредственно в их деятельности; наемные работники (в том числе ученики и помощники), используемые на индивидуальных и частных предприятиях. Каждая из этих групп имеет свои характерные черты и особенности.

Социальный состав занятых в предпринимательской сфере отличается неоднородностью структуры. В нем практически представлены все слои и группы населения, не нашедшего себе применения в сфере государственного и коллективного производства: это, прежде всего, безработная молодежь, крестьяне, вытолкнутые из сферы сельскохозяйственного производства в ходе проводимых в деревне преобразований, рабочие и служащие, вышедшие на пенсию или оставшиеся без работы в результате реорганизации предприятий, бывшие кадровые работники и военнослужащие, научно-технический персонал, лица, не занятые прежде общественно полезным трудом, освобожденные после истечения срока наказания и т.д.

Процесс формирования слоя предпринимателей и наемных работников, наряду с положительным экономическим эффектом, порождает и определенные социальные противоречия, ведет к социальному расслоению и имущественной дифференциации общества.

К.э.н. Волкова Л.А. остановилась на проблеме социально-классовой структуры крестьянства. На протяжении менее полувека социально-классовая структура крестьянства претерпела коренные изменения. В результате аграрной реформы был ликвидирован класс помещиков и подорваны экономические основы социальной прослойки кулаков. Кооперирование формально превратило крестьянство в единый класс тружеников, что открывало широкие возможности его социальной модернизации, однако для этого процесса требовалось длительное время.

В 50-е - 70-е гг. принадлежность к той или иной социальной группе в прошлом сказывались на обстановке в деревне как в силу объективных причин, так и в результате политики китайского руководства. В этот период были приложены значительные усилия по борьбе с неграмотностью, развитию медицинского обслуживания населения, созданию системы социальной защиты. Это принесло положительные результаты, хотя для решения задач в названных областях требовалась дальнейшая напряженная работа и значительные материальные затраты.

Осуществление в 80-е гг. реформы экономической системы в деревне сопровождалось изменением социально-классовых ориентиров. Крестьян перестали разделять на середняков, незажиточных середняков, бедняков и бывших кулаков и помещиков.

Бывшие помещики и кулаки были уравниены в правах с остальным крестьянством. Ярлык "помещика и кулака" был снят почти с 3 млн. человек.

Переход к системе дворового подряда предоставил значительно большую чем прежде хозяйственную самостоятельность отдельной крестьянской

семье, заложил основы новой системы экономических отношений крестьян с формирующимся рынком, с государственными и общественными структурами. Социальный статус отдельного крестьянского двора зависел уже в основном от его хозяйственной деятельности, а не от социально-классовой градации.

Появившаяся возможность миграции сельской рабочей силы в другие районы, города и поселки способствовала улучшению ее качества и специальной подготовки, закладывая основы слоя научно-технических работников деревни.

Новые элементы хозяйственной организации, фактическое прекращение существования коллективного хозяйства отрицательно сказались на возможности социальной поддержки наименее обеспеченной части крестьянства, на выполнении программ по развитию образования и здравоохранения. Увеличение различий в доходах крестьян одной местности, в их доходах в разных регионах страны, а также рост разницы между доходами городского и сельского населения в перспективе может стать источником социальной напряженности в сельских районах.

В своем выступлении к.э.н. Коркунов И.Н. отметил обострение социальных проблем крестьянства в последнее время вследствие крупных шагов по либерализации экономики, переходу к рынку при одновременном ослаблении роли государства в сельских районах, усилении местничества, несформированности единого национального рынка.

Существенным ограничителем развития всей экономики и реформы является ухудшение продовольственной ситуации, явившееся следствием недоинвестированности сельского хозяйства, неоправданной ставки на крестьянские и местные капиталовложения, а также нарастание "ножниц цен", излишка рабочей силы и т.д. Уровень производства зерновых остается ниже уровня 1990 г. (446 млн.т) при одновременном росте населения и спроса со стороны промышленности. В КНР отмечают, что нехватка продовольствия сохранится до 2050 года.

Отставание аграрного сектора и социальная незащищенность сельского населения ставят под угрозу достижение к концу века целей модернизации и "малого благосостояния" ("сяокан"), сохранение кредита доверия населения к реформе. Принимаемые меры по решению социальных и хозяйственных проблем деревни носят в основном паллиативный характер и сводятся к укреплению нормативно-правовых основ деятельности аграрного сектора, оказанию помощи деревне в крупном капитальном строительстве, в предоставлении кредитов и налоговых льгот, развитии рыночной сферы и непроизводственных форм кооперации.

К.э.н. Минаков Ю.В. подчеркнул остроту современных экологических проблем, влияющих на социальное состояние общества.

Д.э.н. Наумов И.Н. отметил необходимость тщательного отслеживания сферы социальных отношений. Нельзя не видеть, что явления, происходящие в китайской экономике, в социальной сфере в особенности, несут на себе печать инерционно-эволюционного развития. Застарелые проблемы в ходе реформы отнюдь не преодолеваются, а загоняются нередко вглубь. Несмотря на высокие темпы экономического роста, большое воздействие, буквально на все стороны социально-экономической жизни в Китае, оказывает огромный рост населения. За 46 лет существования КНР население более чем удвоилось, при этом экономически активное население увеличилось в 3,3 раза. За 16 лет реформы население возросло на 240 млн. человек, а экономически активное население - на 220 млн. человек.

Последствия политики "всеобщей занятости" были неоднозначны. С одной стороны, "всеобщая занятость" явилась важным фактором роста производства, социальной и политической стабильности китайского общества в последние годы. Каждый человек мог рассчитывать на получение работы и какого-то минимума жизненных средств. С другой стороны, "всеобщая заня-

тость" способствовала развитию уравниловки и иждивенчества, снижению эффективности производства. Избыток рабочей силы стал одной из причин роста убыточности государственных предприятий. Предпринимаемые попытки вырваться из этого порочного круга пока не дают ощутимых результатов. Китайское общество в социальном и политическом отношении все более "разогревается". Критическая обстановка складывается в ряде сельских районов, особенно в связи с колебаниями сельскохозяйственного производства, усилением давления со стороны местных властей многочисленными поборами.

Подводя итоги обсуждения, председатель Ученого Совета ЦСЭИК д.э.н. Пивоварова Э.П. подчеркнула, что характеристика социальных последствий экономической реформы в КНР требует показа всех тех сдвигов, которые произошли в китайском обществе с конца 70-х годов в результате использования принципиально новых для страны рыночных методов в целях достижения модернизации народного хозяйства. Социальная модернизация не менее емкое и не менее содержательное понятие, чем экономическая модернизация. С точки зрения поступательного развития общества, весь смысл экономической модернизации заключается в достижении модернизации социальной. И здесь задача не в количественном накоплении, а в качественном изменении вслед за факторами производства, содержания и условий жизнедеятельности главной производительной силы общества - человека.

Характер изменений в социальной сфере является критерием успеха или неудач преобразований в сфере экономической. Именно поэтому важно проследить, как в ходе хозяйственной реформы меняется социальная структура общества, какие появляются новые социальные слои и какие функции в обществе они выполняют, как меняется квалификационный, образовательный уровень прежних групп населения, какова динамика величины и структуры их доходов и расходов, обеспечения теми или иными услугами, социальными гарантиями и т.п. Реформа экономической системы КНР, затронувшая основу всей хозяйственной деятельности - отношения собственности, существенно изменила социальную структуру китайского общества. Из глобально обобществленной экономика стала многоукладной. Качественные изменения произошли внутри каждого из секторов хозяйства. Выросли техническая оснащенность труда, квалификационный уровень, управленческие навыки, инициативность, ответственность, способность к самостоятельному принятию решений. В той или иной мере улучшилось качество жизни подавляющего большинства населения страны.

Законы рыночной экономики жестоки по своей сути: достижение эффективности хозяйствования возможно лишь в условиях конкурентной борьбы, вытеснения слабого сильным и наиболее дееспособным. Поэтому в период первоначального накопления экономической мощи, которое происходит в странах, пока еще только переходящих к рыночной экономике, некоторые потери прежних социальных гарантий неизбежны, а степень социальной защищенности трудящихся в том понимании, как это дал предшествующий опыт социалистического строительства (в первую очередь через фонды общественного потребления), снижается. Очевидно, можно говорить лишь о величине той социальной платы, которую приходится отдавать за достижение эффективности экономики, о необходимости сделать этот переход наименее болезненным для населения.

Рецензии

Россия и страны Азии: поиск путей обновления. М., Финиздат, 1995. 343 с.

В июле 1995 г. вышла в свет одна из первых крупных работ, рассматривающих особенности экономических реформ в России, КНР, СРВ, Монголии и проблемы внешнеэкономической стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ответственный редактор - доктор экономических наук Аносова Л.А.). В работе предложены пути повышения эффективности сотрудничества России со странами Азии. Авторами статей являются видные ученые из России, Китая, Монголии, Республики Корея и Вьетнама, что дало возможность представить разнообразие точек зрения по проблемам экономической интеграции в АТР, отражающих как интересы России, так и других стран - участников этого процесса. Несомненным достоинством рецензируемой книги является широкий подход к теме, который показывает зависимость успешного сотрудничества России со странами Азии от хода политических и экономических реформ, осуществляемых ими, что позволяет составить общее представление о внутренних и внешних факторах, определяющих темпы и характер развития международного сотрудничества в регионе.

Отмечая важное значение каждой из двух десятков статей, входящих в книгу, считаем, однако, что основу ее, костяк, составляют статьи "Актуальные проблемы в экономической реформе России" Чжоу Цюань (КНР), "Иностранный капитал в России" (Л.Аносова), "Китай: производительные силы на подъеме" (Шэн Ли, КНР), "Вопросы экономической интеграции России и других стран СНГ" (Г.Шагалов, РФ), "Проблемы формирования нового механизма сотрудничества России со странами Азии (Доан Линь Фу, СРВ), "Роль Азии во внешнеэкономической стратегии великих держав и их интересы в СРВ" (Ле Хонг Минь, СРВ) и "Интеграционные процессы в восточно-

азиатском "треугольнике роста": материковый Китай - Гонконг - о.Тайвань" (А.Козлов, РФ). В перечисленных статьях наиболее ярко отражены основные направления экономической политики России в Азии, условия развития международного сотрудничества в АТР и его тенденции в последнем десятилетии уходящего века.

В статьях Чжоу Цюань и Л.Аносовой раскрываются особенности экономической реформы в России и показаны возможности привлечения иностранных капиталов в Россию, которая подробно охарактеризована как исключительно крупный инвестиционный и товарный рынок, как страна с серьезными сравнительными преимуществами - богатством недр, сильным (а в отдельных сферах - первоклассным) научно-техническим потенциалом, квалифицированной и недорогой рабочей силой при наличии значительных мощностей промышленности (с. 14). Вместе с тем обращено внимание на перспективы для иностранных инвесторов на Дальнем Востоке и особенно в Приморском крае, где создано более 500 предприятий с использованием иностранных инвестиций (ПИИ). Учредителями ПИИ являются фирмы многих стран, но явно преобладают Китай, Япония и Южная Корея, а также США. Однако темпы привлечения иностранных капиталов в Россию из стран Азии пока далеко не удовлетворяют потребности в них. Так, по данным Госкомстата РФ, объем производства ПИИ в Приморском крае составляет 2% от общероссийского уровня, а объем экспорта ПИИ хотя и превышает 10% экспорта края, но составляет всего около 1,5% экспорта ПИИ России в целом. Таким образом, реально вложенные в экономику края иностранные инвестиции пока не превышают 300 млн. долл. США, две трети которых приходится на

Находку, объявленную осенью 1990 г. свободной экономической зоной (СЭЗ) (с. 33).

Рассмотрены различные варианты создания СЭЗ на Российском Дальнем Востоке - "Большой Владивосток", "Туманган", проанализированы особенности, слабости и преимущества каждой из них.

Из факторов, тормозящих привлечение иностранных капиталов в Россию, в статьях справедливо указывается на нестабильный правовой режим, регулирующий инвестиции из-за рубежа: в 1991-1993 гг. несколько раз менялось законодательство в сфере налоговых льгот для иностранных инвесторов, не сложились определенный правовой статус свободной экономической зоны. Тем не менее, подчеркивается, что эти препятствия будут устранены в ближайшее время, так как в настоящее время в России разрабатываются поправки к Закону об иностранных инвестициях и Закону о СЭЗ; предполагается снизить ставки налогов и импортных пошлин, а также предоставить ПИИ право собственности на землю, на которой создается ПИИ. Все эти меры, с полным основанием подчеркивает автор, явятся мощным стимулом для привлечения иностранных капиталов в Россию.

Великим соседом РФ в Азии является Китай, быстро наращивающий экономической потенциал, располагающий богатыми минеральными и трудовыми ресурсами (третье место в мире по общим запасам минерального сырья, первое - по численности населения). Развитие производительных сил КНР в последние 10-15 лет характеризуется высокой динамикой, превращающей его в одну из самых быстро растущих в экономическом отношении стран Азии и мира. Поэтому развитие всестороннего сотрудничества КНР и РФ лежит в русле стратегических интересов обеих стран - проблема, поднятая в статьях китайских ученых Шэн Ли и Чжоу Цюань. Из этих публикаций вытекает также значение для России китайского опыта экономических реформ в различных отраслях народного хозяйства. Одновременно авторы предупреждают об опасности абсолютизации этого опыта. Так, Шэн Ли пишет: "Развитие производительных сил КНР столь быстрыми темпами в значительной степени было обеспечено необычайно широкими масштабами капиталовложений в экономике. Возможности их освоения стали отставать от динамики инвестиций, что явилось одной из главных причин перегрева экономики и падения темпов

роста (с. 117). В свою очередь из статьи Чжоу Цюань вытекает, что развитию китайско-российских экономических связей должно способствовать укрепление политической ситуации в России, которая, по мнению автора, еще неопределенна в связи с противоборством исполнительной и законодательной властей, проведением эффективной приватизации в РФ и т.д. (с. 12-13).

В статье Доан Минь Фу рассмотрены основные условия формирования нового механизма сотрудничества России со странами Азии, что делает ее особенно важной для изучения и прогнозирования экономического развития азиатского региона в целом. Приведенные автором цифры опровергают бытующие до сих пор представления о том, что Россия в своих международных хозяйственных связях ориентируется исключительно на Запад. На общем фоне двукратного сокращения в 1993 г. по сравнению с 1992 г. российского внешнеторгового оборота и, особенно, на 4/5 - с бывшими соседями, падение торговли со странами Азии составило всего лишь 20%. При этом негкативная тенденция начинает сменяться позитивной: доля стран Азии во внешней торговле России постоянно растет, повысившись с 16,2 в 1990 г. до 28,6% в 1993 г. (с. 269). Важную роль в закреплении последней играет переход России на новые принципы и новый механизм внешнеэкономических связей. Так, Россия прекратила льготное кредитование технических средств и большей части своего экспорта, почти полностью прекратила практику оказания безвозмездной помощи, включая гуманитарную и научно-техническую, отказалась от клиринговой формы расчетов во внешней торговле и перешла на СКВ, дополнила межгосударственные отношения прямыми внешнеэкономическими связями коммерческих и банковских структур. При этом, делает вывод Доан Минь Фу, претерпела изменения и долговременная стратегия сотрудничества Российской Федерации со странами Азии, указывая в первую очередь на смещение страновых приоритетов. В первую очередь автор прогнозирует повышение роли Китая во внешнеэкономических связях России; хотя КНР продолжает проводить курс переориентации с западного направления на динамично развивающиеся страны АТР, включая Японию, Гонконг, Тайвань, Макао. В статье довольно подробно проанализированы причины такой политики: возросшая конкуренция со стороны Запада на китайском рынке машинострои-

тельной продукции, особенно в сфере энергетики, металлургии и транспорта, т.е. в тех секторах, где традиционно, с 1950-х годов, были сильны позиции России; исчерпывающие себя возможности роста российского сырьевого экспорта в Китай - химического сырья, минеральных удобрений, черных и цветных металлов; частичное затоваривание китайского ширпотреба на российском рынке и т.д. Вьетнамский ученый обращает внимание и на тот негативный факт, что позиции ведущих российских экспортеров на китайском рынке подрываются недобросовестной конкуренцией посреднических компаний из России, реализующих продукцию по демпинговым ценам, зачастую вдвое ниже мировых - в обход банковского, таможенного и налогового контроля. Это ведет к крупным валютным потерям, а также к оттоку валюты из России в третьи страны по каналам коммерческих банков, производящих расчеты с китайскими бизнесменами. Россия терпит убытки и в связи с бесконтрольным реэкспортом в КНР через страны ближнего зарубежья российского сырья и других видов конкурентоспособной продукции (с. 274).

Обращаясь к проблемам вьетнамско-российского сотрудничества, Доан Линь фу и другие авторы, представляющие СРВ на страницах рецензируемой книги, констатируют, что Россия настолько ослабила свое экономическое присутствие во Вьетнаме, что это может привести к уходу ее из этой азиатской страны (с. 279). Дабы предотвратить дальнейшее сокращение объемов сотрудничества, обе стороны прилагают огромные усилия: в апреле 1994 г. ими были согласованы его направления по программам: энергетика, уголь, машиностроение, АПК. Россия планирует также реинвестировать часть вьетнамской задолженности во вьетнамскую экономику.

Другой вьетнамский ученый Ле Хонг Минь, рассматривая роль и место Азии во внешнеэкономической стратегии великих держав, более высоко оценивает роль России в жизни современного Вьетнама, утверждая, что "российско-вьетнамские отношения по-прежнему оказывают огромное влияние на развитие Вьетнама; поэтому важно учитывать во внешнеполитической стратегии Вьетнама ориентиры внешней политики России" (с. 337).

Исключительный интерес, на наш взгляд, представляет статья российского ученого А.Козлова, показывающая источ-

ники и стимуляторы ускорения интеграционных процессов в Азии на примере ее восточного "треугольника" роста - материкового Китая, Гонконга и о.Тайвань, справедливо характеризуемого автором в качестве важной субрегиональной экономической зоны. В середине 1993 г. по сведениям Всемирного банка стоимость импорта "треугольника" составила 2/3 импорта Японии и становится одним из полюсов роста глобальной экономики (с. 312). Материалы статьи показывают возможность определения значения опыта субрегионального сотрудничества для России.

Опыт из другой области - использование рыночных и государственных методов регулирования экономики в период перехода к рынку в различных странах - предстает в статье южнокорейского ученого Ли Чен Ена. А этот опыт говорит: быстрее и эффективнее в условиях НТР развивались те капиталистические страны (например, Южная Корея и Япония), которые сформировали мощный блок централизованного воздействия на экономику. Автор напоминает, что особенно велика должна быть роль государственного регулирования экономических процессов в переходный период" (с. 60). Об этом же говорится и в статье вьетнамского ученого ле Ань Миня "Международный опыт воздействия государства на переходную экономику и опыт СРВ".

В книге широко представлена и монгольская тематика. Тон ей "задает" статья известного российского востоковеда Г.Яскиной "Обновление Монгольской народно-революционной партии как фактор углубления политических преобразований", освещающая проблему демократизации современного монгольского общества, подготовку внутренних условий для создания открытой экономики и вхождения в интеграционные процессы АТР. Статья вскрывает противоречивые и сложные процессы превращения бывшей марксистско-ленинской партии в демократическую МНРП в ее обновленном виде остается у кормила власти в Монголии, и от ее внешней политики в огромной степени зависит характер российско-монгольских отношений в целом. О том, что МНРП стремится сохранить Россию в качестве экономического партнера, развивать хозяйственные связи с РФ, свидетельствуют, например, результаты официального визита Монгольской Правительственной делегации в Москву весной 1995 г.

Возможности расширения экономического сотрудничества России и Монголии отчетливо вырисовываются и в статье монгольских авторов С.Лхагвы и Ц.Батбаера, посвященной анализу изменений в экономике Монголии на сегодняшний день. Авторы показали влияние реформ на развитие экономики, на формирование новой внешнеэкономической стратегии страны. В разделе статьи "Политический выбор" Монголия представлена как довольно перспективный внешнеэкономический партнер, обладающий к тому же широкими возможностями для приложения иностранных инвестиций. В ней подчеркивается хорошая обеспеченность Монголии минеральным сырьем, наличие двух приоритетных проектов для специальных долгосрочных инвестиций в энергетическую отрасль, а также проектов оценки нефтяных месторождений и т.д.

Разработку поднятых проблем дополняют статьи В.Назирова, охарактеризовавшего проблемы денежно-финансовой системы Монголии, и В.Мурина, в сжатой форме повествующая о некоторых вариантах развития экономических связей между Россией и Монголией.

Особняком в книге стоят статьи А.Давыдова "Менталитет Россиянина: синтез восточного и западного начал в условиях перехода к рынку" и Г.Шагалова "Вопросы экономической интеграции России и других стран СНГ".

А.Давыдов затрагивает малоисследованную, но чрезвычайно важную тему, касающуюся факторов, которые формируют менталитет россиянина в условиях перехода к рынку. В их числе: развитие рынка и демократии, проникновение в Россию иностранного капитала и, особенно, западный менеджмент. Автор подчеркивает существование азиатских цивилизационных ценностей рабочих России при взаимодействии культур менеджеров и рабочих на предприятиях с участием иностранных капиталов в России. Таким образом, А.Давыдов делает серьезную заявку на дальнейшее изучение формирования менталитета жителя России в условиях столкновения приоритетов западной и восточной цивилизаций (на Западе

государство служит человеку, обществу), (в России - человек служит государству).

В статье широко известного российского ученого Г.Шагалова, посвященной, как это следует из ее заголовка, характеристике проблем экономической интеграции России со странами ближнего зарубежья, затрагиваются и ее азиатские аспекты. Отсутствие и медленное налаживание хозяйственных связей между ними отрицательно сказывается и на реализации как долгосрочных, так и краткосрочных интересов России в Азии. Так, "прозрачность" границ привели к тому, что среднеазиатские республики поставили значительные объемы российских товаров в Китай" (с. 255). Закономерно вытекает важный вывод о том, что укрепление России на азиатских рынках в значительной мере пролегает через урегулирование и упорядочение экономических связей со среднеазиатскими республиками.

В целом же круг проблем, затронутых в книге, гораздо шире, чем позволяет проанализировать объем рецензии. Добавим, однако, что большой интерес во многих отношениях, в том числе и в научном, представляют также статьи вьетнамских ученых Ле Ты Миня "Проблемы экономического роста и изменения отраслевой политики: этапы, трудности, перспективы" и Нгуем Ван Тханга "Опыт аграрных реформ во Вьетнаме и Китае: результаты и проблемы", а также молодого китайского исследователя Чэн Пуоя "Некоторые итоги экономической реформы в Китайской Народной Республике".

Итак, вышла в свет книга, коснувшаяся острейших вопросов обновления внешней политики России и ряда стран Азии, переустройства основ внутренней жизни каждой из них и перспектив участия России в интеграционных процессах на азиатском континенте. Книга побуждает задуматься о путях дальнейшего развития России, о судьбах в ней демократии и складывающихся рыночных отношениях, о влиянии на ее развитие преобразований и перемен, имеющих место в Азии.

Сенаторов А.И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945-1992). М., Наука. Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995. 352 с.

Трудно припомнить среди вышедших за послевоенные годы исследований по политологическим проблемам Японии что-то сравнимое с рецензируемой книгой по глубине и тщательности проработки темы. В монографии А.И.Сенаторова подробно проанализирован трудный и мучительный процесс перехода от тоталитаризма к подлинной многопартийности, обеспечивающей демократическое послевоенное развитие страны.

Работа может служить примером возвращения нашей историографии и политологии к прежним традициям ученых-обществоведов России. В ней нет пропагандистских штампов. Посылки подтверждаются конкретными цитатами из первоисточников. Читая работу, ловишь себя на мысли, что многие другие авторы после выкладок и цитат не обошлись бы, как автор, без разъяснений. Но потом понимаешь, что это стиль автора. Вывод складывается у читателя сам и разъяснений не требуется.

Для работы характерна весьма четкая методология анализа. Все партии рассматриваются по трем основным аспектам: что делать, чем делать и как делать. По первому аспекту глубоко проанализированы программные документы каждой партии, но важно, что автор анализирует не только декларации, но и исходит из фактической деятельности партий за исследуемый период. По второму аспекту - чем делать - ответы также даны достаточно полно. Разобраны организационные структуры партий, их связи с электоратом. Третий аспект - как делать - зависит прежде всего от того, есть ли у партии возможность для законотворчества как в органах парламента, так и на местах.

"Программа - лицо политической партии, - пишет автор, - она отражает ее характер и сущность даже тогда, когда покрыта слоем грима и ретуши" (с. 8). Но любое общество не стоит на

месте и программы партий должны пересматриваться. Автор проанализировал программы и уставы всех политических партий Японии послевоенных лет и показал, как гибкий подход и своевременный их пересмотр с учетом меняющейся обстановки укреплял позиции партий. И, наоборот, косность, нежелание, а иногда и неумение проанализировать и выявить тенденции, вели к утрате партией доверия у электората.

Либерально-демократическая партия (ЛДП) долгое время была правящей единолично. Во многом это объясняется постоянной и четкой корректировкой ее программных документов. "Либерал-демократы стремились не только не отстать от времени, а опередить его, заранее подготовить Японию, особенно в экономической сфере, к новой обстановке" (с. 20). Возможно, не чувствуя за собой груза ответственности за власть, оппозиционные партии свои программные установки меняли реже. Кроме того, решения в ЛДП принимались в условиях "свободных дискуссий, развертывавшихся в ходе соперничества партийных группировок - фракций в ЛДП, в специально созданных органах изучения политических проблем в центральном руководстве партии" (с. 20).

Читая описываемые автором перипетии борьбы взглядов и течений в политических партиях Японии в послевоенные годы, можно сделать вывод, что расколы чаще всего происходили из-за разногласий в выборе путей достижения целей. Сами же цели группировок чаще всего были общими. Объединения происходили прежде всего при общности целей, но союзы и коалиции были непрочными, если существовали большие расхождения в путях их достижения. При многих общностях в целях не могло быть союза между Социалистической (СПЯ) и Коммунистической (КПЯ) партиями при коренных расхождениях в путях их достижения.

Социалисты, пишет автор, намеревались "взять в свои руки политическую власть. осуществить революционное преобразование общества без применения насилия, демократическим путем... Такой подход они противопоставляли позициям КПЯ, упрекая ее в стремлении к насильственной революции" (с. 24).

Анализ в работе социалистических сил показывает, что понятие "социализм" весьма широкое. В Японии в послевоенные годы действовало несколько партий социалистической ориентации. КПЯ, СПЯ, Партия демократического социализма, Социал-демократический союз (СДС) и каждая из них в своих документах давала свой идеал социализма.

Много внимания уделено в монографии истории Коммунистической партии Японии, анализу ее пути к утверждению самостоятельности и преодолению догм. Партия формировалась как наднациональная политическая структура, была "организована как секция Коминтерна" (с. 45). Первые программные документы КПЯ были выработаны при опоре на помощь международного коммунистического движения. И в дальнейшем многие установки японские коммунисты получали от Коминтерна. В 1932 году Коминтерн принимает "Тезисы о положении в Японии и задачах КПЯ". "Тезисы, - пишет автор, - отражали иллюзии международного коммунистического движения того времени, в них проявилось необоснованное, оторванное от реальной действительности стремление увидеть близкую возможность наступления "революционной ситуации" (с. 46).

В годы оккупации и несколько последующих лет при консультациях в Пекине и Москве КПЯ выработала "Программу 1951 года". Она способствовала тому, что в практической деятельности КПЯ в начале 50-х утвердился "военный курс", обнаружилось стремление применить китайский опыт "народной войны", вплоть до формирования военных баз в горах, создания из крестьян организаций самообороны" (с. 47).

"Ультралевый, сектантский курс КПЯ, совершенно не отвечавший реальным интересам японских граждан, привел к резкому падению престижа

партии, - считает автор, - к ослаблению существовавших у нее связей с трудящимися массами" (с. 47). Коммунистами отрицался "прогрессивный характер послевоенной аграрной реформы", "не акцентировалась необходимость активной работы партии в парламенте" (с. 47). Все эти ошибки не могли не вызывать дискуссии о необходимости пересмысления курса.

Новая программа КПЯ рождалась в процессе резкой внутрипартийной полемики. Но на очередном съезде в 1958 году ее принять не удалось. Была одобрена лишь краткая программа действий. Краткость партийных программ партий чаще всего свидетельствует об острой внутрипартийной борьбе. Лишь в июле 1961 года Программа была принята и "на долгое время определила стратегические установки японских коммунистов". Отличительной чертой программы стал курс на "полное использование мирных возможностей развития революционного процесса" (с. 48). В последующем в документах КПЯ все больший акцент стал делаться на необходимости "развития общества мирным и демократическим путем", развивалась концепция "народного парламентаризма".

Анализируя судьбы мелких партий, автор делает вывод, что в большинстве случаев для них характерно отсутствие новых идей, выражая несогласие с курсом правящего большинства, они не способны предложить новый. Лидеры Нового либерального клуба (НЛК), например, декларируя необходимость пересмотра прежней системы и политики, в то же время в программных документах "смогли лишь выступить с заверениями о намерении подчеркнуть Н.Т.) разработать "новые цели государства" и "систематический план новых политических мероприятий" (с. 67).

Для всех японских политических партий Японии в послевоенные годы характерна постоянная корректировка программ, а для отдельных, таких как КПЯ и СПЯ, в программы вносились изменения "во многом меняющие прежнее представление о них" (с. 71). При этом "главные, неконъюнктурные причины пересмотра программ коренятся в реальной жизни, существуют объективно, независимо от воли и желания

самих партий" (с. 72). На современном этапе все партии провозглашают "народность", а их программы "отражают не непосредственные интересы отдельных классов и слоев населения, составляющих социальную базу данной партии, а более широкие требования времени, выходящие за пределы классовых пристрастий" (с. 72). Главным инструментом оценки жизненности партийных программ в современной Японии, где выработались достаточно прочные демократические традиции, становятся результаты парламентских и прочих выборов.

Общим для японских партий, подчеркивается в монографии, стало "провозглашение ими приверженности демократическим принципам, безоговорочное признание парламентской демократии" и в этом ключевом вопросе политического строя "позиции большинства партий претерпели заметные позитивные сдвиги" (с. 73). Характерная особенность японских партий то, что ни одна из них не идеализирует современное капиталистическое общество" (с. 74). Даже правящая в анализируемый период ЛДП в учредительных документах заявляла, что "отвергает не только "социалистическую экономику", но и "монополистический капитализм" (с. 74). В программных документах каждой из оппозиционных партий "значительное место отводится критике капиталистического общества, выявляющую отрицательных последствий погони за прибылью, как основного принципа этого общества". Более того, оппозиционные партии заявляли о своем стремлении к социализму, хотя и в разных его вариантах: просто "социализм" без каких-либо особых определений (СПЯ, КПЯ), "демократический социализм" (ПДС), "социализм гражданского общества" (СДС), "буддийский", а затем "гуманный" социализм (Комэйто)". Тем не менее, как делает вывод автор, "значение социалистических идей... нельзя переоценивать. Они нашли отражение в программах в первую очередь как следствие недовольства отрицательными сторонами существующих в капиталистическом обществе порядков. Даже японские коммунисты не считают построение социализма в Японии задачей нынешнего дня" (с. 75).

Большое внимание в работе уде-

лено партийному строительству. Интересен анализ проблем фракционности, отношения к принципу демократического централизма. Стронниками демократического централизма, жесткой дисциплины и безусловного запрета фракционной деятельности были и остаются лидеры КПЯ. На состоявшемся в июле 1990 года XIX съезде КПЯ фракционность определена как "разрушающая боевое единство". Оценивая эту позицию, автор отмечает, что нельзя не видеть, как под предлогом борьбы с фракционностью руководство КПЯ по-прежнему "очищается от лиц, несогласных с мнениями, высказываемыми ее лидерами" (с. 83). "Демократический централизм" пыталась внедрить и СПЯ, но в конце концов, "в условиях большей открытости, ориентации на самые разнообразные классы и слои населения, социалисты сочли для себя целесообразным отказаться от употребления в своих документах понятия "демократический централизм" (с. 84). В 1990 году положение о демократическом централизме из устава СПЯ было исключено.

Первичные организации японских политических партий создаются как по территориальному, так и по производственному признаку. "Законодательных запретов, делающих невозможным создание и функционирование партийных организаций на предприятиях и в учреждениях, учебных заведениях, в Японии нет". Ряд ограничений касается только государственных и муниципальных служащих, требуя от них "политического нейтралитета, но не посягая в целом на право состоять в политической партии" (с. 91). Большинство партий пришло к признанию "необходимости как территориальных, так и производственных организаций (с. 92). Основная цель деятельности первичных организаций - обеспечить избрание своих представителей во все структуры власти.

Рассматривая социально-классовый состав партий, автор отмечает, что "логика парламентской борьбы вынуждает партии выходить за пределы узкоклассовой ориентации" (с. 166). Партии провозглашают свой "народный характер", открытость для любых классов и слоев населения. В принятых в 1986 году СПЯ программ-

ных документах, например, провозглашается переход "от партии классово-народной". КПЯ, продолжая рассматривать себя как "передовой отряд рабочего класса", с XI съезда (1970 г.) называет себя также "подлинно национальной, народной партией". Эта формулировка используется для того, чтобы показать "беспочвенность обвинений КПЯ в том, что она защищает интересы только одного класса" (с. 171).

Большой раздел монографии посвящен партийным финансам. Деятельность партий немислима без финансового обеспечения, но формирование политических фондов "не только важный, но и весьма деликатный вопрос" (с. 174). Гласность формирования политических фондов "весьма относительно и японская пресса из года в год указывает на низкую степень "прозрачности" движения денежных средств" (с. 185). Несмотря на существующий Закон о регулировании политических фондов, финансовые скандалы, в которых замешены политики, постоянно потрясают политический олимп Японии. Поскольку политические проблемы регулирования политических фондов вызвали в Японии ожесточенные споры, японские политологи занялись изучением зарубежной практики. Однако выяснилось, что "законодательства и обычаи в других странах оказались настолько специфичными и разными, что в них можно черпать доводы в пользу даже взаимоисключающих вариантов решения проблемы", пишет автор (с. 188). Проблема не решена до сих пор.

Острая политическая борьба между партиями в первые послевоенные годы потребовала разработки четких законов, регламентирующих выборную деятельность. Закон о выборах общественных должностных лиц был принят в Японии 15 апреля 1950 года и вобрал в себя, как отмечает автор, "богатый опыт развитых капиталистических стран Запада, чему способствовали рекомендации консультантов из штаба оккупационных войск" (с. 199). Впоследствии в него вносились изменения, но они "не поколебали общего демократического характера" закона. Его особенность в том, что он "един для всех видов выборов - от палат парламента, до старост деревень". Он "отличается полнотой охвата всех сторон избира-

тельной деятельности, исключает тем самым необходимость дополнительных регламентирующих документов" (с. 199). Это очень объемный документ, отмечает автор. Особенно тщательно в законе разработаны правила ведения выборной кампании, в том числе "ограничивающие возможности использования преимуществ правящей партии". В монографии приведен добротный комментарий Закона.

Значительное место в монографии отведено анализу тактики и стратегии отдельных партий в выборных кампаниях. Автор делает вывод, что для большинства японских партий вопрос о том, "считаться ли с подвижками в общественном мнении... или игнорировать их и вести борьбу за формирование общественного мнения в соответствии со своими принципами, решает однозначно, на первое место выдвигаются выборные интересы" (с. 220).

Монография раскрывает не только политические аспекты деятельности партий, но и их экономический курс. Конечно, реально свою экономическую политику могла осуществлять только правящая партия. В общественном мнении, пишет автор, "за ЛДП закрепилось мнение, как о партии умеющей направлять экономическую жизнь по наиболее целесообразному руслу" (с. 259). Во многом это объяснялось "высококвалифицированным правительственным аппаратом", а - при сомнениях, "поиском оптимальных решений в виде системы консультативных советов" (с. 259). В последних, как правило, "ведущая роль принадлежит специалистам", считается, что для комитетов в принципе характерна "нейтральность по отношению к групповым интересам, ориентация на общегосударственные цели" (с. 260).

Оппозиционные партии в работе по экономическим программам проигрывали ЛДП. "Перенос внимания партий оппозиции с политических проблем на коренные вопросы экономической жизни был по сравнению с действиями либерал-демократов, запоздалым и не столь глубоким, основательным" (с. 264). В экономических программах СПЯ и КПЯ "по-прежнему чувствовалась преувеличенная идеологизация, преобладал критический, а не конструктивный акцент" (с. 264).

Уже один заголовок заключительного раздела монографии - "Многопартийность - неотъемлемое условие отражения парламентом интересов народа" (с. 295) говорит о позиции автора. Конкретными примерами автор подтверждает эту мысль. Хотя законопроекты, выдвигаемые лишь одной оппозиционной партией в большинстве случаев отвергаются, это не значит, что их положение не учитываются правящей партией. За требованиями оппозиции часто стоят большие массы избирателей. Поэтому были случаи, когда отвернув тот или иной выдвинутый оппозицией законопроект, правящая партия позднее перехватывала инициативу, выдвигала свой подобный закон.

Вся работа проникнута идеей того, что инициативы одной партии корректируются другими, отражающими мнение иных слоев электората. Автор подчеркивает, что прогрессу Японии в "выработке оптимальной экономической политики, строящейся преимущественно на балансе интересов классов и социальных групп, способствовало наличие сильной парламентской оппозиции во всем ее спектре" (с. 327). Именно политическое противоборство и конкуренция партий "побуждала правящие силы стремиться к достижению консенсуса" (с. 327). Каждая политическая партия имеет свои достоинства и недостатки, но "достижения Японии есть результат функционирования политической системы", в которой есть место для партий различной идеологической и политической направленности". (с. 328). Как только правящая партия получала существенное преимущество над оппозицией, следовал ее откат на очередных выборах. Это свидетельствует о том, что народ, может быть инстинктивно, поддерживает "равновесие". Об этом говорят приводимые в книге примеры опросов общественного мнения (с. 343).

В целом же "опыт функционирования японского парламента на многопартийной основе, в условиях правового государства, законы которого гарантируют относительное равенство прав

партий и четко определяют порядок и процедуру их воплощения на практике, свидетельствует об эффективности такой политической системы" (с. 301). Принятые многопартийным парламентом законы, деятельность правительства, осуществлявшаяся под неустанным контролем партий-соперниц, способствовали, как подтверждает успешное соревнование Японии с США, "нахождению оптимальных решений сложных экономических задач" (с. 301).

Закрывая книгу, осознаешь, сколь огромную аналитическую работу проделал автор. Книга содержит богатую библиографию по самым различным направлениям. И это не удивительно, ведь деятельность политических партий затрагивает все без исключения аспекты жизни общества. Трудно сказать, какие из них не были затронуты автором. Через призму позиций политических партий в монографии показаны многие сложные события послезавоеванной истории Японии, ее общественно-политической жизни. Не оставлены без внимания, например, взгляды партий на проблемы войны и мира. Подробно рассматривается деятельность партий в органах местного самоуправления и т.п. Можно отметить и новые методологические подходы к анализу политических процессов.

Данная монография была сдана в печать в то время, как Япония вступила в полосу "реорганизации политических сил", резко изменившей политическую карту страны и прервавшей долгое единоличное правление либерал-демократов. Касаясь возможных последствий начавшихся перемен, А.Сенаторов сделал вывод, что в ближайшее время "следует ожидать различных вариантов многопартийных коалиций, включая возможность на каком-то этапе вхождение либерал-демократов в одну из них" (с.345) Реальное развитие событий в Японии, появление в июле 1994года коалиционного правительства Т.Мураямы с участием ЛДП, подтвердило обоснованность этого прогноза.

Китайская культура 20-40-х годов и современность.
Отв. ред. В.Ф.Сорокин. М., Наука. Издательская фирма
"Восточная литература" РАН, 1993.

Появление сборника "Китайская культура 20-40-х годов и современность" имеет большое значение не только для изучения российскими китаеведами культуры Китая, но и для китайских исследователей. Эта книга фактически заполняет пробел в подробном научном исследовании китайской культуры первой половины XX века. Именно в это время были заложены основы для ее дальнейшего развития, проявившиеся много лет спустя. Ценность данного сборника состоит в том, что это первая после длительного перерыва книга, посвященная проблемам важного и во многом определяющего периода в развитии китайской культуры. Культура рассматривается в различных аспектах. Отдельные статьи как китайских, так и российских ученых посвящены художественной прозе (В.Ф.Сорокин), театру (Гэ Ихун, Цзо Лай, С.Серова, И.В.Гайда), киноискусству (С.А.Торопцев), музыке (Вэй Яньгэ), гравюре (Чжан Цян), образованию (Н.Е.Боревская). Статья А.Н.Желоховцева об истории ознакомления китайской общественности с советской литературой в указанный период.

Исследователи рассматривают отдельные направления в контексте культуры Китая того времени, а ее, в свою очередь, представляют как часть китайской культуры XX века. Это взгляд на прошлое, осмысление его с сегодняшней точки зрения, с точки зрения ученых, умудренных опытом истории и пытающихся логически продолжить ее нить - из прошлого в настоящее, и, насколько это возможно, в будущее. Взгляд из эпохи бурного возрождения новой культуры на ее первые разнообразные ростки, выжженные впоследствии пожаром "культурной революции", дает возможность судить о скрытых корнях китайской культуры, давших столь буйную поросль в "новый период" (последние 13 лет). Такое исследование обогащает ученых новыми концепциями, соединяющими прошлое и современность, впервые выдвинутыми в данном сборнике.

Второй очень существенный момент

- это то, что книга задумана и написана как результат совместных усилий российских и китайских ученых. Объемный фактический материал, собранный китайскими учеными, и углубленный теоретический подход, новые концепции, предложенные их российскими коллегами, взаимно обогащают друг друга, причем взгляд и тех, и других обращен не только к истории, но и к развитию в современной КНР заложенных в прошлом тенденций и направлений.

Для людей, углубленно интересующихся Китаем, эта книга станет опорой в изучении истории китайской культуры XX века, проясняя недостаточно исследованный период, закрывая еще один пробел, проявляя и упорядочивая вехи на пути ее развития. В то же время она еще раз напоминает о теснейших культурных связях наших стран, ставших частью их истории и культуры, о влиянии российской культуры, теории, идеологии на китайское общество. Это влияние стало одним из факторов, определивших заложенный в 20-40-х гг. фундамент новой китайской культуры, прочно вошло в духовную жизнь, мышление людей старшего поколения (к которому принадлежат и авторы сборника). Очевидно и некоторое сходство процессов и явлений культуры двух стран, обусловленное сходными социально-историческими условиями и заслуживающее дальнейшего изучения, частью которого стал вышедший сборник.

"Новая" китайская культура 20 века берет свое начало от движения "4 мая", явившегося мощным импульсом в ее развитии. Такие ее черты, как углубленный духовный поиск, гуманизм, стремление к критическому и реалистическому постижению и отображению действительности (при творческом многообразии), обращенность к мировой культуре и внимание к собственному художественному наследию, новаторство и нетрадиционный подход, и в то же время сохранение лучших национальных традиций прошлого - дают возможность ученым говорить о наследовании тенденций движения "4 мая" в со-

временном Китае. Обнаруженные в литературе "нового периода", эти черты позволяют говорить о преемственности новой литературы, об общности этих значительных этапов в развитии китайской культуры и общества. Новое в ней создавалось в наши дни не на пустом месте. Именно период 20-40-х гг. и заложил ту основу, на которой во время ломки отжившего, не соответствующего общественным потребностям, творчески создавалось нечто новое, не похожее, антитрадиционное. Оценка этого периода китайской критикой менялась в зависимости от политического курса, но, оглядываясь на историю развития китайской культуры в 20 в., мы видим его важность и значение.

От этого периода в литературе неотделимо творчество великого Лу Синя, воплотившего реалистическую, гуманистическую тенденцию, а также Мао Дуя, Е Шентао, Ба Цзиня, Лао Шэ - классиков "новой литературы". Тогда была разработана концепция реализма, ставшего основным направлением в современной китайской литературе и "возобладавшего" над модернизмом. Появились и сторонники "искусства для искусства", чья художественная установка включала романтический и, как бы мы сказали сейчас, модернистский элементы - стремление к субъективности (индивидуальности, духовной жизни героя) - то, что проявилось снова в "новый период". В Китае эти явления были своеобразными, хотя многое заимствовали у Запада.

Влияние советской литературы и литературной теории в этот период было неоднозначным, поскольку проявились и их негативные черты - упрощенчество, вулгаризация, "крайне левый" подход.

Это и время "мирного сосуществования" писателей с разнообразной стилистической манерой, и время известного пленума 1942 года в Яньани, ставшего также вехой на пути "нового искусства", которое из творчества - эстетического самовыражения превратилось в идеологизированное, идейно "правильное" творчество - воспитание читателя. Творческим методом китайской литературы в начале 50-х годов был провозглашен "социалистический реализм", а "гуманизм" осужден как буржуазная тенденция. Была подготовлена почва для дальнейшей политизации литературы, апофеозом которой стала "культурная революция". После ее окончания про-

изошло оживление литературной деятельности, началось осмысление прошедшего. Из 50-х годов, как считает В.Ф.Сорокин, берут начало документальная проза и массовая литература, еще ранее возник прообраз литературы "поиска корней". В "новый период" называется и негативное "остаточное воздействие" литературы 50-х гг. Ряд литературных направлений и сейчас остается в рамках образно-стилистической системы, характерной для литературы 50-х годов (с. 29).

Значительное внимание в сборнике уделено драматическому искусству. Китайские ученые Гэ Ихун и Цзо Лай прослеживают путь развития китайской драмы со времени движения "4 мая", перехода от древнего театра к современному, что было частью движения за новую культуру. Это был период широкого ознакомления китайской аудитории с творчеством Толстого, Чехова, Горького, и заимствования у западных драматургов - Ибсена, Стриндберга, Уайльда, О'Нила - элементов как реализма, так и экспрессионизма, символизма, эстетизма, неоромантизма. К этому периоду разнообразия и богатства стиливых оттенков относится расцвет творчества таких известных китайских драматургов, как Тянь Хань, Хун Шэн, Оуян Юйцань, Цао Юй, Ся Янь, а также Лао Шэ, Го Можо, чьи пьесы вошли в золотой фонд литературы. Цзо Лай посвятил статью теме разговорной драмы, искусство которой есть "результат трансплантации сценических форм западноевропейского театра нового времени на китайскую почву" (с. 90). Но, опираясь на опыт зарубежного театра, китайская разговорная драма все же шла по своему национальному пути, будучи реалистичной по своей сути и отражая революционное движение, жизнь народа. Для нее были характерны социальность и современность, патриотизм, поиск доступной национальной формы. Современный театр разговорной драмы соединяет в себе "художественные концепции традиционного театра" и "опыт различных театральных направлений Европы" (с. 91).

Что же касается судьбы старого национального театра (этой проблеме посвящены статьи С.Серовой и И.В.Гайды), то это довольно сложный вопрос. Спектр мнений критиков включает как убежденность в его кризисе, бесперспективности и даже вредности в настоящее время, так

и призыв к возрождению. Уже в 20-30-е гг. произошел его разрыв с действительностью, но и в 80-е годы появлялись произведения для этого театра, в том числе на современную тему. Имеет ли он перспективы, хотя бы при условии кардинальных перемен? Является ли "раритетным искусством" или готовит свое возрождение? В его основе - отсталость или национальное своеобразие? На эти вопросы ответа пока нет. Однако появляются новые "поисковые" спектакли, соединяющие специфические формы театра сицуй и художественный опыт драматического театра, модернистского театра, балета.

Яркая статья С.А.Торопцева посвящена китайскому киноискусству, преемственности и разрыву гуманистических традиций, произошедшему в 50-е годы. В 80-е же годы осуществилось восстановление развития кинематографии в сторону психологизма, образности, возобновился "поиск аномалии и нормы души и характера, обнаруживший себя уже в 40-е годы, но затем приостановленный" (с. 141).

В статье Вэй Яньгэ говорится о новой, модернизированной музыке, ее месте в историческом процессе, рассматривается проблема соотношения и сочетаемости китайской и западной музыки. Практический опыт этого сочетания оценивается различно - от отрицания до восхваления. Однако, замечает Вэй Яньгэ, до сих пор в Китае нет композиторов мирового уровня.

Чжан Цян собрал большой фактический материал, рассказывающий о гравюре нового времени, развитие которой связано с именем Лу Синя.

Статья Н.Е.Боревской посвящена

реформе школы 20-40-х годов и использованию в современной педагогике позитивного опыта педагогов того времени.

А.Н.Желоховцев рассказывает об истории ознакомления Китая с советской литературой в 20-40-е годы. В этот период китайские читатели познакомились с творчеством Толстого, Горького, Шолохова, Эренбурга, Серафимовича, Фадеева, Замятина, ярко отразившим состояние общества в России того времени и, без сомнения, повлиявшим на духовное формирование китайской аудитории. Переводы, сделанные в тот период, вошли в золотой фонд и китайской и российской литературы, но сейчас китайская школа переводчиков по качеству, количеству переводов и их оперативности заняла первое место.

В целом надо сказать, что все вышперечисленные статьи, посвященные таким "составляющим" культуры, как литература, театр, кино, музыка, гравюра, образование и т.д., объединенные временными рамками и некоторыми общими чертами, отражают духовную атмосферу общества, в свою очередь определенную социально-историческим фоном. Это - всего лишь обзор изменений, происшедших в культурной сфере в период 20-40-х гг., и их сходства с состоянием современной культуры Китая. В сборнике заключено множество тем, наблюдений и сопоставлений, заслуживающих дальнейшей разработки. 20-40-е годы - только один из этапов в развитии китайской культуры, требующих изучения. В то же время, это этап в области взаимно плодотворного и взаимно необходимого сотрудничества ученых двух стран.

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1995 год

Вручение ИДВ РАН "Ниигатской премии Японского моря - 1994 года", № 3

Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока, № 3

РЕГИОН

Л.Аносова. КНР, Республика Корея и КНДР: геополитические отношения - новый этап, № 4

В.Бунин. О концепции ограниченной зоны, свободной от ядерного оружия, в СВА, № 4

Л.Забровская. Проект "Туманган": взгляд из Приморья, № 1

Ким Сок Кю. Мир в Северо-Восточной Азии и южнокорейско-российские отношения, № 6

А.Красильников. Национальные интересы России и Китая в третьем мире, № 5

А.Марков. Что же дальше? (О развитии российско-японских отношений), № 6

Ю.Минаков. Проблемы эксплуатации рыбных ресурсов России на Дальнем Востоке, № 2

В.Павлятенко. Российский Дальний Восток в системе отношений России со странами СВА, № 4

Перспективы развития Приморского края в контексте геостратегических и экономических интересов России, № 1

М.Потапов. О состоянии интеграционных экономических процессов в АТР, № 4

А.Родионов. Перспективы создания экономической зоны Японского моря, № 1

А.Семиш. Региональный аспект отношений Японии с Китаем, № 1

Р.Скалапино. Впереди - вызовы грядущего, № 3

Ю.Цыганов. Южная Корея и Китай: использование режима ГАТТ в движении к открытой экономике, № 1

А.Яковлев. Международная политическая обстановка в СВА и положение России в регионе, № 2

А.Яковлев. Международно-политическая стабильность в АТР и Китай, № 5

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А.Адмидин. Е.Дзвасва. Внешняя торговля и иностранные инвестиции, № 5

В.Андрианов. Ресурсный потенциал и структура экономики Дальнего Востока России, № 6

Е.Гудкова. Конверсия оборонной промышленности, № 5

- ✓ А.Сергеев. Проблемы и перспективы интеграции морских портов российского Дальнего Востока в АТР, № 6

НАШИ РЕФЕРАТЫ

- Я.Бергер. Китай после Дэна, № 2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- Л. Гудошников. Первые трехпартийные выборы на Тайване, № 3
 Л. Гудошников. Третий этап конституционной реформы и становление современного парламентаризма на Тайване, № 1
 ✓ Л. Гудошников. Формирование в КНР системы государственной службы, № 4
 Идеино-политическая ситуация в Китае в 1994 г., № 3
 А. Сенаторов. Японский опыт местного самоуправления, № 4
 Г. Яскина. Политические реформы в современной Монголии, № 5

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

- В. Андрианов. Роль государства в формировании механизмов устойчивого динамичного развития в Южной Корее, № 5
 Бао Юнцзян. Особый путь экономического развития Китая и его влияние на мировое экономическое развитие, № 1
 М. Баранов. Хозяйственный механизм КНР, №№ 2-3
 О. Борох. Теория прав собственности и китайская реформа, № 1
 Э. Пивоварова. Опыт акционирования в КНР, № 2
 ✓ В. Портяков. Проблемы экономической реформы в Китае на конференции в Лондоне, № 3
 Фань Ган. Реформы по нарастающей и "двухколейный" переход: осмысление опыта Китая, № 3

ЭКОНОМИКА

- И. Азовский. Китайский порт Ляньюньган - будущий "новый Гонконг", № 6
 А. Борисов. Торгово-экономические связи между Россией и Тайванем в 1994 году, № 6
 Э. Кикабидзе. Помощь Японии экономическим реформам России, № 5
 Р. Ноздрева. Корпоративный имидж и предпринимательская культура в Японии, № 4
 В. Хлынов. Система стимулирования труда на крупных предприятиях Японии, № 6
 Экономическое положение Китая в 1994 году, № 4

К 50-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- Ю. Ванин. Окончание второй мировой войны и Корея, № 6
 В. Зимонин. Советско-японская война 1945 года, № 4
 В. Зимонин. Тегеран, Ялта, Потсдам: вопрос о вступлении СССР в войну против Японии, № 2
 В. Иванов. Памяти погибших посвящается, № 4
 Р. Иванов. Проблема вступления СССР в войну против Японии глазами общественно-политических сил США, № 5
 С. Лузянин. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны, № 6
 ✓ Б. Славинский. Зачем США сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки?, № 5

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Е.Белов.* К истории русско-китайских отношений в Синьцзяне в период Синьхайской революции (1911-1913), № 2
Ю.Иванов. Патронимия в истории Востока, № 1
В.Кузнецов. Пятой колонны не получилось, № 1
С.Лузянин. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920-1924), № 2

ИСТОРИЯ

- В.Мясников.* Третья дальневосточная война 1894-95 гг. и эволюция политики России в регионе, № 5

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

- В.Гасрилов.* Некоторые новые аспекты предыстории советско-японской войны 1945 г., № 4
А.Ледовский. Секретная миссия А.И.Микояна в Китай (январь-февраль 1949 г.), №№ 2-3
Новые архивные документы о северном тактическом маневре советской политики в Китае (1925 г.) (Публикация В.И.Глунина), № 1
Р.Рассел. "Мертвый театр был живым" (Секретная советско-американская морская операция по ленд-лизу в заливе Колд-бей), № 6

МЕМУАРЫ

- Начало заграничного этапа работы. Из воспоминаний посла СССР в Китае А.С.Панюшкина (Публикация А.С.Титова), № 6
А.Титов. Из воспоминаний о работе в Китае в 1948-1950 гг., № 3
С.Тихвинский. Послевоенная нормализация отношений с Японией, №№ 4-5

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

- К.Барский.* Нежные узурпаторы и мудрые генемоны, № 4

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Д.Глухих.* Штрихи театральной жизни русского Харбина, № 4
М.Кротова. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906-1914 гг., № 1
Л.Маркизов. Это было полвека назад, № 5
Е.Таскина. Культурное наследие дальневосточного Русского Зарубежья. Краткий библиографический обзор. 1990-1995, № 6
П.Фиалковский. В его стенах все мы были молоды, № 3
Г.Хотковский. Шанхай моей молодости, № 2

ВОСТОК-ЗАПАД

- С.Белоусов.* Китайские либералы XX века: поиски синтеза культур Востока и Запада, № 6

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- А.Ломанов.* Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы, № 3
В.Малявин. Китайская мудрость в постмодернистский век: возвращение традиции?, № 5
Р.Невилл (США). "Бостонское конфуцианство" - корни восточной культуры на западной почве (Перевод и комментарий А.Ломанова), № 1

- ✓ Чэн Чжунъюн. Теория конфуцианской личности: самосовершенствование и свободная воля в конфуцианской философии, № 6

ТРАДИЦИИ

В.Сидихменов. 1996 год - Год Мыши (Крысы), № 6

КУЛЬТУРА

- А.Ипатов. "Чародей Грушевого Сада" в СССР, № 2
 В.Молодяков. Дружба, не знающая границ, № 5
 Т.Пострелова. Мчашиеся кони Сюй Бэйхуна (К 100-летию художника), № 6
 В.Сорокин. Памяти великого артиста, № 2
 С.Торопцев. На пути к "Истории тайваньского кино", № 1
 С.Торопцев. Это молодое девяностолетнее китайское кино..., № 6
 Г.Чхартишвили. Субъективная компаративистика. Акутагава "гоголизированными" глазами, № 5

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Вручение дипломов "Почетный доктор ИДВ РАН", № 6
 К 50-летию Великой Победы, № 3
 П.Каменнов. Обсуждение проблем развития промышленности КНР, № 4
 А.Круглов. И конь, и трепетная лань... (К итогам экономического и социального развития КНР в 1994 г.), № 5
 ✓ А.Ломанов. Китайская философия и современная цивилизация (К итогам первой всероссийской научной конференции), № 5
 ✓ А.Ломанов, А.Островский, В.Сорокин. Конференция ЕАК в Праге, № 2
 З.Муромцева. Социальные проблемы Китая на современном этапе, № 6
 ✓ Научная конференция Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН: № 2
 А.Островский. Защита докторской диссертации Л.В.Новоседовой, № 2
 Р.Савельев. Защита докторской диссертации Ким Хан Гю, № 2
 А.Свешников. Центр изучения России АОН КНР, № 3
 Е.Селиванова. О миграции китайского населения, № 4
 Т.Турчак, А.Ипатов. В ИДВ РАН открыт научно-информационный центр "Китай", № 3
 ✓ Е.Фадеева. Китай, китайская цивилизация и мир. IV Международная научная конференция, № 6
 Хуан Чжилянь. От Рах Sinica к стратегии развития по модели "f", № 1

РЕЦЕНЗИИ

- В.Асафьев. Э.Молодякова. Япония: профсоюзы и общество, № 3
 А.Г. Краткий словарь современных понятий и терминов, № 5
 И.Балюк, И.Н.Наумов. Проблемы формирования и подъема уровня жизни населения КНР, № 1
 ✓ Е.Бубенцов. Е.В.Бирюлин "Охрана окружающей среды в КНР: экологическая ситуация, политика, право", № 4
 Ю.Гарушняц. "ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Документы. Т. 1, 1920-1925", № 3
 Л.Гудошников. А.Семин. А.П.Марков. Как это было (Воспоминания сибиряка), № 5
 А.Желозовцев. Ли Минбинь. "Китайская литература в России и СССР". "Китайская культура в России", № 4

- А.Жебин. Ян Сер Чер. "Политические системы Северной и Южной Кореи: сравнительный анализ", № 4
А.Жебин. Актуальные проблемы российского востоковедения, № 2
Д.Жоголев. Современный Тайвань, № 2
А.Красильников. Е.Д.Степанов. "Китай на морских рубежах", № 4
К.Кокарев. Тайвань. Краткие справочные сведения, № 3
Н.Кулешов. Джон Снеллинг. Буддизм в России. Агван Доржиев - эмиссар Лхасы при царском дворе, № 3
С.Лузянин. Сибирский кузнец А.Д.Васенев, № 5
Ю.Овчинников. Michael Sweine. The Military & Political Succession in China, № 1
Б.Поспелов. Ясухино Накасонэ. Политика и жизнь. Мои мемуары, № 2
А.Сенаторов. Япония и мировое сообщество. Социально-психологические аспекты интернационализации, № 2
Н.Тебин, А.И.Сенаторов. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности, № 6
С.Тихвинский, С.Белоусов. Китайская философия. Энциклопедический словарь, № 3
Е.Фадеева. Китайская культура 20-40-х годов и современность, № 6
Н.Федоренко. Россия и страны Азии: поиск путей обновления, № 6

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- 80-летие Л.А.Березного, № 3
К 70-летию Анатолия Сергеевича Мутрузина, № 2
70-летие Георгия Александровича Ганшина, № 2

Памяти И.В.Стражевой

28 сентября 1995 г. скоропостижно скончалась член правления Общества российско-китайской дружбы, профессор, доктор технических наук Ирина Викторовна Стражева.

По окончании техникума она работала аппаратчицей на химическом заводе и в 1935 г. поступила в Московский авиационный институт, который окончила с дипломом инженера-механика по самолетостроению. В годы Великой Отечественной войны И.В.Стражева работала в Новосибирске на авиационном заводе по выпуску боевых самолетов. После окончания аспирантуры МАИ в течение 25-ти лет была на преподавательской и научной работе в этом институте; в 1964 г. защитила докторскую диссертацию, а в 1965 г. стала профессором по кафедре "Управление полетом и динамика". В 1955-1956 гг. преподавала в Пекинском авиационном институте, выпускники которого впоследствии заняли руководящие посты в области авиации и космонавтики КНР.

Многие годы И.В.Стражева занималась общественной работой в Президиуме Федерации космонавтики СССР, обществе "Знание" и обществе Советско-китайской, а затем, Российско-китайской дружбы. Перу И.В.Стражевой принадлежат многочисленные научные труды и учебники в области теории полетов, а также путевые очерки о поездках в Китай и Японию.

Светлая память о Ирине Викторовне Стражевой навсегда останется в истории дружбы народов России и Китая.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Оригинал-макет © 1995 г. Дмитрий Славинский

Сдано в набор 19.09.95 г. Подписано к печати 15.11.95 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 16,7 тыс. Уч.-изд. л. 14,7 Бум. л. 5,0
Тираж 1262 экз. Зак. 3367.

Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ СВЯЗИ РОССИИ

КАТАЛОГ '96

газеты, журналы,
книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по сводному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АРЗИ".

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

КАТАЛОГ '96

КНИЖКА
СЕРИЯ
СЕРИЯ

Аргументы
ФАКТЫ

СЕРИЯ
СЕРИЯ

Академия наук
Издательство "Арофа"

АРП
Академия наук
Издательство "Арофа"

АРПИ
Академия наук
Издательство "Арофа"

ПОДПИСКИ
УГОДИЕ
УГОДИЕ